Сергей ПАНОВ, Ольга ПАНОВА

«ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» В СОВЕТСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Статья вторая¹

Аннотация: Статья посвящена первой в СССР / России академической «Истории американской литературы» (1947; авторы — ученые ИМЛИ А.А. Старцев, А.А. Елистратова, Т.И. Сильман), задуманной как часть масштабного научного проекта истории всемирной литературы, начало которому было положено во второй половине 1930-х гг. В.М. Жирмунским и коллективом «западников» ленинградского Института литературы (ИЛИ) и И.К. Лупполом в ИМЛИ. Работа над первым томом началась в 1941 г. и велась в Ташкенте, в условиях эвакуации. В 1945 г. первый том был одобрен ИМЛИ как «ценная и крупная работа»; шла работа над вторым томом. Однако к моменту выхода из печати первого тома (май 1947 г.) в СССР и жизни советской науки произошли существенные изменения. Союзнические отношения с США, в логике которых писалась «История американской литературы», сменились холодной войной. После появления в газете Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «Культура и жизнь» разгромной рецензии А.М. Лейтеса, труд был обсужден и заклеямен как несоответствующий принципам советской науки. Второй том не был издан, а вышедший первый выпал из референтного круга отечественной американистики. Разгром «американского тома» знаменовал окончательный отказ от осуществления проекта истории всемирной литературы (который возобновлен в ИМЛИ на новых основаниях только в начале 1960-х гг.) и замораживание работ по изучению западных литератур вплоть до второй половины 1950-х гг. Исследование выполнено на основе архивных документов из фондов Архива Академии наук (АРАН).

Ключевые слова: история науки, «История американской литературы» (1947), Академия наук СССР, А.И. Старцев, А.А. Елистратова, сталинизм, архивные документы.

© 2017 Панов Сергей Игоревич (Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук, Москва, старший научный сотрудник, кандидат филол. наук), sergeipanov@mail.ru

© 2017 Панова Ольга Юрьевна (Московской государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук, Москва, старший научный сотрудник, доктор филол. наук), literatura.da@gmail.com

¹ Статью первую см.: Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 194–242.

Sergei PANOV, Olga PANOVA

HISTORY OF AMERICAN LITERATURE (1947) AND THE SOVIET ACADEMY OF SCIENCES

Article II

Abstract: The first Soviet *History of American Literature* (1947) made by A.A. Startsev, A.A. Elistratova, T.I. Silman — scholars of Gorky Institute of World Literature, Soviet Academy of Sciences) was a part of a global academic project “world literary history” undertaken by V.M. Zhirmunsky together with his colleagues, specialists in Western literature at the Institute of Literature (Leningrad) and by I.K. Luppol at Gorky Institute of World Literature (Moscow). The first volume was started in 1941; when the war began, the Gorky Institute was evacuated to Tashkent, and the work continued there. In 1945 the first volume was approved at Gorky Institute; the second volume was in work. However by the moment when the first volume was published (May 1947) the political situation in the USSR changed drastically. USA-USSR alliance gave way to the cold war. On Sept 21, 1947 A.M. Leites’ devastating critique of the *History of American Literature* was published in *Kultura i Zhizn’* (#26), an organ of Agitation and Propaganda department of the Central Committee of the Communist Party; after that the book was criticized at Gorky Institute and condemned as incompatible with the principles of the Soviet science. The second volume wasn’t published, the first one disappeared from the professional field. The debacle of the “American volume” marked the freezing of the world literary history project started in mid-thirties (it was re-started much later, in early 1960-ies), as well as all Western literary studies in the Soviet Academy up to the late 1950-ies. The research is based on the materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN).

Keywords: history of science, *History of American Literature* (1947), Academy of Sciences of the USSR, A.I. Startsev, A.A. Elistratova, stalinism, archived documents.

© 2017 Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science, Moscow; Senior Researcher, PhD), sergeipanov@mail.ru

© 2017 Olga Yu. Panova (Lomonosov State University of Moscow, Professor; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science, Moscow; Senior Researcher, Doctor Hab. in Philology), literatura.da@gmail.com

Американистика и начало холодной войны

Не прошло и года с окончания Второй мировой войны, как политическая ситуация в мире и в СССР стала меняться к худшему. Симптомы «похолодания» в гуманитарных науках отчетливо просматриваются с середины 1946 г. и далее нарастают в геометрической прогрессии. Эта динамика ясно видна и на примере публичных лекций по американистике, которые читались учеными-гуманитариями в лектории при Комитете по делам высшей школы при СНК, а с апреля 1947 г. — в только что созданном Всесоюзном обществе «Знание»². Так, осенняя лекция 1945 г. историка А.В. Георгиева с нейтральным названием «Американская пресса» отличалась информативностью, аналитичностью, обилием фактов и данных; обязательная для советского ученого критика буржуазной печати носила сдержанно-академичный характер, сопровождалась аргументацией и примерами³. Прочитанная весной 1947 г. лекция акад. Г.Ф. Александрова (начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП (б), директор Института философии АН СССР; он сам в 1947 г. находился под огнем критики) называлась выразительно — «Философствующие оруженосцы реакции», и представляла собой пропагандистский текст, где факты и их анализ уступают место обличительной риторике. Вот, например, несколько типичных оборотов в адрес Джона Дьюи:

Поражает в этой «концепции» исключительно наглая подтасовка фактов, относящихся к этому вопросу, и полная научная и политическая несостоятельность всех этих рассуждений. [...] Но кто дал право и основание американскому реакционному философу говорить от имени всего человечества?.. [...] Прежде чем рассмотреть дальнейшие рассуждения Дьюи, необходимо сказать, что он выступает здесь наглым лжецом. Где увидел выживающий из ума американский философ нежелание народных масс воспользоваться демократическими свободами?..⁴

² О репертуаре литературоведческих лекций тех лет см.: *Дружинин П.* Ленинградские филологи в публичных лекциях. 1940-е. Хроника // *Острова любви Борфедя*. Сб. к 90-летию Б.Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2016. С. 345–372.

³ *Георгиев А.В.* Американская пресса. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 24 сентября 1945 г. в Лекционном зале в Москве / Всесоюзное лекционное бюро при Комитете по делам высшей школы при СНК СССР. М.: Правда, 1946.

⁴ *Александров Г.Ф.* Философствующие оруженосцы американской реакции. Стенограмма лекции, прочитанной в мае 1947 г. в Лекционном зале Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М.: Правда, 1947. С. 24–25, 28.

В начавшейся антиамериканской пропагандистской кампании лидируют, естественно, общественные науки, приближенные к передовой идеологического фронта, — история, философия. Вслед за ними поспешает и литературоведение. В литературной критике так же резко контрастируют содержание и, главное, тон статей последнего года войны и статей, появившихся после Фултонской речи Черчилля (5 марта 1946) и, в особенности, после постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946). Характерной для периода союзнических отношений была, например, статья в «Литературной газете» 1945 г. поэта и переводчика М. Зенкевича о журнале «Poetry» — содержательная, информативная, оценивающая журнал как выдающееся культурное явление:

«Поэтри» имеет, несомненно, большие заслуги перед американской литературой — журнал выдвинул ряд новых поэтов, в числе их таких крупных, как Карл Сэндберг и Уочел Линдзи. Он прививал американским читателям вкус и любовь к серьезной поэзии. В наше время «Поэтри», несмотря на свой небольшой объем, является ведущим журналом поэзии не только Америки, но и других стран английского языка⁵.

Немало места в статье уделяется военной англо-американской поэзии. Зенкевич счел возможным отметить ряд ее достоинств и охарактеризовать ее в целом как явление положительное, заслуживающее уважения — хотя сравнение с советской «фронтовой поэзией», разумеется, оказывается в пользу последней.

В 1945 г. даже в критических и обличительных обзорах тон остается сдержанным, формулировки и эпитеты — вполне корректными. А.И. Старцев в статье с академически нейтральным названием «Литературные споры в США» (Литературная газета. 1945. 11 августа) с чувством сожаления выговаривает Дж. Стейнбеку за аполитичность, отход от общественной тематики, измену идеалам «Гроздьев гнева»: «Стейнбек наделен по характеру своего дарования малой сопротивляемостью. Он последним взбирается в гору и первым спускается под гору». Критика «неудачной повести» «Консервный ряд» тоже звучит сдержанно: «[...] новая книга Стейнбека, сама по себе не имеющая сколько-нибудь выдающегося значения и не “делающая погоду”, по-видимому, сигнализирует о новых сдвигах в американской литературе». Парламентские выражения используются также в адрес Ван Вик Брукса и Л. Мэмфорда, отказавшихся от левых социалистических взглядов и ставших на пози-

⁵ Зенкевич Мих. Заметки поэта. По страницам «Poetry» // Литературная газета. 1945. 23 февраля.

ции «почвенничества». Характеризуя их взгляды как ошибочные, Старцев, тем не менее, уважительно пишет об их былых заслугах и признает масштаб их дарования: Ван Вик Брукс — «виднейший американский критик и историк литературы», «в прошлом крупный идеолог “людей двадцатых годов”»; Мэмфорд — «очень видный американский писатель по вопросам культуры». Даже переходя к разбору взглядов представителя враждебного лагеря Бернарда де Вотто, автор умерен в характеристиках (де Вотто — «консервативный критик и историк литературы»), следует принципу информативности: в статье суммируются основные идеи книги де Вотто «Заблуждения литературы» и выдвигаются контраргументы. Характерен для периода «гармоничных отношений» СССР и США и оптимистичный общий вывод: «Несмотря на свою агрессивность, консервативная критика в США вряд ли может рассчитывать на большой успех».

После Фултонской речи Черчилля ситуация с освещением в СССР американской литературы и культуры ухудшается буквально каждый месяц. Меняются заголовки статей, их тон и стиль. Информативность снижается, описание и анализ материала все чаще подменяются иеремиадами, пропагандистской риторикой, когда автор не критикует авторов и произведения, а клеймит и громит врага. Так, например, Вл. Рубин в статье «Нищета идейная и художественная. О “военной” поэзии в Англии и США» (Литературная газета. 1946. 21 декабря) пишет о феномене англо-американской военной поэзии совершенно иначе, чем это делал год назад М. Зенкевич. Выразителен пассаж о «матером реакционере», «литературном мюнхенце» Э.Э. Каммингсе с его «путанными и лишенными всякой поэзии стихами»:

Однако этот любитель “чистой поэзии” разоблачил себя как выразитель весьма грязной политики. Приняв участие в дискуссии о военной поэзии, он выступил с пошлыми рассуждениями о “свободе творчества”, присоединив к ним гнуснейшие антисоветские измышления в стиле Геббельса.

Советским литературоведам приходилось маневрировать в поисках нужной формулы — взвешенного сочетания пропагандистского и научного содержания. В апреле 1947 г. Морис Мендельсон читает публичную лекцию о современной американской литературе, которая, естественно, изобилует пропагандистскими пассажами:

Американские империалисты, сторонники идеи мирового господства, стремясь подавить всякое сопротивление своим планам внутри страны, не без оснований рассматривают произведения, подобные песне О’Нила, как часть своего идеологического арсенала.

Те, кому все это на руку, хорошо оплачивают услуги наемных банкетов от литературы. Кстати, среди них немало троцкистских мерзавцев⁶.

Вместе с тем, лекция М. Мендельсона насыщена фактами, именами современных авторов, названиями их книг, в ней приводятся сведения о писателях, дается сумма содержания произведений, в том числе и тех, которые подлежат разгромной критике. Основательная лекция состоит из 9 тематических разделов, большая часть которых («Бум в издательском мире США», 3 раздела о литературе военного времени и раздел, посвященный разбору последних произведений крупных современных авторов — «Трагическая земля» Колдуэлла и «Консервный ряд» Стейнбека) сочетают примерно в равных пропорциях пропагандистские клише и собственное литературно-критическое описание. В разделе «Засилье декаданса в литературе США» обличительный пафос достигает апогея; в рядах «декадентов», которые «оплеывая и унижая человека, рисуя его как существо [...] низкое, подлое, грязное [...] внушают мысль о беспечности борьбы за лучшее будущее», оказываются У. Фолкнер, Г. Миллер, бывший друг СССР Ричард Райт, Ю. О'Нил со своей последней пьесой «Продавец льда» — «отвратительным упадочническим произведением»⁷. Однако завершается лекция жизнеутверждающей кодой: заключительные главки («Прогрессивные тенденции живы», «Посмертный роман Драйзера», «Некоторые итоги и перспективы») посвящены передовым авторам — Драйзеру с его романом «Оплот», Говарду Фасту, Лилиан Смит, Альберту Мальцу, Джозефу Норту и др.:

Передовые американские писатели ощущают необходимость, продолжая следовать лучшим традициям Твэна, Лондона, Драйзера, Синклера, а также литературы 30-х годов, вместе с тем, опираясь, на достижения советской литературы, поднимать на новую, более высокую ступень критическое изображение буржуазной действительности [...] Заслуживающие внимания произведения литературы и в дальнейшем, конечно, могут создаваться в Америке лишь на народной основе, такими писателями, руку которых направляют сочувствие демократическим устремлениями народа, ненависть к угнетению, реакции, империализму⁸.

В статье директора созданного в 1946 г. «Госиноиздата» Б. Сучкова⁹ «Рабы доллара» (Культура и жизнь. 1947. 10 июля) пропаган-

⁶ Мендельсон М. Современная американская литература. Стенограмма публичной лекции. 20 апреля 1947 г. Всесоюзное лекционное бюро при Министерстве высшего образования СССР. М.: Правда, 1947. С. 23, 24.

⁷ Там же. С. 20–21, 23.

⁸ Там же. С. 31–32.

⁹ К продукции Издательства иностранной литературы было повышенное внимание; экземпляры почти всех выпущенных книг направлялись лично Ста-

дистские филиппики уже значительно перевешивают собственно литературно-критическое содержание. Здесь фигурируют в основном те же авторы и произведения, что и в вышеупомянутой статье А.И. Старцева, но в соответствии с «требованиями момента» совершенно изменились и тон, и лексикон:

Торгашеский дух насквозь пронизывает ныне американскую буржуазную культуру и литературу. За звонкую монету покупается все: честь, совесть, талант, убеждения писателя. [...] Ренегаты типа Дос-Пассоса издают романы, где описывается неизбежность «разочарования» героя в идеалах рабочего движения, а заодно проводится идея, что участие в рабочем движении несовместимо с верностью американскому народу. Бывшие радикалы, вроде Ван Вик Брукса, некогда метавшего громы и молнии «против капитализма», ныне противопоставляют почвенные устои американизма «беспочвенности» социализма, доказывая с пеной у рта, что даже сочувствие социализму — измена сути американского национального характера.

В статье Б. Сучкова, как и в лекции М. Мендельсона, все еще довольно много говорится о «прогрессивно настроенных писателях», «сознающих степень угрозы, нависшей над Америкой», противостоящих «силам реакции». Это Э. Синклер, С. Льюис, Хемингуэй, Колдуэлл. Однако «отрицательная динамика» заметно набирает обороты: положительных героев (писателей-антиимпериалистов) и прогрессивных книг в американской литературе обнаруживается все меньше, и, наконец, к 1948 г. их не останется практически совсем. Уже к середине 1947 г. советская американистика окончательно превращается в оружие для ведения военных действий в начавшейся холодной войне.

«Институт, оторванный от жизни»

В то время как Иностранная комиссия Союза писателей летом 1947 г. рассылает своим постоянным корреспондентам в США новинку — первый том «Истории американской литературы»¹⁰, гор-

лину. Борис Львович Сучков (1917–1974) продержался на посту не долго, уже в 1947 г. был обвинен в шпионаже и 8 лет провел в лагерях; директор ИМЛИ в 1968–1974.

¹⁰ См. письмо Уолта Кармона М.Я. Аплетину от 7 октября 1947 г.: «Примите мою искреннюю благодарность за присланный том “Истории американской литературы”. Это первоклассный научный труд, и я надеюсь, что вскоре выйдут из печати и последующие томы. Обязательно передайте мои особенные поздравления гг. Старцеву и Елистратовой, авторам тома, с которыми я когда-то имел удовольствие работать вместе» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1134.

дьясь успехом советской науки, оценка этого труда в СССР оказывается резко негативной. Он подвергается особо ожесточенной критике даже на фоне общего потока претензий к работе отечественных литературоведов.

В условиях «закручивания гаек», набравших обороты кампаний против «веселовщины», «преклонения перед Западом» 18 июля 1947 г. в «Правде» появилась статья К. Потапова «Институт, оторванный от жизни» с разгромной критикой в адрес ИМЛИ:

Институт мировой литературы встал на ложную дорогу. Он ушел от своей главной, жизненно важной для страны задачи, он до сих пор не отвечает требованиям жизни. И это больше всего характеризует аполитичность его деятельности. Он не выпустил в свет ни одной серьезной работы по теории советской литературы, не издал ни одного труда ни по вопросам социалистического реализма и социалистической эстетики, ни по вопросам партийности литературы, ни о ведущей роли советской литературы в мировой литературе.

Хотя основной темой статьи был провал Института на главном направлении — изучении советской литературы, под «картобстрел» попал не только многострадальный «Очерк истории советской литературы» (он был объявлен теоретически беспомощным, ненаучным, эклектичным, полным идеологически вредных ошибок и не оправдавшим затраченных на него средств): автор статьи коснулся и работы литературоведов-западников. Здесь констатировался все тот же комплекс проблем: аполитичность, уход от оценки современного литературного процесса и, тем самым, от идеологически важных проблем, академический «эскапизм» в форме обращенности почти исключительно к классическому наследию Запада:

Итак, институт долгое время не занимался разработкой жизненно важных проблем советской литературы [...] Куда же, спрашивается, были нацелены главные силы? Они сосредоточивались преимущественно на создании многотомных трудов по англо-саксонской, скандинавской и античной литературам, причем институт совершенно отбросил в сторону критическое изучение современной литературы буржуазного запада. Институт, видимо, не интересуют процессы распада растленной реакционной литературы, не интересует и философия мракобесов от литературы, сеющих человеконенавистнические идеи, старающихся всякими путями увести народ от острых социально-политических вопросов. Разве разо-

Л. 1 (оригинал по-англ.), 4 (перевод)). Еще в 1945 г., характеризуя готовящуюся к изданию книгу, А. Старцев от имени коллектива указывал: «По имеющимся сведениям, американские историки литературы с интересом ждут окончания этой работы советских литературоведов (письмо виднейшего американского литературоведа Ван Вик Брукса к одному из участников Истории американской литературы (Старцеву))» (АРАН. Ф. 397. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 60).

блечение реакционных литераторов, врагов своего народа и врагов советского народа, оплевывающих и оболванивающих человека, не есть боевой гражданский долг советских литературоведов?

Эти обвинения будут буквально повторены в начале 1948 г. мастером «установочно-директивной» критики Анатолием Тарасенковым. Его разгромная статья «Космополиты от литературоведения» вышла в феврале в «Новом мире»:

Как могло получиться, что Академия наук и Институт мировой литературы, носящий священное имя Горького, успели выпустить огромные тома, посвященные американской и английской литературе и провалили всю работу по советской литературе? [...] Почему написать хотя бы краткий очерк развития советской литературы и дать монографии о советских художниках слова труднее, чем заниматься кропотливым анализом творчества никому не ведомых третьестепенных деятелей буржуазной литературы XVII или XVIII веков, живших в Англии или во Франции? [...] В общем ходе истории культуры творения Горького и Маяковского, Алексея Толстого, Шолохова, Фадеева значат больше, гораздо больше, чем разные американские Мельвилы и Ирвинги, Симсы и Эмерсоны, которым посвящено столько внимания в том же выпуске «Истории американской литературы». Пора это понять и утвердить. Пора влить в наше литературоведение живой огонь современности¹¹.

Тучи, сгустившиеся над ИМЛИ летом 1947 г., к осени разразились грозой над американистами института. Вспоминает Е.М. Евнина:

...вторая половина 40-х годов ознаменовалась жестокими погромами на идеологическом фронте. Первым из таковых оказалось известное постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 года¹².

Но еще полутора месяцами раньше была основана газета «Культура и жизнь» — орган Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в которой восхваления общих успехов и достижений советской культуры чередовались с беспощадным избиением ее конкретных представителей. Мы раскрывали эту газету с ужасом [...]

Приговор, вынесенный на страницах газеты «Культура и жизнь», обжалованию не подлежал. Если бы и нашлись смельчаки выступить против него, их статьи все равно нигде бы не поместили. Разгромленные таким образом книги немедленно изымались из продажи и из всех библиотек страны. А авторы их подвергались долгой и унижительной прора-

¹¹ Тарасенков А.К. Космополиты от литературоведения // Новый мир. 1948. № 2. С. 136–137.

¹² В ИМЛИ 6 сентября прошло заседание Ученого совета, посвященное «изучению постановлений ЦК ВКП(б) от 14 и 26 августа 1946 г. о журналах “Звезда” и “Ленинград”» (протокол Ученого совета см.: АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 144-а).

ботке на собраниях своих учреждений, где должны были каяться и признавать ошибки. В противном случае их изгоняли с работы и нигде уже больше не принимали [...] В атмосфере подобных погромов проходила и научная, и общественная жизнь ИМЛИ [...] Первым объектом погрома оказалась «История американской литературы»¹³.

«Автор статей и рецензий»¹⁴

Разгром академической «Истории американской литературы» был начат статьей А. Лейтеса «Об одной антинаучной концепции. (Первый том “Истории американской литературы”)» в газете «Культура и жизнь» 21 сентября 1947 г.

Уроженец Брест-Литовска Александр Михайлович Лейтес (1899–1976)¹⁵ успел получить до революции неплохое образование (включавшее знание иностранных языков). В 1920 г. Лейтес организовал литературную студию при клубе «Коммунист» Харьковского губкома КП(б) Украины. Он свел знакомство с Хлебниковым, который находился тогда в Харькове, пригласил его на первое заседание только что созданной литературной студии, предложил будетлянину прочесть лекционный курс для студийцев, помог ему оформиться на должность трубача при клубном оркестре, чтобы получать паек, устроил ему встречу с приехавшим в Харьков наркомом просвещения Луначарским. Познакомился Лейтес и с прибывшими в апреле 1920 г. в Харьков из Москвы поэтами-имажинистами Сергеем Есениным и Анатолием Мариенгофом¹⁶, а в 1921 г. принял участие в диспуте об имажинизме. Лейтес и сам пробовал силы в поэзии¹⁷, что, впрочем, не помешало ему опубли-

¹³ Яневич Н. [= Евнина Е.М.] Институт мировой литературы в 1930-е — 1970-е годы // Память. Исторический сборник. Вып. 5. М., 1981; Париж: Editions La Presse Libre, 1982. С. 96–97, 101.

¹⁴ См. справку о герое: Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энциклопедия, 1967. Стб. 101.

¹⁵ Подробнее о А.М. Лейтесе см.: Александр Лейтес. Уроженец Бреста дружил с Велимиром Хлебниковым и создал трехтомный словарь украинской литературы // Брестский курьер. <http://www.bk-brest.by/2014/07/8862/>; а также воспоминания дочери: Лейтес Л.А. «И никакого розового детства...» // Странички войны. Воспоминания детей писателей. 1941–1944 / Сост. Н.А. Громова. М.: Астрель, 2012; Зленко Г. Цей невідомий Олександр Лейтес // Друг читача. 1989. 13 апреля. С. 5.

¹⁶ О знакомстве с Хлебниковым и имажинистами подробнее см.: Лейтес А. Хлебников — каким он был // Новый мир. 1973. № 1; Краснящих А. Мандельштам и другие. Писатели в Харькове. Часть вторая // Новый мир. 2016. № 11.

¹⁷ См. сб. его стихов: Лейтес А. Твоих ночей. Харьков: изд. автора, 1920. — 24 с.

ковать в год окончания Харьковского института народного образования (1922) максималистское эссе «Поэзия как анахронизм»¹⁸. В 1920-е гг. Лейтес публикует статьи о русской, украинской и западной классической и современной литературе («Достоевский в свете революции», 1922; «Ренессанс украинской литературы: факты и перспективы», 1925; «Октябрь и западная литература», 1925; «Сергей Есенин», 1926; «От Барбюса до Ремарка» и др.), издает в соавторстве с М.Ф. Яшеком библиографический словарь «Десять лет украинской литературы»¹⁹.

В начале 1930-х гг. по приглашению ЛОКАФ Лейтес с семьей переезжает в Москву, поселяется в писательском доме на ул. Фурманова 3/5, работает в журнале «Знамя», активно печатается в центральной прессе («Правда», «Известия», «Литературная газета»). Сохраняя широкий круг интересов, он пишет о разных авторах — русских и украинских, советских и зарубежных (Горький, Шевченко, Маяковский, Эренбург, Байрон, Беранже, Цвейг, Фейхтвангер, Барбюс и др.)²⁰, демонстрируя важные для советского критика качества — чуткость к «директивам», приверженность актуальным темам. Избранные статьи составили его сборник «Литература двух миров» (М.: Советский писатель, 1934). При этом Лейтес и сам подвергался критике и «чисткам».

В начале войны Лейтес — парторг роты, затем зав литотделом газеты «Гудок», с 1943 г. — председатель военной комиссии Союза писателей²¹, с 1946 г. сотрудничает с К.М. Симоновым в Инкомиссии СП и в редакции «Нового мира». Лейтес активно выступает как лектор и публикует статьи на самые «горячие» темы. Так, например, 12 июля 1947 г. в «Правде» выходит его статья «О законах истории и о реакционной истерии», которая является образцом антиамериканской пропаганды под маской литературной критики. Лейтес начинает с филиппик против «англо-американских реакционеров, тормозивших дело разгрома германского фашизма» и

¹⁸ Лейтес А. Поэзия как анахронизм. Фрагменты // Грядущий мир: литературно-художественный, политический, научный и критический марксистский журнал. Харьков: Главполитпросвет УССР, 1922. № 1 (май). С. 243–252.

¹⁹ Десять років української літератури (1917–1927): Біобібліографічний покажчик / О. Лейтес, М. Яшек; ред. С. Пилипенко. Київ: Держ. вид-во України, 1928. Т. 1–2.

²⁰ В области американистики Лейтес отметился статьями в рамках дискуссии «Советская литература и Дос-Пассос» (Знамя. 1933. № 5, 6), статьей «Скованный смех. К 75-летию со дня рождения О'Генри» (Известия. 1937. 10 сентября).

²¹ О работе А. Лейтеса в годы войны см.: «Мы предчувствовали полыхание...» ССП в годы Великой Отечественной войны / РГАЛИ: В 2 т. М.: РОССПЭН, 2015, по указ.

«пытавшихся отыгаться на чужой крови», а теперь стремящихся дискредитировать победу советского народа, а затем переходит непосредственно к обличению американской «буржуазной реакционной литературы»:

Раньше подобная литература называлась эскапистской (литературой бегства от действительности). Ныне она приобретает более агрессивный характер. В наше время это литература истерически-злобная, наступающая на все передовое и прогрессивное, что есть в жизни. Реакционные литераторы, философы и социологи, выступая единым фронтом, пытаются очернить человека, низвести его до уровня дикого зверя, опровергнуть самую возможность его развития и совершенствования, всяческими способами подчеркивая его атавистические, животные инстинкты.

Накануне публикации в «Культуре и жизни» его рецензии на первый том «Истории американской литературы» А.М. Лейтес сам показал академическим работникам пример того, как надо в духе момента говорить о литературе США. 17 сентября 1947 г. он прочел лекцию «Литература американского империализма» в обществе «Знание», которая, как было принято, вышла отдельной брошюрой. От заглавия и до коды лекция Лейтеса — это практически идеальный пример превращения литературоведения в идеологическое оружие, так, что от литературоведения при этом практически ничего не остается. В лекции пять разделов, четыре из них — разгромные, названия говорят сами за себя: «Литературная экспансия американской реакции», «“Атомные крестоносцы” (о сеятелях страха, неуверенности и мракобесия)», «Искусство и... бизнес», «О непристойности, возведенной в принцип, и о беспринципности, возведенной в систему». Заголовки вполне отражают суть: о литературе в лекции почти не говорится, текст в основном состоит из общественно-политических пропагандистских штампов, перекочевавших из газет:

Щедро экспортируя идеи национального нигилизма в другие страны, американские реакционеры внутри своего государства создают миф о так называемой американской сверхнации, будто бы несущей ответственность за «судьбы земного шара». Их уже не устраивает доктрина Монро: «Америка для американцев». Они нагло выдвигают новый, весьма категорический лозунг: «Весь мир для американцев!»²²

Герои лекции Лейтеса — не столько писатели, сколько политические деятели (Трумэн, Черчилль, сенатор Теодор Бильбо, гу-

²² Лейтес А.Н. Литература современного американского империализма. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 17 сентября 1947 года в Центральном лектории Всесоюзного Общества по распространению политических и научных знаний. М.: Правда, 1947. С. 6.

бернаторы, партийные активисты), бизнесмены, короли прессы, радиоведущие, журналисты — «акулы пера» (редактор «Life» Генри Люс, публицист Уолтер Липпман, предприниматель Чарльз Дэвис), социальные мыслители и интеллектуалы (Дж. Барнхэм, Ф. Салливан). Лейтес говорит о «желтой» прессе, об издательском бизнесе, политических декларациях, атомных испытаниях, о хищниках Уолл-стрит. Наглядно видно выхолащивание «профессионального контента», содержательности, информативности: даже когда речь заходит о литературе, конкретика, как правило, отсутствует, замещаясь обличительными пассажами:

Теме атомной бомбы посвящаются все новые и новые повести, новеллы и поэмы. В большинстве своем эта литература спекулирует на невежестве одних и страхе других, культивирует неуверенность в завтрашнем дне [...] Крупнейшее научное изобретение — открытие внутриатомной энергии — с помощью этой шантажистской литературы становится поводом для укрепления мистических и панических настроений среди широких кругов читателей, дает возможность развязывать самые примитивные, зоологические инстинкты, сочетающиеся с беспредельным ханжеством, служит целям поджигателей новой мировой войны. На страницах херстовских газет раздается звериный вопль о том, что неплохо было бы сейчас сбросить атомную бомбу на некоторые балканские города, чтобы снести их с лица земли²³.

За вычетом трех книг (романы Р. Пейна «Давид и Анна» и П. Франка «Мистер Адам», повесть Ф. Уили «Ошибка»), остальной небогатый набор упоминаемых авторов и литературных произведений состоит из все тех же, кочующих из статьи в статью, Колдуэлла («Трагическая земля»), Стейнбека («Заблудившийся автобус»), С. Льюиса («Гидеон Плениш», «Кингсблад»), Э. Синклера, Ю. О'Нила с «оплёвывающей человека» пьесой «Продавец льда», Генри Миллера. Эти авторы приводятся в пример либо как «паладины американской реакции», либо как ее жертвы — некогда талантливые писатели, не сумевшие «противостоять реакции», заразившиеся духом «деградации». Другие традиционные объекты иеремиады — открытые «прислужники реакции» (милитаристы, расисты и т.п.), массовая литература — «пошлое антикультурное, бульварное чтиво», «фрейдистская порнографическая литература».

В качестве «разоблачителей реакции» названы Лилиан Смит, Г. Фаст, Л. Хеллман, А. Мальц, несколько второстепенных авторов, пишущих о расовой дискриминации (Л. Гобсон, Д. Гоу, А. д'Юссо, М. Вуд). Характерно, что и «реакционеры», и «разоблачители» (как и названия их произведений — фигурирующие, впрочем, далеко не

²³ Там же. С. 12.

всегда) приводятся списком, лектор перечисляет их, фактически ничего о них не сообщая, замещая конкретный анализ общими декларациями, в которых нанизаны друг на друга идеологические клише:

Выдающиеся произведения литературы... могут создаваться только писателями, которые верно оценивают и страстно защищают прогрессивные социальные ценности [...] Протестующие против реакции голоса прогрессивных художников Америки напоминают нам, что передовая американская интеллигенция отнюдь не с теми, кто сегодня официально выступает от ее имени²⁴.

Заключительная часть, названная, как и положено по канону, «Прогрессивные тенденции американского народа» и занимающая две страницы, посвящена не американской словесности, а тому, как народ и передовые писатели США ценят и любят советскую литературу. Прочитовав вначале предсмертное письмо вступившего в 1945 г. в компартию Т. Драйзера, в котором тот «с восторгом отзывается о могучем Советском Союзе, о его великом вожде товарище Сталине, о коммунистической партии, о марксистской теории», Лейтес сообщает о важнейшем событии в литературной жизни США — выходе в Америке полумиллионным тиражом книги К. Симонова «Дни и ночи», и завершает лекцию панегириком советской литературе:

Не случайно советскую литературу называют совестью человечества. Советская литература — это литература высоких идей, больших и благородных человеческих чувств. В ней слышится голос истории. В ней слышится голос будущего. Ее идеи — идеи нашего народа — освещают путь дальнейшему развитию всей мировой культуры. И нет никакого сомнения в том, что вопреки завываниям американских реакционеров победят именно эти идеи... победят трудящиеся, которые борются за счастливое будущее всех — больших и малых — народов²⁵.

Самая лучшая, самая прогрессивная американская литература — это советская литература; такой вывод логично вытекает из всей лекции Лейтеса, которая для сентября 1947 г. кажется даже слишком «передовой», предвосхищающей 1949 год, разгар кампании против космополитов. Кстати, этот термин уже присутствует в лекции Лейтеса в связи с романом Р. Пейна, действие которого происходит в Индонезии: главный герой романа плантатор Давид, отмечает Лейтес, преподносится автором как «весьма благородный космополит... который думает якобы только об одном — о прогрессе человечества». Но лектор развенчивает эту империалистическую идеологию:

²⁴ Там же. С. 16–17.

²⁵ Там же. С. 23–24.

Мы знаем, как сегодня выглядит этот «марш космополитов» по Индонезии. Напыщенные космополитические рулады — а их очень часто встречаешь в современной американской беллетристике — служат прелюдией к жестокой колониальной войне, которую ведут эти космополиты²⁶.

Несмотря на умение соответствовать духу момента, А. Лейтесу не удалось избежать общей участи, постигшей в конце 1940-х почти всех тех, кто имел «сомнительное происхождение» и носил «неправильную фамилию»: в ходе кампании против космополитов он был отстранен от работы в ССП, от сотрудничества с «Новым миром» и Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний²⁷ (а его жена Флора Моисеевна Лейтес была уволена из редакции иновещания Радиокomitета СССР). Тем не менее, А.М. Лейтес остался в профессии: в 1950-е гг. писал о проблемах перевода²⁸, незадолго до смерти опубликовал мемуары о своем знакомстве с Хлебниковым в революционном Харькове начала 1920-х.

Приговор

В обширной газетной рецензии на «Историю американской литературы» А. Лейтес обошелся без бранной лексики; однако термины, в которых он выносит оценку академическому труду, были, пожалуй, еще страшнее и могли повлечь за собой далеко идущие последствия. Труд был объявлен немарксистским, выполненным в духе либеральной буржуазной идеологии, страдающим схоластичностью, «объективизмом», «мертвенным академизмом» — и этот приговор критик повторяет в статье несколько раз, на разные лады:

Авторы первого тома, заносчиво объявив, что их труд является «де-тищем советского литературоведения», не только не положили в основу своей работы ленинское «Письмо к американским рабочим», но построили всю историю американской литературы по методу эклектического буржуазного либерального литературоведения²⁹. [...]

²⁶ Там же. С. 5. Имеется в виду война Индонезии за независимость против экспедиционных британских и голландских корпусов (1945–1949).

²⁷ См. «обличающие» Лейтеса документы 1949 г.: Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953. М.: Материк, 2005, по указ. (серия «Россия. XX век»).

²⁸ *Лейтес А.* Художественный перевод как явление родной литературы // Вопросы художественного перевода, М.: Советский писатель, 1955. С. 97–119.

²⁹ Здесь и далее цитируется по: *Лейтес А.* Об одной антинаучной концепции. (Первый том «Истории американской литературы») // Культура и жизнь. 1947. 21 сентября. № 26.

На всем протяжении первого тома «Истории американской литературы» они в лучшем случае более или менее научнообразно информируют читателя о тех или иных явлениях в истории американской литературной жизни. Между тем задача марксистского историка не только информировать о литературных событиях, имевших место в прошлом, но и объяснять их, вскрывать дальнейшие тенденции их развития. [...]

Вот такая вреднейшая маниловская либеральная методология лежит в основе «Введения» в первый том «Истории американской литературы».

Отход от учения Маркса–Ленина–Сталина критик обнаруживает в неверной трактовке вопросов, связанных с общественно-экономической формацией и генезисом американской нации. Лейтес обрушивается на А. Старцева за его утверждение «в духе меньшевика Суханова-Гиммера», что Америка никогда не знала феодализма и ее история начинается с капитализма, с буржуазного строя:

В своей вступительной статье к сборнику «Американская новелла XIX века» (Государственное издательство художественной литературы, 1946 год), редактор и составитель сборника А.И. Старцев категорически заявил: «Америка не знала феодализма и была враждебна ему политически».

Такое «откровение» в устах советского литературоведа кажется более чем странным. Во всяком случае, оно ничего общего не имеет с исторической правдой, с марксистско-ленинской оценкой истории Америки. [...] Как известно, в Соединенных Штатах Америки с самого начала возникновения этого государства существовало крупное рабовладельческое землевладение, власть политической олигархии зачастую распространялась не только на Южные, но и на Северные Штаты. Известно также, что на всем протяжении истории Соединенных Штатов Америки буржуазия культивировала наряду с техническим прогрессом средневековую веру и феодальную мораль. Да и в самое последнее время империалистическая буржуазия Америки для утверждения своей мировой гегемонии ориентируется на все феодальное, на все давно отжившее в странах Европы и в других частях земного шара. Это противоречие между высокой технической цивилизацией в Америке и ориентацией ее правящих классов на феодальные пережитки в свое время констатировал Фридрих Энгельс.

Вмененные Старцеву в вину «извращения» национального вопроса были не менее (если не более) тяжким обвинением — учитывая особый интерес «вождя народов» к этой стороне доктрины и его личный вклад в разработку национальной теории и политики. «Сглаживание» классовой борьбы, «либеральное затушевывание» противоречий, игнорирование теории «двух культур в каждой национальной культуре» — подобные инвективы рисовали образ настоящего врага, вкравшегося в советскую науку:

Вся история Соединенных Штатов Америки отмечена жесточайшей борьбой между ее реакционными и прогрессивными силами. Вот почему

еще более удивительным кажется, что А.Старцев в той же вступительной статье к сборнику «Американская новелла XIX века», характеризуя историю американской цивилизации, пишет: «“Чересполосица” национальных и культурных укладов сообщала этой цивилизации большую красочность и подвижность». Так с помощью либерального всепримиряющего словечка «чересполосица» критик затушевывает борьбу классов, противоборство различных укладов и двух традиций — традиции революционной и традиции реакционной в истории американского народа. А вместо борьбы двух культур, характеризующих историю американской цивилизации, литературовед разглядел в ней только «красочность и подвижность». [...]

Естественно, что от историков американского народа и его литературы читатели ждут правдивого и страстного изображения этих глубоких противоречий, разьедающих Америку, а не эстетского и объективистского любования «красочной и подвижной...чересполосицей». Между тем, вредные рассуждения критика А. Старцева до сих пор не встретили никакого отклика ни в среде советских критиков, ни в среде советских историков. Более того, в результате примиренческого отношения к подобной либеральной и объективистской методологии она оказалась положенной в основу первого тома «Истории американской литературы», изданной в этом году Институтом мировой литературы Академии наук СССР.

Лейтес стремится показать, что «вредные рассуждения» Старцева — не случайность, а выражение последовательной антимарксистской, антисоветской позиции. Особенно подчеркивается недопустимость трактовки индейской и негритянской культур как успешно ассимилирующихся в единую американскую национальную культуру.

Методологические «принципы», на которых построен первый том «Истории американской литературы», становятся совершенно ясными из введения к этому тому, написанного А. Старцевым. Характеризуя процесс формирования американской нации, [...] А. Старцев говорит о внутреннем единстве как о признаке, характерном для каждой сформировавшейся нации, да еще при этом ссылается на современную общественную науку. Между тем, передовая современная общественная наука основывается на классическом сталинском определении нации, как исторически сложившейся, устойчивой общности людей.

Путаница терминологическая приводит А. Старцева к крайней идейной и методологической путанице. У него получается, что в условиях капитализма в XIX веке американский народ достиг не только внешнего, но и внутреннего единства!

В своем классическом труде «Марксизм и национальный вопрос» товарищ Сталин писал: «[...] На первых стадиях капитализма еще можно говорить о “культурной общности” пролетариата и буржуазии. Но с развитием крупной индустрии и обострением классовой борьбы “общность” начинает таять. Нельзя серьезно говорить о “культурной общности” нации, когда хозяева и рабочие одной и той же нации перестают понимать друг друга» (Соч., т. 2, стр. 328).

Между тем, А. Старцев, рассуждая о формировании и развитии американской культуры, ни разу не говорит о борьбе двух культур. [...] А. Старцев не только отрывает вопросы формирования культуры от вопросов классовой борьбы, но и с исключительным благодушием характеризует современную американскую культуру как некую сумму национальных культур, определивших своеобразие американской литературной и культурной жизни.

Для него индейская культура — это только «слагаемое» в процессе формирования американской культуры», обогатившее «как раз те ее элементы, которые можно характеризовать как черты национального своеобразия» (стр. 10). По Старцеву выходит, что и негритянская культура с большой пользой и для себя, и для Америки ассимилировалась и переварилась в американской культуре. Отмечая, что «трехвековое рабское состояние наложило на американских негров тяжелый отпечаток в виде культурной отсталости, которая преодолевается с трудом лишь в новейшее время», А. Старцев тут же пишет: [...] «В наши дни негритянская интеллигенция начинает играть заметную роль в культурной жизни США, в частности в американской литературе». Получается, что в современной американской капиталистической культуре нет подавления и извращения других национальных культур. Что может быть возмутительней подобного рода лживой концепции?

Примечательно, что, цитируя Сталина, Лейтес, на самом деле, подтверждает «ортодоксальность» Старцева, который пишет о достигнутом единстве нации в связи с Американской революцией, имея в виду как раз период раннего капитализма (XVII–XVIII вв.).

Третья претензия к труду — «диспропорция» материала, в результате которой «реакционные» авторы (такие, как «декадент» Эдгар По) выглядят столь же значимыми, как и авторы «прогрессивные». Большая работа, проделанная создателями тома, погружившимися в изучение малоизвестного, а порой и вовсе неизвестного советской науке материала (литературная история США XVII–XVIII вв., Мелвилл, Готорн и т.д.), трактуется как «нарушение пропорций», попытка «сместить» идеологические акценты в пользу авторов и литературных явлений «идейно вредных» или просто «малозначительных»:

Схоластичная, лишенная какой бы то ни было творческой действительности, «История американской литературы», написанная А. Старцевым, А. Елистратовой и Т. Сильман, далека от принципов, которыми руководствуется советское литературоведение. Мертвенный академизм, в духе которого написан первый том, наложил свой отпечаток на характеристики и литературные портреты отдельных американских писателей, имеющиеся в этом томе.

Поражает в этой «Истории» диспропорция в подборе анализируемого материала и в оценке его. В главе первой в одном и том же плане и одним и тем же тоном говорится и о Томасе Пейне, крупнейшем передовом

политическом писателе американской революции, и о Жане де Кревекере, который [...] всячески высмеивал и народное движение, и тогдашних революционеров. В четвертом отделе второй части первого тома, посвященном аболиционистам (который мог бы оказаться самым интересным и острым), абсолютно не показаны две струи, два направления в аболиционистском движении. Эдгару По в «Истории» уделено столько же места, сколько Фенимору Куперу [...] Автор главы об Эдгаре По Т. Сильман вместо того, чтобы вскрыть социальные корни творчества этого незаурядного писателя, ставшего одним из отцов современного декаданта, только умиленно излагает содержание его произведений.

Что же касается декадентских мотивов в творчестве По, то их Т. Сильман попросту даже и не решается критиковать. Она только почтительно указывает в конце своей главы, что «большую роль сыграл По в развитии русского символизма» (стр. 267), и столь же робко, сколь и полуграмотно заявляет, что «нигилизм... является мерилom переходности его к декадансу» (стр. 245). Характеристика Эдгара По является самой неудачной из всех характеристик, встречающихся в первом томе. [...]

Авторы обнаруживают знание материала, о котором они пишут, но они лишены понимания того значения, которое имел и имеет анализируемый ими литературный материал в процессе борьбы между силами реакции и силами прогресса.

Однако самые далеко идущие последствия (ввиду уже набирающей обороты кампании против космополитов и «преклонения перед Западом») имели претензии, связанные с трактовкой русско-американских литературных связей. Каждый пункт «обвинительного заключения» по этому вопросу подробно разбирался в ИМЛИ в ходе сентябрьского «аутодафе», которому были подвергнуты создатели и рецензенты тома.

Нигде так отчетливо не вскрывается антинаучность этой работы, как в тех местах «Истории американской литературы», в которых авторы касаются ее взаимосвязей с другими литературами. Русско-американские культурные и литературные отношения авторами анализируются только под одним углом зрения: всяческими натяжками выискиваются следы влияния американских писателей на писателей русских. Оказывается, «История Нью-Йорка» Вашингтона Ирвинга «предвосхищала тот жанр, которому в русской литературе, например, принадлежали впоследствии "История села Горюхина" Пушкина или "История одного города" Салтыкова-Щедрина» (стр. 118). Пушкинскую «Сказку о золотом петушке» следует, по мнению автора статьи о Ирвинге А. Елистратовой, поставить в связь с «Легендой об арабском звездочете» из «Альгамбры» Ирвинга (стр. 141). Что может быть нелепее подобного рода сопоставлений? Достаточно вспомнить ясный и реалистический стиль пушкинской «Истории села Горюхина» и манеру письма Вашингтона Ирвинга, чтобы стала ясной нелепость подобных утверждений.

В главе о Фениморе Купере А. Елистратова, справедливо отмечая популярность Купера в России, всевозможными искусственными и край-

не смехотворными способами старается отыскать «непосредственное влияние Купера на русскую литературу». Елистратова утверждает, что именно благодаря Куперу «"областная" национальная тематика вошла в круг интересов русского романа» (стр. 184). В качестве единственного доказательства она ссылается на то, что роман Калашникова «Дочь купца Жолобова» некогда доставил его автору прозвище «сибирского Купера» (стр. 184). Такова «аргументация», претендующая на научность!

А. Елистратова даже не вспомнила о точной и лаконичной оценке Пушкиным куперовского романтизма. Пушкин писал в «Джоне Теннере»: «Шатобриан и Купер... закрасили истину красками своего воображения». В своей замечательной статье о Джоне Теннере великий русский поэт чутьем гениального реалиста вскрыл существо американской буржуазной цивилизации не только глубже, чем тогдашние американские писатели, но и острее, нежели некоторые наши современные литературоведы. Вот что писал Пушкин о характере американской буржуазной культуры начала XIX века:

«С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих... Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве... Все благородное, бескорыстное, возвышающее душу человеческую, подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству... рабство негров посреди образованности... Такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами».

Эти высказывания Пушкина никак не использованы авторами в «Истории американской литературы». Зато для того, чтобы подчеркнуть значение Ирвинга в «Истории» сказано: «Недаром именно на Ирвинга ссылался Пушкин» (стр. 127).

Такова «объективная», «научная» позиция авторов в вопросе о русско-американских литературных связях. Случайна ли она? Нет, не случайна. Она вытекает из всей их антимарксистской концепции, из их неспособности правдиво показать картину американского буржуазного общества в его противоречивом развитии.

Вывод не оставлял надежды на снисхождение:

Правдивая история американской литературы могла бы послужить верным оружием в борьбе с реакционными тенденциями американских буржуазных теоретиков и литературоведов. Где, как не в Советском Союзе, могла бы быть создана такая книга, способная противостоять вредным историческим фальшивкам.

Первый том «Истории американской литературы» ни в какой мере не оправдывает ожиданий передового читателя. Это путаная, вредная, антимарксистская книга.

Приговор, вынесенный газетой «Культура и жизнь», как говорилось, обжалованию не подлежал. На публикацию необходимо было «отреагировать». Реакция последовала незамедлительно: через

два дня после выхода рецензии Лейтеса, 23 сентября 1947 г. состоялось совещание научных работников ИМЛИ по обсуждению «Истории американской литературы».

Аутодафе

Собрание было экстренным: заявления ряда участников о его «плановом» характере — не более чем попытки «сохранить лицо». Председательствовал заведомо русской литературы ИМЛИ Николай Леонтьевич Бродский (1881–1951), профессор МГУ, автор биографий Пушкина (и первого монографического комментария к «Евгению Онегину», 1932), Лермонтова, книг о Тургеневе и др. Он пытался смягчить, насколько это возможно, удар по американистам института, при том что совсем не принять обвинения, прозвучавшие в статье А. Лейтеса, было нельзя. Ситуация предполагала покаяние и «оргвыводы». Их строгость зависела от того, по какому пути пойдет обсуждение «ошибок», допущенных авторами «Истории американской литературы»: промахи в научной методологии или полное отсутствие у них марксистско-ленинской и «советской» платформы.

Н.Л. Бродский в своем выступлении нарочито отстраняется от статьи А. Лейтеса (при этом характеризует его «проф[ессором]» — этой «старорежимной» аттестацией как бы переводя полемику в плоскость ученого диспута), позволяет себе заметить, что резкая критика в газете «не кажется убедительной». Он заводит разговор о соотношении «биографического» и «историко-литературного» подходов, «фактографичности» и критического анализа; главный недостаток книги для Бродского — это ее «компаративизм» (не «космополитизм», а вульгарная «веселовщина»): этим грехом, как выяснилось в 1947 г., страдает вся советская наука — Бродский последние дни высиел на общем собрании в МГУ, где даже математики и физики каялись в злоупотреблении иноязычными аннотациями к своим работам, в чем «проявлялись элементы низкопоклонства перед буржуазной наукой и культурой» (см. Приложение, примеч. 2)³⁰. При этом само внимание к русско-американским литературным параллелям авторов «Истории американской литературы» Бродский

³⁰ В 1949 г. в ходе проработки филологических кадров МГУ «рецидивы буржуазного компаративизма» усмотрят в работе и самого Н.Л. Бродского, впрочем, без особых последствий (см.: *Дружинин П.А.* Филологический факультет Московского университета в 1949 г. Избранные материалы // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 439).

одобрил и поставил в пример коллегам по институту, но, во многом вслед за А. Лейтесом, указал на «мелочность» и сомнительность ряда сопоставлений (порой весьма экспрессивно: «И Пушкин, и Гоголь, оказывается, обязаны Ирвингу. Какая чепуха, какая галиматья!»). Он отметил и «большую эрудицию авторов», «ряд превосходных страниц, великолепно сделанных портретов отдельных писателей», что не помешало запланированному выводу: «Этот труд не является детищем советского литературоведения». Однако главный смысловой акцент был сделан на то, чем же этот труд является. Бродский выбрал меньшее из зол (избежал ярлыков «буржуазный», «антимарксистский», «антипартийный» и т.п.): «Я считаю, что этот труд имеет на себе родимые пятна досоветского периода нашего литературоведения, и от них нам как можно скорее надо освободиться».

К реализации второго сценария стремился партийный активист (после 1949 г. — парторг) ИМЛИ Игорь Николаевич Успенский. В начале 1950-х гг. он отметился несколькими статьями о Л. Толстом и Горьком³¹, был активен как рецензент журнала «Литература в школе», выступал и на страницах той же «Культуры и жизни»³², с публичными лекциями «Горький об Америке» (1949), «Маяковский о буржуазной “культуре” Запада и Америки» (1950), «Л.Н. Толстой как критик буржуазного строя» (1951) и др. В 1956 г., после доклада Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», Успенский стал единственной «жертвой» работавшей в ИМЛИ «комиссии по ликвидации последствий культа личности» — из института ему пришлось уйти³³. Позже он преподавал во ВГИКе³⁴.

На стороне И. Успенского активно выступил на заседании Борис Владимирович Яковлев (Борух Вольфович Хольцман; 1913–1994), пришедший в ИМЛИ из газеты «Московский большевик»

³¹ См.: Труды ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Библиографич. указатель. 1939–2000 / Сост. Е.Д. Лебедева. М.: ИМЛИ, 2002, по указ. Также: *Успенский И.Н.* Л. Толстой и русское крестьянство // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1953. Т. XII. Вып. 4.

³² См., например: *Успенский И.* Фальсификаторы наследства Л.Н. Толстого // *Культура и жизнь*. 1950. 31 октября (о кн.: Л.Н. Толстой / *Летописи Гослитмузея*. Кн. 12. М., 1948).

³³ О борьбе за увольнение Успенского см.: *Яневич Н.* [= Евнина Е.М.] Институт мировой литературы в 1930-е — 1970-е годы. С. 118. Как И. Успенский «свиристествовал в деле разоблачения “космополитов”» (Там же. С. 102), см. в стенограммах заседаний Ученого совета ИМЛИ 4, 11 марта 1949 г. (АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204).

³⁴ См. воспоминания его друга с юных лет: *Маневич И.* За экраном. М.: Новое издательство, 2012.

(впоследствии: «Московская правда»), ставший одновременно за-
водилом критики «Нового мира» при К.М. Симонове. В трудах
ИМЛИ принять участия ему не довелось, в 1940-е его литературо-
ведческий багаж составлял труд «Классики марксизма-ленинизма о
языке и стиле» (М.: Центр. кабинет редакторов при Управлении про-
паганды и агитации ЦК ВКП(б), 1942, 32 с.)³⁵; он был сыном проф.
Вольфа Хольцмана, главного советского специалиста по туберку-
лезу, лечившего М. Горького и расстрелянного в 1941 г. В 1949 г.
Б. Яковлев как «космополит» был исключен из партии, уволен из
ИМЛИ³⁶. При этом на погромном заседании Ученого совета 11 мар-
та 1949 г. Д.Д. Благой откровенничал:

Мы, старые работники Института, прекрасно знаем и помним то не-
давнее время, когда Институт Мировой Литературы был в состоянии
почти полного паралича, почти полного омертвения. В сущности говоря,
только этой обстановке можно приписать появление в нашей среде Яков-
лева, который не имел никакого отношения ни к литературоведению, ни к
науке. [...] Я и покойный [М.А.] Цявловский и [Б.П.] Козьмин разводили
руками по поводу такой кандидатуры и указывали, что нет данных к то-
му, чтобы привлекать Яковлева на работу в наш Институт. Этот вопрос
был снят, а через 2–3 недели Яковлев не только был принят в Институт,
но начал ходить в «мэтрах», в идеологах, делая вид, что он владеет клю-
чом марксистско-ленинского литературоведения³⁷.

С наступлением «оттепели» Б. Яковлев вернулся к «ленинской
теме», выпустил книги «Ленин-публицист» (1960), «Ленин в Крас-
ноярске» (1965) и др.³⁸

23 сентября 1947 г. Яковлев выступал сразу после председа-
тельствовавшего Бродского. К обвинениям «Истории американской
литературы» в фактографизме и компаративизме он поспешил до-
бавить «буржуазный объективизм», «идеализацию» и «апологети-

³⁵ Ср. сатирическую характеристику в романе Владимира Войновича «Ма-
линовый пеликан» (2016): «Одним из [...] ученых-ленинцев был писатель Бо-
рис Яковлев (Хольцман), он не читал никого, кроме Ленина, но Ленина пере-
читывал везде, включая туалет, где у него была специальная “ленинская пол-
ка”, знал его всего наизусть...»

³⁶ Е. Евнина вспоминает, что И. Успенский при этом «кричал на всех уг-
лах»: «Подумать только! Какой позор! Сын убийцы Горького работает в ин-
ституте имени Горького!» (Яневич Н. [= Евнина Е.М.] Институт мировой ли-
тературы в 1930-е — 1970-е годы. С. 102–103).

³⁷ АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 158.

³⁸ О его научных и жизненных стратегиях см. выразительные примеры в:
Азадовская Л., Азадовский К. История одной фальсификации. М.: РОССПЭН,
2011, по указ.; Фрезинский Б. Уроки фальсификаторам и плагиаторам // Нева.
2012. № 9. С. 227–230.

ческое отношение» к истории и культуре США. В обсуждаемой книге ему «не хватало партийности», в ней он видел отступление от ленинских идей. («Высказывания классиков марксизма-ленинизма можно противопоставить почти всем страницам книги».) Сама американская литература и публицистика для Яковлева — явления в массе своей «гнусные» и «вонючие», «насквозь растленные служанки капитала» (при этом: «я сам человек, совершенно не осведомленный в американской литературе»).

Завершил свое яркое выступление Яковлев эффектно: «Многие страницы книги следовало бы озаглавить “Американофильская история литературы, или Молоко для политических младенцев, извлеченное из груди англо-американского буржуазного литературоведения”. Мне лично кажется, что не приходится доказывать, что такое “кушанье” советским людям совсем не по вкусу».

Тут из аудитории поступили предложения объявить перерыв (хотя заседание шло еще менее часа), но Н.Л. Бродский не захотел прерываться на такой ноте — и предоставил слово Тамаре Лазаревне Мотылевой³⁹. Она заговорила о «коллективной ответственности», о том, что всем советским литературоведам июньская 1947 г. «философская дискуссия» дала новый импульс и верные установки для работы (т.е. отчет теперь должен вестись заново). Делала упор на то, что «История американской литературы» — в определенном смысле продукт союзнических отношений с США в годы войны; но тут же покаялась, вспомнив слова т. Сталина, что «надо смотреть вперед, а не назад». От лица западников ИМЛИ Мотылева заверила, что у них есть понимание «живого процесса классовой борьбы», «дух полемики, страстности, задора».

Научные занятия самой Т. Мотылевой к этому времени вполне определились в русле «компаративизма» (докторская диссертация «Лев Толстой во французской литературе и критике» была защищена в ИМЛИ 24 января 1947 г.), который она стремительно перестроила в «мировое значение русской литературы», что однако не спасло ее от изгнания из ИМЛИ в 1949 г. На мартовских погромах того года она стала главной мишенью инвектив И. Успенского:

Я не могу привести примеров и по сотой доле того космополитического груза, которым наполнены работы Тамары Лазаревны Мотылевой. [...]

Это просто бред человека, который недостойн называться советским ученым. [...]

³⁹ Ее выступление на утверждении тома в 1945 г. см.: *Панов С., Панова О.* «История американской литературы»... Статья первая. С. 218–220.

Работа Тамары Лазаревны о Льве Толстом — это клеветническая работа, которая оскорбляет русский народ, его национальную гордость — нашего великого Толстого, и вместе с тем это работы, которые оскорбляют на каждом шагу советский народ, оскорбляют на каждом шагу наше чувство советского патриотизма. [...]

Партия взялась крепко за космополитов, и им не будет житья на свете. На ту величайшую заботу партии, которую она проявляет, оберегая великое советское искусство от всяких чужеземных влияний, от всяких «пятых колонн», мы должны ответить расчисткой нашего пути прежде всего от всяких проявлений космополитизма, должны ответить своей ударной работой с тем, чтобы создать настоящую советскую, хорошую книгу⁴⁰.

Как и Бродский, Мотылева акцентировала необходимость авторскому коллективу «реабилитироваться» в работе над вторым томом «Истории американской литературы», опираясь на помощь коллег.

От лица коллег со стороны выступил Морис Осипович Мендельсон (1904–1982), преподававший в Институте иностранных языков. «Бывший американский подданный», как в стенах ИМЛИ характеризовали его в 1949 г.⁴¹; в 1922–1931 гг. он проживал в США, где вступил в американскую компартию и познакомился с Сергеем Есениным; в Москве в 1930-е работал редактором; член ВКП(б) с 1932 г., с 1939 г. — на преподавательской работе. Уже с 1930-х активно выступает со статьями по американской литературе, новейшей и классической (книга о Марке Твене, 1939); с 1956 г. — доктор наук, с 1960 г. — в ИМЛИ, автор более 10 монографий.

Мендельсон отметил отдельные удачи в «Истории американской литературы», подчеркнув, что «ряд грубых ошибок» их перевешивает. Политическую недостаточность тома он охарактеризовал ярко, но не кровожадно: «Создается впечатление, что у авторов книги отсутствует вкус к разоблачению буржуазной демократии». Он единственный из выступавших, кто увлеченно разбирал детали собственно литературной истории США, спорил о частных трактовках и оценках, демонстрируя свою эрудицию и методологическую «подкованность». Он явно предлагал свои услуги академической американистике, поэтому неслучайно «козлом отпущения» избрал уже покинувшую ИМЛИ Т. Сильман — именно ее раздел, по мнению Мендельсона, — «это самое скверное, что есть в книге».

Александр Григорьевич Цейтлин (1901–1962), доктор наук (1946), профессор Литинститута, автор книг о Пушкине, Рылееве, Тургеневе и др., проработавший в ИМЛИ с 1943 г. до конца жизни,

⁴⁰ АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 137–149.

⁴¹ АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 214.

был, наряду с Т. Мотылевой, рецензентом обсуждаемого труда еще на этапе рукописи. Сейчас он подчеркнуто присоединяется к мнениям Бродского и Мотылевой, выделяет второстепенные недостатки — отсутствие в книге историографии вопроса и библиографии предмета. Не забывает из солидарности с коллегами и для подстраховки и сам повиниться: признаваться в ошибках Цейтлину приходилось не раз, начиная еще с разгрома школы В.Ф. Переверзева, к которой он в конце 1920-х принадлежал. Тактику активного покаяния Цейтлин удачно использовал и в 1949 г.⁴²

Евгения Львовна Гальперина (1905–1982), член партии (с 1942 г.), специалист по французской литературе, вдова художника-сатириконца А.А. Радакова; одновременно с работой в ИМЛИ была доцентом МГУ (где также «протаскивала космополитические взгляды»⁴³). В начале 1930-х — сотрудник Комакадемии, соавтор первого в СССР учебника для вузов по зарубежной литературе XX века⁴⁴; вместе с Т. Мотылевой и А. Елистратовой начинала критический путь в журналах «Литература мировой революции» и «На литературном посту». Преодолевшая «вульгарный социологизм», в 1940-е она оказалась включенной в «школку Нусинова» — круг отчаянно вредных космополитов. После увольнений в 1949–1950 гг., активно занялась переводами, а также открыла для себя новое поле — поэзия и проза стран Африки.

Выступая на собрании, Гальперина явно чувствовала себя неуютно, вероятно, тяжело переживая «очень острую политическую обстановку» (вспоминая 1930-е? расстрелянного соавтора Анну Запровскую?), и могла говорить лишь о своем впечатлении от «философской дискуссии» и доклада т. Жданова. «К сожалению, — призналась она, — среди молодежи и части взрослых историков мировой литературы есть моменты паники и деморализации. Например, некоторые просто говорят, что мы не нужны советскому обществу, что западное отделение нужно прикрыть...»

Перед тем как дать выступить авторам и соредактору «Истории американской литературы», слово было предоставлено И.Н. Успенскому.

Он сразу отверг робкую попытку Гальпериной «перевести разговор в... плоскость общеметодологическую» (главным грехом она

⁴² См. его выступление на Ученом совете ИМЛИ 4 марта 1949 г.: Там же. Л. 110–118.

⁴³ См.: Дружинин П.А. Филологический факультет Московского университета в 1949 году, *passim*.

⁴⁴ Гальперина Е., Запровская А., Эйшишкина Н. Курс западной литературы XX века. Том I. М.: Учпедгиздат, 1934 (2-е изд.: 1935). Второй том (литература после 1914–1917 гг.) не вышел.

называла «пассеизм», пущенный в оборот газетой «Правда»), заявив, что плоскость должна быть «идейно-политическая». «История американской литературы» — «книга антинаучная, книга путаная, вредная, антимарксистская». Искажение Маркса–Энгельса–Ленина, унижение русской культуры, преклонение перед буржуазной, «проповедь американских свобод»; «документы партии и правительства, директивы партии и правительства до сознания авторов и редакторов не доходят», их позиции — «буржуазно-объективистские», к тому же у них «приподнимается гандизм»... «Этот первый том приносит вред. И я уверен, что за рубежом этот том получит широкий резонанс, что он найдет отклик среди американских реакционеров».

Успенский главный удар наносил по Старцеву, хорошо подготовившись: пришел с документами, выписками (в том числе из машинописной диссертации Старцева). Ловкий ход: Успенский активно привлекает цитаты и формулировки из написанной в разгар войны брошюры Старцева «Америка и русское общество» (М.: Изд-во АН СССР, 1942, 32 с.) — работы откровенно агитационной, в которой многие положения упрощены, подчеркнуты давние симпатии России и СССР к «превосходным достоинствам американской жизни и американского характера» (с. 30). «Будем же крепить дружбу русского и американского народов, единение Советского Союза и великих англо-саксонских демократий, единение свободных людей во всем мире для конечной победы над врагом человечества — фашизмом!» (с. 32).

Наконец, слово для оправдания и покаяния было предоставлено А. Аниксту — члену редколлегии тома, и авторам: А. Старцеву и А. Елистратовой (она же — руководитель группы «западников»).

Александр Абрамович Аникст (1910–1988), сотрудник ИМЛИ с 1939 г., еще перед войной подготовивший ряд глав для 1-го тома «Истории английской литературы» (вып. 1, 2; 1943, 1945), по возвращении с фронта продолжал вместе с Елистратовой работу над вторым томом. Его выгнали из ИМЛИ в первых рядах, еще в 1948 г. — вслед за Старцевым. Разделы Аникста были переписаны новыми авторами, сам же он в 1956 г. выпустил монографическую «Историю английской литературы» в «Учпедгизе» и долгие годы работал в Институте истории искусств (Искусствознания), занимаясь историей мировой драматургии и, особо, Шекспиром. В своем выступлении Аникст полностью согласился с критикой и признал ошибки авторского коллектива, пообещав исправиться: «Я выхожу с этого заседания с твердой уверенностью в том, что правильно оценен характер допущенных нами недостатков, ошибок. Мы будем продолжать работу и исправим ошибки. У меня лично очень

большое желание работать, и нет сомнения в том, что второй том «Истории американской литературы» мы издадим лучше и сумеем оправдать высокое звание советских ученых, достойных Сталинской эпохи».

Старцев не собирался капитулировать. Как и И. Успенский, он пришел подготовленным: с тетрадкой новых цитат из Маркса–Энгельса–Ленина, с выпиской из текста беседы Сталина с Эмилем Людвигом с позитивной оценкой ряда сторон американской жизни и общественного устройства (которую обильно процитировал в конце своей брошюры 1942 г.). Все обвинения А. Лейтеса Старцев отбивал словами «классиков» и подчеркнул, что в основе плана книги лежит «схема, нарисованная Энгельсом». До полемики с Успенским Старцев не снизошел. Он был готов прислушаться разве что к т. Жданову, который недавно нацеливал философов и других общественников на актуальность и современность; в этой логике Старцев признал, что основной «порок» книги — «недостаточная политическая острота», но заверил: практически готовый второй том гораздо «острее».

Кратко резюмируя выступления коллег, Елистратова подчеркнула тезис о «коллективной ответственности», об общей слабости методологического фундамента академического литературоведения. При этом указала, что не во всем согласна с Лейтесом и, тем более, с выступавшим вначале Б. Яковлевым. От имени коллектива авторов тома она заверила: «Мы никогда не исходили сознательно из цели как-то “угодить” американской буржуазии или президенту Рузвельту. Другое дело, что... в сознании нашем укоренились слишком прочно академические навыки объективистского, созерцательного, пассивного подхода к анализу историко-литературного процесса». Необходимость продолжать издание «Истории американской литературы» Елистратова мотивировала тем, что именно во втором томе «раскроется полная мера нашего критического отношения к буржуазной культуре».

При принятии резолюции собрания (вероятно, ее проект был заготовлен И. Успенским) в ходе полемики удалось несколько смягчить ее текст, сняв обвинения в сознательном искажении постулатов марксизма-ленинизма. На этом сотрудники ИМЛИ разошлись, понимая, что судьба «Истории американской литературы», ее авторов и институтских трудов будет решаться в более высоких кабинетах.

Решения были неутешительные: издание прекратить, Старцева (автора) и Аникста (соредактора) уволить; Елистратовой была выдана «индальгенция». В свете этого только к зиме (!) из ИМЛИ в редакцию «Культуры и жизни» был направлен скорректированный

отчет о «работе над ошибками» (для публикации подобных покаяний существовала регулярная рубрика «По материалам газеты...»):

Коллектив научных работников Института мировой литературы имени А.М. Горького обсудил [...] и считает эту критику в основном правильной.

Авторы 1-го тома «Истории американской литературы» [...] и его редакция [...] допустили ряд грубых ошибок антимарксистского характера. Вместо подлинно научного анализа истории американской литературы во всех ее противоречиях, порожденных особенностями развития американского капитализма, авторы и редакторы тома стали на путь буржуазного объективизма, замалчивающего эти противоречия и тем самым искажающего исторические факты. Авторы и редакторы тома допустили ошибки, потому что предали забвению принципы большевистской партийности в литературоведении и стали по существу на путь лженаучный [...]⁴⁵

Абель Старцев

Больше всех пострадал от разгрома «Истории американской литературы» А.И. Старцев, главный создатель злосчастного тома. По воспоминаниям Е.М. Евниной, ему было крайне тяжело смириться с тем, что труд, в который он сам и его авторский коллектив вложили столько труда и души, так и остался незавершенным: «“Я жалею лишь о том, что нам не дали дописать второго тома, — говорил много лет спустя Старцев. — Пусть бы потом изругали и избили, но хоть осталась бы книга!”»⁴⁶.

Старцев был членом Союза писателей с 1935 г., работал редактором в Гослитиздате, и в этот тяжелый момент ему пригодились его связи в писательской среде. Стараясь «реабилитироваться» после аутодафе над американским томом, он готовит сборник своих статей «Капиталистическая пропаганда и литература США», который должен был выйти в издательстве «Советский писатель». Сборник, посвященный американской литературе XX века и (как явствует уже из заглавия) отвечающий духу времени, был полностью собран, отрецензирован и готов к публикации⁴⁷. Он включал шесть статей — «Из истории литературы американского капитализма», «Американская улыбка», «Соединенные Линчующие Шта-

⁴⁵ Культура и жизнь. 1947. 10 декабря. № 34. С. 4.

⁴⁶ Яневич Н. [=Е.М. Евнина]. Институт мировой литературы в 1930-е — 1970-е годы. С. 102.

⁴⁷ Машинопись сборника сохранилась в фонде издательства «Советский писатель»: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 17. Ед. хр. 2229. Цитаты из статей Старцева, предназначенных для этого сборника, приводятся по данному источнику.

ты», «Расшифрованная биография», «Империалистическая агрессия и современное положение американской литературы», «Четыре повести Говарда Фаста» — и строился по тому же пропагандистскому канону, которому следовали тогда все работы советских американистов. Композиция была подчинена хронологии — от рубежа XIX–XX вв. к современности. Немалая часть статьи, открывающей сборник, посвящалась не литературе, а «империалистической политике экспансионизма» президентов Уильяма Маккинли и Теодора Рузвельта, социальным и расовым теориям, общественным наукам «на службе реакции» и продажной херстовской прессе.

Литературно-обличительная часть включала обзор «индустрии бестселлеров», который строился по жанровому принципу, наиболее логичному и удобному при работе с «формульной» популярной и массовой литературой. Старцев пишет о вестернах («литература красной крови»), в частности, о романах Оуэна Уистера (Owen Wister, 1860–1938); о «великосветском» и «костюмно-историческом» романе Френсиса М. Кроуфорда (Francis Marion Crawford, 1854–1909), которого характеризует так: «Кроуфорд принадлежал к космополитической американской буржуазной интеллигенции, чувствовавшей себя в Европе и Азии не менее свободно, чем в США». Литература приключений была представлена прозой Ричарда Хардинга Дэвиса (Richard Harding Davis, 1864–1916), «модного красавца, литератора и светского журналиста»; Старцев останавливался на его новеллах о Ван Биббере и романе «Солдаты фортуны» (1897). «Романы о бизнесменах» представляли Горацио Олджер (Horatio Alger, 1832–1899), Эдуард Нойес Уэсткотт (Edward Noyes Westcott, 1846–1898) с романом «Дэвид Гарум» (*David Harum*, 1898); особо останавливается Старцев на книге Джорджа Хораса Лоримера (George Horace Lorimer, 1867–1937) «Письма сыну от отца, который добился всего сам» (*Letters from a Self-Made Merchant to His Son*, 1901): уроки предпринимательства и искусства *making money*, которые дает своему сыну Пирпонту Джон Грэхем, глава крупного мясокомбината в Чикаго, служат автору материалом для разоблачения капиталистического хищничества. Влияние расистских теорий на литературу демонстрируется на примере Томаса Диксона и его романа «Шкура леопарда» (*The Leopard's Spots*, 1901). Далее следует характеристика «литературы о колониальных захватах», и Старцев анализирует знаменитое эссе Элберта Хаббарда (Elbert Hubbard, 1856–1915) «Послание Гарсии» (*A Message to Garcia*, 1899), связывая его с историческим контекстом — испано-американским соперничеством и попытками американцев поддержать восстание Калликсто Гарсии против испанского владычества на Кубе. В финале статьи Старцев пишет о скандале вокруг первого романа Драйзера

«Сестра Керри» и «клеветнической кампании» против «Джунглей» Э. Синклера.

Текст статьи густо уснащен филиппиками в адрес врага и па-негириками «своим»:

Хищнические аппетиты американского империализма выросли неизмеримо. Он готов пожрать весь мир. Но мир изменился за пятьдесят лет. Американские империалисты имеют перед собой не беззащитные жертвы своих первых «подвигов», а сплоченный фронт демократических народов во главе с Советским Союзом, и втайне трепещут перед крепнущей силой демократии. Поэтому выступать перед мировым общественным мнением с откровенно разбойничьей пропагандой они не всегда считают для себя удобным. В литературе американская пропаганда предпринимает идеологические диверсии [...] Непристойная вакханалия опьяненного кровью народов американского империализма не должна быть забыта. Она объясняет очень многое в развитии идеологической жизни США на протяжении XX века.

Вторая статья посвящалась О. Генри; этот текст вошел в изданный Старцевым в 1946 г. сборник «Американская новелла XIX века»⁴⁸. В третьей, заголовком которой послужила популярная у советских критиков формула Марка Твена («Соединенные Линчующие Штаты»), шла речь о расовой проблеме в американской литературе на материале двух новейших произведений на эту тему — романов «учительницы из штата Джоргия» Лилиан Смит (Lillian Smith, 1897–1966) «Странный плод» (*Strange Fruit*, 1944) и С. Льюиса *Kingsblood Royal* (1947; в статье название романа передано как «Королевская кровь»). Синклер Льюис с его романом «Гидеон Пленниш» стал героем четвертой статьи «Расшифрованная биография». Отдавая должное Льюису как сатирику, разоблачающему американское общество, Старцев пишет о его герое как о воплощении буржуазной демагогии и упадничества: «Стиль Гидеона Пленниша, писателя и лектора, определяется безграничным невежеством, которое он соединяет со столь же безграничным нахальством... Мутный поток банальностей сходит у него за политический темперамент. Перед нами духовное убожество в полном смысле этого слова». Далеко в прошлом остались те времена, когда на Льюиса возлагали надежды как на перспективного «попутчика». Теперь он, как и практически все бывшие друзья СССР, — ренегат, окопавшийся в стане врагов. Главные обвинения в его адрес (как и в адрес Стейнбека, Колдуэлла, Хемингуэя) — деградация и мелкотемье, упадничество.

⁴⁸ Американская новелла XIX века / Предисл. и прим. А.И. Старцева. М.: Гослитиздат, 1946. С. 32–52.

О «регенатах-либералах» идет речь и в следующей статье «Империалистическая агрессия и современное положение американской литературы». Под обстрел критики попадают Стейнбек, который «открыто порывает с социальным романом и возвращается на позиции мистического и эстетского индивидуализма», Колдуэлл, «уступивший давлению буржуазной действительности» и «дезертирующий с поля социального романа», журналистка Дороти Томпсон, «декадент» Ю. О'Нил, «гангстер декаданса» Генри Миллер, а также Льюис Мэмфорд и «обскурант» де Вото. Главные антигерои статьи — писатель Уолдо Фрэнк с его «мракобесно-поповской философией» и критик Ван Вик Брукс (перепиской с которым Старцев недавно так гордился), возглавивший «демагогическую атаку на социальный роман».

«Кодой», согласно канону, должен был стать очерк прогрессивных тенденций в литературе США — и сборник завершается статьей о Говарде Фасте и его четырех повестях «Рожденный в свободе» (1939; о войне за независимость), «Дороги свободы» (1944; о гражданской войне Севера и Юга), «Американец» (1946; о начале рабочего движения в США) и «Кларктон» (1947; «повесть о современности»).

Сборник, преследовавший цель «искупить ошибки», допущенные в работе над академической историей литературы США, следует идеологическим директивам и всем правилам пропагандистского письма. И тем не менее, даже в этом случае Старцев демонстрирует широкую эрудицию, знание своего предмета. Будучи прекрасным специалистом по литературной истории США и знатоком литературы современной, он сообщает читателю массу сведений, насыщает свой текст фактическим материалом — живой конкретикой, интересными деталями; это делает его статьи важной страницей истории науки, а не только истории антиамериканской кампании конца 1940-х.

Рецензентами сборника выступили критики Е.Ф. Книпович и В.М. Рубин. Обе рецензии написаны в хвалебном духе; из них явствует, что изначально в сборнике предполагалась еще статья «Крушение одного либерализма» о Линкольне Стеффенсе и движении «разгребателей грязи»; очевидно, позже она была снята⁴⁹. Третьим рецензентом выступила консультант Иностранной комиссии ССП О. Граевская, которая дала высокую оценку сборнику как работе, «в основном полезной и дающей читателю большой познавательный материал»⁵⁰, особенно в первой части, освещающей во-

⁴⁹ Эта статья отсутствует в рукописи сборника, отложившейся в фонде издательства «Советский писатель».

⁵⁰ Рецензии на сб. А. Старцева см.: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 17. Ед. хр. 2229.

просы, мало разработанные советским литературоведением. Вместе с тем, Граевская высказала рекомендации по доработке книги, отметив, что в рукописи не отражены в должной мере новые факты и явления в американской пропаганде и литературе. Так, например, говоря о доктрине Трумена и плане Маршалла, автор не упоминал о Северо-Атлантическом пакте; не поднимал вопросы о космополитизме как «орудии идеологической экспансии американского империализма», о «фашизации» американского общества. Рецензент рекомендовала снять главы, посвященные Синклеру Льюису, а также упоминания об Эптоне Синклере — бывших друзьях СССР, уже впавших в немилость. Зато в главу «Соединенные Линчующие Штаты» предлагалось добавить материал новейших книг, свидетельствующих об усилении расовой дискриминации, а также включить в сборник особую главу «Прогрессивная публицистика США».

Параллельно с подготовкой сборника Старцев делает «препринты», стараясь, чтобы в периодических изданиях появилось как можно больше его идеологически выдержанных работ. В 1948 г. в периодике публикуются пять его статей: три в журнале «Знамя», одна в «Литературной газете» (часть статьи «Соединенные Линчующие Штаты», посвященная роману Льюиса «Кингсблад») и еще одна — в «Правде» (сокращенный вариант статьи «Империалистическая агрессия и современное положение американской литературы») ⁵¹. Однако публикации в центральной прессе уже не могли спасти положение.

В 1949 году, в разгар кампании против космополитизма, Старцев был арестован и приговорен к десяти годам лагерей с последующей высылкой в районы Крайнего Севера. Е.М. Евнина вспоминает, как вскоре после этого во время праздничной демонстрации к ней подошел «сияющий» И.Н. Успенский: «Поздравь меня: Старцева посадили. Видишь, меня не слушали и не верили, а я давно говорил, что он — враг» ⁵².

Как позже вспоминал сам Старцев, «...суда не было. Это было заочное решение так называемой тройки. Следствие было, я сидел на Лубянке, в Бутырской тюрьме, а вот суд так и не состоялся.

⁵¹ *Старцев А.И.* Соединенные Линчующие Штаты // Литературная газета. 1948. 17 марта. С. 4; *его же.* Расшифрованная биография // Знамя. 1948. № 3. С. 184–188; *его же.* Империалистическая агрессия и современная американская литература // Знамя 1948. № 11. С. 124–141; *его же.* Из истории литературы американского империализма // Знамя. 1948. № 7. С. 179–192; *его же.* Империалистическая пропаганда и литература в США // Правда. 1948. 23 июня. № 177. С. 3.

⁵² *Яневич Н.* [= Е.М. Евнина]. Институт мировой литературы в 1930-е — 1970-е годы. С. 110.

Я считался политическим заключенным. У меня были номера на спине и на груди. И мне разрешалось всего два письма в год»⁵³. После приговора перед отправкой в лагерь А.И. Старцев продолжал думать о науке, о своих исследованиях:

Когда ему выносили приговор, судья обратился с вопросом: «Какие две вещи из архива вы хотели бы сохранить?». Абель Исаакович просил оставить две записные книжки с материалами о Радищеве, которые он собирал в архивах. Судья удивился и сказал: «Неужели вы думаете, что когда-нибудь еще будете писать?». Как ни странно, эти книжки сохранились, и через шесть лет, выйдя из лагерей, он написал две книги о Радищеве⁵⁴.

Архивные материалы судебного следствия над Радищевым, обнаруженные Старцевым в 1946 г., легли в основу его книги «Дело Радищева», гранки которой были подписаны в печать 26 октября 1949 г., буквально накануне ареста ученого; книга не вышла, после освобождения Старцеву пришлось через формальные разбирательства отстаивать свой научный приоритет в исследовании темы⁵⁵.

В «Песчлаге», лагере особого режима к северу от Караганды, Старцев работал в шахтах, где добывал уголь бок о бок со Львом Гумилевым. Будни ГУЛАГа Старцев описал в книге «Встречи»⁵⁶. Из рецензии Татьяны Бек:

«Встречи», центральную часть коих составляют «Лагерные новеллы» (зловеще-веселый, особый фольклор), — книга горькая, но и обнадеживающая. Даже в лагере возможен выбор — недаром заключенные делились на «духарики» (те, кто несет в себе дух сопротивления) и «рогатики» (те, кто, упираясь рогами, добротню работает). Еще были «очкари» — к ним относился и очкастый Старцев, — но и они не роняли себя, вкалывали, на досуге мужали изнутри. Так, сам мемуарист попросил жену выслать ему с воли пособие для гимназистов из отцовского еще шкафа — Горация на латыни со словарем и комментарием. «Это было волшебное чтение. Я не ошибся. Латынь была столь несовместна с лагерной жизнью, что, погружаясь в Горация, я уходил от нее... Я бормотал эти строфы, глотая баланду и выходя на развод»⁵⁷.

⁵³ Абель Старцев: Концлагерь за Джека Лондона и Марка Твена. Интервью Михаила Бузукашвили с Абелем Старцевым. // Чайка. 2002. 1 марта. № 5 (21). — URL: <http://www.chayka.org/node/3755>

⁵⁴ Курляндский А. Переводчик через железный занавес // Новая газета. 2005. 25 июля. № 53. Книги А. Старцева: «Университетские годы Радищева» (1956), «Радищев в годы “Путешествия”» (1960).

⁵⁵ См.: Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград. 1940-е годы. М.: Новое лит. обозрение, 2012. Т. 2. С. 542–544.

⁵⁶ Старцев А. Встречи. М.: Восточная литература, 2004.

⁵⁷ Бек Т. Встречи навсегда // Ex Libris НГ. 2004. 17 июня. — URL: http://www.ng.ru/bios/2004-06-17/7_petit.html

Старцев освобожден досрочно в 1955 г. благодаря «любезности» Сталина, как он выразился в своем американском интервью: «Иосиф Виссарионович имел любезность скончаться, и я был выпущен. Всего я провел в тюрьме и в концлагере шесть лет. А если бы Сталин был жив, пришлось бы мне сидеть столько, на сколько хватило бы его здоровья»⁵⁸. В том же 1955 г. Старцев был восстановлен в Союзе писателей; однако вернуться на работу в ИМЛИ ему так и не удалось. Как сформулировал сам Старцев, «доступ туда мне был закрыт. Там работали люди, которые способствовали тому, чтобы я попал в тюрьму [...] К сожалению, такую печальную роль сыграл в моей жизни Роман Самарин. Он был председателем секретной экспертной комиссии, созданной КГБ по моему делу и эта комиссия вынесла решение, что все мои сочинения содержат антисоветскую агитацию»⁵⁹.

Экспертиза трудов Старцева в 1949 г. проводилась, кроме Р.М. Самарина, М.Е. Елизаровой из Московского Педагогического института и Д.С. Артамоновым из Литинститута им. Горького. Они подписывали заключение по итогам экспертизы, и этот документ стал основанием для ареста Старцева и его обвинения в антисоветской деятельности. По воспоминаниям Е.М. Евниной, когда назначали комиссию для экспертизы, Абель Исаакович просил отвести кандидатуру своего коллеги по ИМЛИ А.Ф. Иващенко, усомнившись в его объективности. Старцев аттестовал Иващенко как «человека крайне неуравновешенного», с которым случались «личные столкновения во время обсуждения его работ»⁶⁰. Против назначения Р.М. Самарина председателем экспертной комиссии Старцев не возражал. «Эрудированный, хорошо воспитанный, чрезвычайно любезный и как будто бы милый человек», Р.М. Самарин составил вместе с двумя своими коллегами заключение ученой экспертизы, в котором «черным по белому было сказано, что труды Старцева являются контрреволюционной пропагандой, что в своих ранних ра-

⁵⁸ Абель Старцев: Концлагерь за Джека Лондона и Марка Твена.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Специалист по французской литературе XIX в. Александр Федорович Иващенко (1908–1961), в 1950-е замдиректора ИМЛИ, после изгнания из института А. Аникста «переписывал» за него ряд глав «Истории английской литературы». На погромах 1949 г. он особенно нападал на коллегу — Т.Л. Мотылеву: «Мотылева скрыла, что ее отец входил в руководство еврейской националистической партии, муж ее был репрессирован, она защищала Юзовского, она с пеной у рта защищала выгнанных из Института Старцева и Аникста. Моральный и идейно-политический облик Мотылевой как нельзя больше сказывается в этом поведении и во всем характере ее деятельности» (АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 214).

ботах он хвалил троцкиста Дос Пассоса, что том “Истории американской литературы” окончательно подтвердил его приверженность к американскому — буржуазному образу жизни и враждебное отношение к советской действительности и т.д., и т.п.»⁶¹.

Возможно, как предполагает Е.М. Евнина, авторы экспертизы не рассчитывали еще когда-либо повстречаться со Старцевым. Однако после досрочного освобождения он явился в Институт с просьбой восстановить его на работе. Была создана комиссия по реабилитации американского тома во главе с Д.Д. Обломиевским, которая полностью дезавуировала обвинения, выдвинутые против этого труда в 1947 г. Вопрос рассматривался партгруппой отдела зарубежной литературы, где было решено возобновить работу над «Историей американской литературы» и ходатайствовать о возвращении ведущего американиста А. Старцева в Институт. Парторг зарубежного отдела Е.М. Евнина и сторонники Старцева просили об этом директора ИМЛИ И.И. Анисимова, который знал Старцева еще с начала 1930-х гг. и ценил его как высококвалифицированного специалиста. Однако возвращению Старцева в Институт воспротивился Р.М. Самарин, на тот момент уже занимавший ряд ответственных административных постов — он заведовал кафедрой зарубежной литературы филологического факультета МГУ (а с 1956 г. стал деканом факультета) и отделом зарубежных литератур ИМЛИ. По воспоминаниям Е.М. Евниной, на ее прямой вопрос, почему он не хочет вернуть в отдел Старцева, Самарин «не дрогнул и не вздумал опустить глаза [...] “Скажу Вам как парторгу, — ответил он совершенно спокойно, — я Старцеву не доверяю”. — “Как, но он же полностью реабилитирован?” — “Ну и что ж, что реабилитирован? Я имею на этот счет свое мнение и буду в данном случае придерживаться его”»⁶².

О последней битве за Старцева, разыгравшейся на партбюро ИМЛИ, Е.М. Евнина также оставила яркие воспоминания:

Последняя попытка вернуть Старцева в институт была предпринята на партбюро. Заседание [...] было необычайно бурным. Кто-то в пылу спора даже назвал нерешительную позицию директора в этом вопросе «подлостью». В ответ на это заместитель директора Щербина выскочил из директорского кабинета, хлопнув дверью, так как посчитал, что этот упрек относится к нему лично (и не без основания, надо сказать, потому что именно он особенно поносил Старцева в кулуарах института, хотя и не был знаком ни с ним, ни с его работами). Что же касается Анисимова, то он так оскорбился и разобиделся, что ему стало плохо, он по-

⁶¹ Яневич Н. [= Е.М. Евнина]. Институт мировой литературы в 1930-е — 1970-е годы. С. 125.

⁶² Там же. С. 126.

бледнел, откинулся в кресле, и к нему бросились с водой и нашатырным спиртом.

Когда все немного пришли в себя, в защиту дирекции бойко выступила одна из членов бюро, Ирина Григорьевна Неупокоева [...], заявившая что-то вроде того, что нельзя насиловать и тем более оскорблять людей, которым доверено такое серьезное дело, как руководство институтом, что бюро может только рекомендовать, а не требовать и уж во всяком случае не наступать на горло дирекции, что в деле Старцева могут быть какие-то высшие соображения, которых мы не знаем, и т.д., и т.п. Это выступление положило конец прениям. Самарин не допустил возвращения Старцева в институт⁶³.

Сам Старцев спустя много лет так прокомментировал поступок Р.М. Самарина и поведение некоторых своих коллег: «Да, он [Самарин] был образованный человек, декан филологического факультета МГУ, но погубила его советская система. Отчасти они стали такими из страха. Делать подлости из страха, конечно, не извинительно, но это было обычное явление в разные периоды советской истории»⁶⁴.

Несмотря на то, что в ИМЛИ ему так и не удалось вернуться, Абель Старцев продолжал занятия американistikой: он прожил долгую жизнь, много и плодотворно работал — выпускал статьи и книги, издавал американских авторов⁶⁵. В постсоветские годы, когда его родные переехали на жительство в Соединенные Штаты, Старцев, которого обвиняли в «космополитизме», преклонении перед американским образом жизни, отсутствии патриотизма, остался жить в России. Он время от времени навещал родственников в Америке, но всегда возвращался обратно на родину.

Работа над ошибками

Разгром американского тома, последовавшее за этим увольнение А.И. Старцева, А.А. Аникста было только началом идеологических «кампаний». Ситуация в ИМЛИ становится все напряженнее. 1 ноября 1947 г. в институте проходит «дискуссия о научном на-

⁶³ Там же. С. 126–127.

⁶⁴ Абель Старцев: Концлагерь за Джека Лондона и Марка Твена.

⁶⁵ Л.Б. Черная вспоминает, как на редсовете в издательстве «Художественная литература» в 1960-е Старцев решительно возражал против включения в план перевода «Унесенных ветром» М. Митчелл: «требовал, чтобы советского читателя оградить от книги, автор которой сочувствует рабовладельцам, расистам» (*Черная Л.* Косой дождь. М.: Новое лит. обозрение, 2015. С. 418); можно предположить, что Старцев скорее оценивал роман М. Митчелл с позиции историка литературы — как «сентиментальную» беллетристику.

следии А.В. Веселовского и культурно-исторической школе в литературоведении»⁶⁶. 20 ноября 1947 г. в газете «Культура и жизнь» появляется статья В. Николаева «Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения». В.Н. Николаев, курировавший ИМЛИ от ЦК партии, раскритиковал ИМЛИ как институт, лишенный «боевого большевистского духа», зараженный «боязнью, трусостью в постановке и решении острых актуальных вопросов», и разгромил диссертацию М.М. Бахтина «Рабле в истории реализма». Кроме этого, в статье Николаева содержались нападки на ряд сотрудников — М.П. (Натана) Венгрова, Е.Б. Тагера и др. Был упомянут и Аникст, который обвинялся в том, что он «наскоро подписывает к печати ошибочные работы вроде “Истории американской литературы”» (хотя на самом деле Аникст не подписывал этот труд в печать, а просто входил в редколлегию издания). Е.М. Евнина так оценивает последствия статьи В. Николаева:

Так в стенах института начиналась недоброй памяти «космополитская кампания» [...] Результатом статьи Николаева явилась полная смена руководства института. Шишмарев и Кирпотин были сняты. Директором института назначили работника Отдела культуры ЦК Александра Михайловича Еголина — человека не злого, но абсолютно безликого. Зато его заместителем сделали хитрого и умного Сергея Митрофановича Петрова (тоже из аппарата ЦК), скоро создавшего в институте свой штаб из ловких молодых людей [...] мы называли их «мальчиками при дирекции». Это были Игорь Успенский, Александр Овчаренко и молодой Слава Козьмин [...] Все трое — особенно первый — сыграли чрезвычайно мрачную роль в истории института⁶⁷.

Перемены в ИМЛИ сказываются и на американистике. Происходят они хоть и не в одночасье, но все же довольно быстрыми темпами. Несмотря на печальную судьбу первого тома, второй том «Истории американской литературы» не сразу был вычеркнут из планов. Руководство проектом переходит к А.А. Елистратовой, и она еще некоторое время докладывает о ходе работ как над вторым американским, так и над вторым английским томами⁶⁸. Через пол-

⁶⁶ Протоколы заседаний дирекции и Ученого Совета ИМЛИ за 1946–1947 гг. // АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 16. Следующее большое мероприятие против «веселовщины» пройдет 23 марта 1948 г. — доклад Л.И. Тимофеева «Против идеализации учения А. Веселовского» с последующим его обсуждением и принятием резолюции: см.: АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 182.

⁶⁷ Яневич Н. [= Е.М. Евнина]. Институт мировой литературы в 1930-е — 1970-е годы. С. 101.

⁶⁸ Например, 15 ноября 1947 г. — доклад «Основные проблемы, связанные с работой над II томом “Истории американской литературы”» (Протоколы заседаний дирекции и Ученого Совета ИМЛИ за 1946–1947 гг. // АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 16).

года после разгрома первого тома, на дирекции ИМЛИ 17 февраля 1948 г. «История американской литературы» снова оказывается в повестке дня. С сообщением о планировании работы западного сектора выступает А.А. Елистратова как зав. сектором, и дирекция принимает постановление добавить в тематический план Института пункт «окончание редактирования второго тома “Истории американской литературы”»⁶⁹. Но после этого второй том уже не фигурирует в планах и отчетах. С 1948 г. главным делом институтской американистики стал сборник, посвященный актуальным проблемам современной американской литературы. Как и уволенный Старцев, его коллеги, оставшиеся в ИМЛИ, стараются «исправиться» и «реабилитироваться», предъявив идеологически выдержанный, злободневный труд.

Новое начальство форсирует подготовку американистического сборника — промах с первым томом должен быть заглажен. В резолюции Ученого совета ИМЛИ, принятой 30 января 1948 г., в частности, говорилось: «Руководство института до сих пор не приняло мер к тому, чтобы институт объединил вокруг себя исследовательские силы в области истории и теории литературы. Институт и в отчетном году допустил опубликование таких грубо ошибочных идеологически вредных работ, как коллективная “История американской литературы” [...]»⁷⁰. Весной 1948 г. разрабатывается план сборника, который в мае был обсужден и утвержден на Ученом совете с примечанием: «Сборник должен отразить наиболее актуальные, злободневные проблемы современной американской литературы»⁷¹. Сохранился представленный на утверждение его первоначальный план:

СБОРНИК «ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

ПЛАН⁷²

1. Предисловие (редакция)
2. Литература империалистической агрессии в США (Р.М. Самарин)
3. Декаданс в американской литературе (М.О. Мендельсон)
4. Реакционные течения в литературоведении и критике США (А.А. Елистратова)
5. Синклер Льюис и пути буржуазного реализма в США (Т.Л. Мотылева)

⁶⁹ Протоколы заседаний дирекции ИМЛИ за март 1943–1949 гг. // АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 144-а. Л. 159.

⁷⁰ АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 182. Л. 127.

⁷¹ АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 144-а. Л. 132.

⁷² Там же. Л. 133.

6. Теодор Драйзер и прогрессивное литературное движение в США (И.И. Анисимов)
7. Критика буржуазной Америки в социальных романах Эптона Синклера (П.С. Балашов)
8. Творчество Говарда Фаста и идейно-политическая борьба в американском историческом романе (С.Р. Майзельс)
9. Идейная борьба вокруг советской литературы в США (Р.Д. Орлова)

18 мая 1948 г. на заседании дирекции сборник «Проблемы современной американской литературы» в размере 20 а.л. включают в план капитальных трудов Института⁷³. Все статьи должны были быть написаны летом 1948 г., в сентябре сборник должен был отправиться на рецензирование, а в конце года пройти утверждение к печати, — что и было сделано на заседании Ученого совета 19 ноября 1948 г.⁷⁴ Однако ситуация в стране и в Институте менялась так стремительно, что к сборнику пришлось возвращаться еще не однажды и каждый раз переделывать его в соответствии с «велениями времени». Так, 28 января 1949 г. Ученый совет вновь рассматривает вопрос об американском сборнике — поскольку назрела необходимость в его ревизии. Состоялось обсуждение, в котором приняли участие основные авторы — А.А. Елистратова и Т.Л. Мотылева.

Председатель [Л.И. Пономарев]. Переходим к последнему вопросу — утверждение к печати труда сектора западных литератур «Проблемы современной американской литературы». Сообщение сделает А.А. Елистратова.

А.А. Елистратова. Сборник «Проблемы современной американской литературы» был подготовлен к печати в течение этого года. Мы приложили все старания к тому, чтобы сделать этот сборник достаточно острым в политическом отношении, поставить актуальные темы, показать идейно-политическую борьбу в современной американской литературе. Сборник наш состоит из 6 статей, которые разбиваются по двум разделам. Первый раздел включает 3 статьи проблемного и обзорного характера, характеризующие действия реакционных сил. Это статья Самарина об агрессии в США, статья Мендельсона и моя статья. Второй раздел посвящен прогрессивным силам и состоит из 3 монографических статей. Это статьи Анисимова, Мотылевой и моя статья о молодом американском писателе. [...] По статьям, которые вошли в нынешний состав сборника т. Николаевым был дан ряд конкретных замечаний, касающихся отдельных формулировок статей. [...]

⁷³ Протоколы заседаний дирекции ИМЛИ за 1946–1949 гг. // АРАН. Ф. 397. оп. 1. № 144-а. Л. 129.

⁷⁴ Протоколы заседаний Ученого совета ИМЛИ за 1948–1949 гг. // АРАН. Ф. 397. оп. 1. № 182. Л. 82.

Т.Л. Мотылева. Что сказать об этом сборнике? Конечно, он не лишен недостатков и, прежде всего, нужно предупредить Ученый совет, что он не претендует на всестороннее освещение сегодняшней американской литературы. Но мы стремились к тому, чтобы представить основные проблемы американской литературы 40-х годов. [...] Три первые обзорно-тематические статьи дают большой фактический материал, и в значительной части этот материал неизвестен широкому читателю, и все эти три статьи освещают реакционные явления в американской литературе под острым углом зрения, стремясь сочетать научность с публицистической остротой.

Вторая часть сборника о прогрессивных писателях. Авторы стремились дать образ этих писателей в их сложности. Авторы стремились раскрыть тот позитивный вклад, который имеется, стремились извлечь из их произведений то, что стоит на вооружении прогрессивного человечества.

Статья Анисимова о Драйзере не претендует на то, чтобы дать полную монографию о Драйзере и вводит большой материал публицистики. Статья Елистратовой является наиболее подробной из нескольких написанных статей о Фасте.

Первоначальным планом сборника была предусмотрена статья об Э. Синклере, но эта статья не была [пропуск в стенограмме]. Так как Анна Аркадьевна должна начать работать над книгой о Синклере, наш сектор восполнит этот пробел.

С.М. Петров. Почему прогрессивная литература на втором месте?

Т.Л. Мотылева. Мы очень долго обсуждали этот вопрос — с чего начать: с прогрессивной или реакционной литературы? Нам хотелось, чтобы кто-нибудь из дирекции просмотрел этот сборник. Мы сделали все, что могли.

А.М. Еголин. Надо пропустить сборник через Иностранную комиссию [Союза писателей] — для нас это очень важно, и надо продвинуть его быстрее. [...]

Т.Л. Мотылева. Я думаю, что в письме дирекции можно отметить, что половина сборника обсуждалась в виде докладов.

Председатель. Значит, надо утвердить сборник к печатанию. (*Принимается*)⁷⁵.

Упоминание о В.Н. Николаеве примечательно — в роли «консультанта» выступает партийный куратор, автор статьи в «Культуре и жизни», с которым, по воспоминаниям Евниной, А. Елистратову связывала «непонятная дружба»⁷⁶. Из числа авторов сборника «исчезают» выпускники МИФЛИ (выпуски 1941 и 1940 гг.), а с 1955 г. коллеги по работе в журнале «Иностранная литература» — переводчик и специалист по англо-американской литературе Са-

⁷⁵ Стенограммы заседаний Ученого совета ИМЛИ за январь–февраль 1949 г. Т. 1 // АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 203. Л. 106–110.

⁷⁶ Яневич Н. [= Е.М. Евнина]. Институт мировой литературы в 1930-е — 1970-е годы. С. 137.

милла Рафаиловна Майзельс и Раиса Давыдовна Орлова, поступившая в аспирантуру ИМЛИ после семи лет работы в ВОКС. «Снимается» и статья англо-американиста П.С. Балашова об Эпто-не Синклере; общее число статей сокращается до шести. В таком виде 28 января 1949 г. сборник снова утверждают к печати.

Однако метаморфозы, происходящие с книгой, на этом не заканчиваются.

В феврале–марте 1949 г. кампания против «космополитов» в ИМЛИ достигает кульминации. В течение трех дней — 25 февраля, 4 и 11 марта — на заседаниях Ученого совета идет погром, в ходе которого нередко поминают «идейно вредную» «Историю американской литературы». На заседании 4 марта 1949 г. А.А. Елистратова в своем выступлении приносит публичное покаяние за ошибки, допущенные в ходе работы над обеими историями — американской и английской:

Товарищи, вопрос об антипатриотическом реакционном течении космополитизма, поставленный с такой справедливой остротой нашей партийной печатью и общественностью, имеет прямое отношение к тем из нас, которые работают в области советского литературоведения и заняты изучением западных литератур, и именно о том, как мы должны пересмотреть свою работу в этой связи, я и хочу сказать в своем выступлении [...].

К сожалению, приходится признать, что многие из нас, работников советского литературоведения, в области изучения западной литературы (я это могу в первую очередь сказать о себе) во многом погрешили, не разобравшись в политическом смысле этой методологии [...] не разобрались в том, что означала подмена подлинного научного изучения литературы обращением ко всякого рода надуманным эмиграцией «вечным образам» из литературы. В этом наша большая вина. Она особенно усугубляется тем, что мы, люди, принадлежащие к советскому народу, практически в своей работе слишком часто сознательно или, я хочу иметь право сказать, бессознательно, невольно замыкались как бы в стенах своих кабинетов и писали так, что как будто бы мы пишем в аспекте вечности, с вышки созерцания развития всей мировой литературы, в частности, английской и американской (имею в виду труды, выпущенные Институтом), писали так, как будто бы мы имеем право созерцать с птичьего полета весь процесс развития литературы, отвлекаясь от интересов нашего народа, от классовой борьбы, чрезвычайно острой в современном обществе, отвлекаясь от того, что должно быть нашим насущным, кровным интересом, прежде всего как советских граждан. Отсюда и получилось то обстоятельство, что когда мы обращались к истории английской или американской литературы, мы писали о ней, созерцая развертывавшиеся когда-то процессы, что вот был один писатель, был другой писатель; все они были интересны; были такие-то минусы, но были и такие-то плюсы. В этом утрачивалось то, что было наукой. Прежде [всего] утрачивалось чувство огромной исторической и политической дистанции, которую

прошло наше общество, наша культура за те годы, которые протекли со времени Великой Октябрьской социалистической революции [...]. Мы должны стоять на уровне этого огромного расстояния [...]. Но мы писали о литературе так, как будто бы этого чувства дистанции у нас не было. Мы его часто утрачивали. Отсюда возникало умиление, с каким мы обращались к творчеству иногда крупных, а иногда и третьестепенных писателей [...], стремясь во что бы то ни стало всюду найти что-то небезынтересное, любопытное. Эта фактографичность, стремясь то и это осветить одинаково благодушно и умиленно, переросла в серьезную политическую ошибку, которой страдают и том истории английской литературы, и первый том истории американской литературы⁷⁷.

Критика, сочетавшаяся, как было принято, с «покаянием», Р.М. Самариным «вредоносных» американского и английского томов звучала более решительно и недвусмысленно; кроме того, она сопровождалась персональными инвективами в адрес Т.Л. Мотылевой:

...из сектора западных литератур вышел ряд резко космополитических, грубо ошибочных работ [...]. Это космополитическая история английской литературы, космополитическая история американской литературы [...]. Заседание нашего Ученого Совета многое прибавляет к этому списку ошибочных работ. Вот вышедшая из западного сектора диссертация Т.Л. Мотылевой [...] ...грубейшей политической ошибкой, допущенной мною, считаю свою рецензию на историю английской литературы, которая появилась в журнале «Советская книга» в 1946 г. в № 6–7. Эта рецензия была апологетической, я прямо должен это сказать. Перечитывая ее сейчас, я ясно вижу, в какой мере вредной была она, потому что я, расхваливая глубоко ошибочную книжку, подсовывал ее таким образом советскому читателю, помогая, таким образом, чтобы создалось положительное впечатление об этой глубоко ошибочной книжке. Еще раз заявляю, что эту ошибку считаю чрезвычайно тяжелой и ощущаю эту работу как самую неудачную из всех моих выступлений в печати, когда-либо имевших место⁷⁸.

На американскую и английскую историю литературы обрушился и зам. директора ИМЛИ С.М. Петров:

... наш Ученый Совет должен совершенно четко и ясно сформулировать — в чем проявляется космополитизм в области литературоведения. Он проявляется прежде всего в том, что космополиты раздували значение буржуазной западно-европейской литературы и американской, раздували значение самых подчас третьестепенных, давно забытых литераторов Запада и Америки; в том, во-вторых, что они отрицали национальную самобытность, своеобразие русской классической литературы...⁷⁹

⁷⁷ Стенограммы заседаний Ученого совета за февраль–март 1949 г. // АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 61–65.

⁷⁸ Там же. Л. 178–186.

⁷⁹ Там же. Л. 235–236.

Назвав среди «безродных космополитов, которые подвизались у нас» Т.Л. Мотылеву, Петров предложил обратиться в ВАК и пересмотреть ее «лженаучную диссертацию с буржуазно-националистическим раздуванием дела Дрейфуса и его влияния на Толстого».

Не только С.М. Петров и Р.М. Самарин, но и другие ораторы (в особенности И.Н. Успенский и А.Ф. Иващенко) клеймили Т.Л. Мотылеву; ей припомнили и то, что в сентябре 1947 г. она выступила в поддержку американского тома⁸⁰. В итоге Мотылева вначале получила строгий выговор по партийной линии, затем была вовсе исключена из партии и уволена из ИМЛИ. Впоследствии ее восстановили в партии (за нее заступился А.А. Фадеев), но в Институт она так и не была возвращена⁸¹.

В резолюции, принятой по итогам мартовских заседаний 1949 г., готовящийся американистический сборник был включен в число трудов института, которые должны были стать вкладом в борьбу с «космополитизмом»:

Считая, что лучшим ответом на враждебные злопыхательства и идеологическое вредительство безродных космополитов в литературе и критике будет подготовка и выпуск ряда актуальных подлинно партийных научных трудов, Ученый Совет постановляет:

Одобрить предложенный Дирекцией план завершения и выпуска в течение 1949 года следующих работ Института: [...]

12. Проблемы современной американской литературы — сектор Западных литератур⁸².

Через месяц после погрома в ИМЛИ, 12 апреля 1949 г. состоялась расправа над «космополитами» в 1-м Ленинградском институте иностранных языков. Здесь главным обвиняемым стала Т.И. Сильман, в тот момент руководившая кафедрой истории зарубежной литературы. По воспоминаниям В. Адмони, одним из пунктов обвинения было участие в злополучном американском томе:

Обвинение против Тамары подогревалось еще и тем, что примерно за год до того в роковой газете “Культура и жизнь” был подвергнут поношению I том “Истории американской литературы”, выпущенный Институтом мировой литературы. Тамара написала для этого тома главу о литературе американского романтизма. И ту главу в рецензии не обошли молчанием. Тон, которым была написана рецензия, и уровень ее научности раскрываются в точности на одном примере: автор рецензии отмечал, что переплет “Истории американской литературы” не случайно зеленого цвета, потому что зеленый цвет — это цвет американского доллара [...].

⁸⁰ Там же. Л. 214.

⁸¹ См.: Н. Яневич [=Е.М. Евнина]. Институт мировой литературы в 1930-е — 1970-е годы. С. 106.

⁸² Протоколы заседаний Ученого Совета ИМЛИ за 1948–1949 гг. // АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 55.

Мы подготовили с Тамарой дома текст ее выступления на ученом совете. Это было покаяние, но умеренное [...]. Но когда мы составляли этот текст выступления, мы все же не подозревали, до какой оглашенности, до какой воинствующей несурезицы могут прийти проработчики. На самом деле все разворачивалось с такой ожесточенностью, которая превосходила даже идеологические проработки 30-х годов. [...] И когда наступил перерыв, Тамара, сидя за столиком в буфете, не советуясь со мной, переделала текст своего выступления. Усилила его покаянность. И потом, уже почти в конце заседания, прочитала этот покаянный текст. [...]

То, что происходило в зале, было убийством. Несомненным убийством. Хотя кровь, тут же в зале, не текла. Тамариному сердцу, и без того слабому, была нанесена рана, от которой Тамара до конца никогда и не исцелилась, от которой и пошли все три Тамариных инфаркта [...]

Сразу Тамару не уволили. Ее сняли с заведования кафедрой, а выгнали только через год. Весной пятидесятого года⁸³.

Публичные расправы и травля разрушали профессиональные и дружеские отношения. В своих воспоминаниях Е.М. Евнина, отзываясь об А.А. Елистратовой как о профессионале высочайшей пробы, бескорыстно преданном науке, как о «безусловно честном человеке», «способном на смелые поступки», пишет о печальной необходимости «балансировать между подлинным ученым рвением и приспособлением к официальным нормам советской науки», закрывать глаза на многое, чтобы не потерять работу, оставаться в профессии. Избежать этих компромиссов не могли даже самые заслуженные и именитые ученые.

Мне, например, так и осталась непонятной дружба Анны Аркадьевны с Николаевым [...] Еще более неприятной кажется мне история ее отношений с авторами разгромленного американского тома, которые раньше были не только ее сотрудниками, но и близкими друзьями. В том, что всех их с треском выгнали за этот том из института, а ее одну оставили, — она была не виновата. Кому пинок, кому пряник — это решалось сверху. Но вот то, что после этого А.А. отошла от изгнанных, потеряла дружбу с ними и даже, когда несколько лет спустя Александр Абрамович Аникст попросил ее быть оппонентом его докторской диссертации о Шекспире, под каким-то предлогом отказала ему, зная, что ее оппонентство будет неуютно дирекции ИМЛИ, — все это зависело только от нее самой. «Она же ученый такого масштаба, что могла бы ни с кем не считаться! — с горечью говорил мне об этом Аникст. — А она, видите ли, боится разгневать Анисимова!» Узнав об этом, я бросилась к Анне Аркадьевне с нелиприятным вопросом, почему она не согласилась быть оппонентом Аникста [...] Но разговорить ее, если она того не хотела, было трудно [...]

⁸³ Сильман Т., Адмони В. Мы вспоминаем. Роман. СПб.: Композитор, 1993. С. 287–288, 290.

— Ну, а правда ли, что Вы перестали бывать у Аникста и прочих Ваших друзей, выгнанных из института? — рискнула я продолжить этот разговор.

— Да, — ответила она почти напрямик, — мне было неловко с ними. Они стали всячески поносить институт и его руководителей, а я продолжала в нем работать и любить его. Мне пришлось выбирать... [...]

Ей пришлось «выбирать». Между Николаевым и Анисимовым с одной стороны, и Аникстом с другой. Между возможностью беспрепятственно заниматься своим делом в «любимом институте» и простой человеческой справедливостью [...] Но, очевидно, наше подлое время незаметно, как бы неслышно толкало на неблагоприятные деяния даже честных людей⁸⁴.

Были и примеры взаимовыручки, профессиональной солидарности. Е.М. Евнина свидетельствует, что исключенная из партии и уволенная из Института Т.Л. Мотылева сохранила докторскую степень благодаря И.И. Анисимову, который положил запрос ВАК под сукно и «тянул» с заключением экспертизы, пока не прошло «горячее время»: «Я хорошо знала, что Иван Иванович терпеть не может Мотылеву (однажды в личном разговоре со мной он говорил, что она сухой схематик и совершенно не чувствует художественной литературы). Но идти на подлость — он не захотел [...] С “космополита” Мотылевой так и не сняли ее докторскую степень. А она, зная нелюбовь к себе Анисимова, так и не догадалась, кому была обязана своим спасением»⁸⁵.

«Чистка рядов» в ходе кампании против «космополитизма» привела к острому дефициту кадров. Жалобы на нехватку специалистов, особенно «западников», прозвучали со стороны руководства ИМЛИ уже осенью 1949 г. в «победном отчете» о результатах проведенной кампании по «оздоровлению атмосферы» в институте:

...была расчищена почва, были удалены люди, которые мешали нормальной работе в институте [...]. И понятно, что эта нездоровая обстановка в партийной организации, которая разрядилась только в мае текущего года, — она сказалась и на выполнении плана и на продукции института, на истории американской литературы, на истории английской литературы. Я хотел бы еще остановиться вот на каком вопросе, близко меня касающемся, как работника сектора западной литературы. Я прошу комиссию обратить внимание на одно ненормальное положение, при котором мы стоим перед перспективой срыва очень важного задания — я имею в виду историю английской литературы [...] Мы готовим историю английской и американской литературы, а ленинградские товарищи пи-

⁸⁴ Н. Яневич [=Е.М. Евнина]. Институт мировой литературы в 1930-е — 1970-е годы. С. 137.

⁸⁵ Там же. С. 144.

шут историю французской литературы. Ни там, ни здесь, не хватает полного комплекта работников [...]. Может, стоило бы подумать над тем, чтобы сломать эту традицию разделения труда, потому что при наличных кадрах в нашем секторе мы не сможем обеспечить доброкачественное и надлежащее во времени выполнение этого очень важного звена нашего плана⁸⁶.

События в институте, начиная с аутодафе над первым американским томом, действительно негативно повлияли на все работы, которые велись западным сектором ИМЛИ. Работа над «Историей английской литературы», как и над другими национальными историями литератур, застопорилась. Если 15 апреля 1947 г., за полгода до рецензии А. Лейтеса на «Историю американской литературы», А. Елистратова докладывала о ходе работ над вторым американским и вторым английским томом, а также над планировавшейся историей скандинавских литератур⁸⁷, то к весне 1948 г. из планов и обсуждений исчезает все, кроме «Истории английской литературы». Осенью 1949 г. после «чистки рядов» сухие записи протоколов дирекции и Ученого совета фиксируют «новую реальность», в которой оказались сотрудники. В сентябре 1949 г. было принято решение на год отодвинуть сроки подготовки и сдачи 2-го выпуска II английского тома (критический буржуазный реализм середины XIX в. и чартистская литература) — «в связи с тем, что старый текст выпуска неудовлетворителен и почти все статьи подлежат переделке»⁸⁸. В архиве отложилось ходатайство А. Елистратовой от имени редакции издания, адресованное директору института А.М. Еголину, об изменении сроков и формы работы над трудом. Этот текст отражает перемены, произошедшие в ИМЛИ за 1947–1949 гг., в первую очередь, в «западном» секторе:

Подвергнув внимательной критической переоценке наличествующие в портфеле редакции главы последнего тома «Истории английской литературы» в свете современных задач советского литературоведения, редакция пришла к заключению, что подавляющее большинство глав не может быть использовано при переработке книги и подлежит исключению. Это относится, в частности, к статьям, написанным бывшими сотрудниками сектора западных литератур — А.А. Аникстом, З.Е. Ган, Т.Л. Мотылевой, Т.И. Сильман, А.И. Старцевым, отчисленными из штата Института, а также к статьям покойного М.Н. Гутнера по вопросам анг-

⁸⁶ Стенограмма заседания в ИМЛИ с участием представителей комиссии по обследованию работы Института. 9 ноября 1949 г. // АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 27–30. Из выступления А.Ф. Иващенко.

⁸⁷ Стенограммы заседаний Ученого совета ИМЛИ за январь–февраль 1949 г. Т. 1 // АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 203. Л. 177.

⁸⁸ Там же. Л. 28–29.

лийского декаданта, написанным еще до войны и в настоящее время явно устаревшим. Таким образом, из всего существующего состава тома редакция считает возможным сохранить с последующей редактурой лишь около 4 авторских листов (главу покойного В.А. Кузьмина «Кризис буржуазного реализма в английской литературе послечартистского периода» и главу А.А. Елистратовой «Гаскель»). Все остальные главы подлежат перезаказу [...]. ...редакция считается с тем, что схема-план, положенная в свое время в основу этого издания, разработанная еще в 1939 г., представляется теперь неудовлетворительной и должна быть перестроена заново⁸⁹.

Второй английский том (в двух выпусках) появится только в 1953 и 1955 гг., переписанный заново. Сборник «Современная американская литература» после целого ряда ревизий и пересмотров выйдет в 1950 г. — в сильно урезанном (по сравнению с первоначальным замыслом) виде. В итоге в нем осталось всего четыре статьи трех авторов:

Два лагеря (предисловие).

Р. Самарин. Империалистическая реакция в США и литература.

А. Елистратова. Маневры реакционной критики.

И. Анисимов. Теодор Драйзер и Америка.

А. Елистратова. Говард Фаст.

Как показало будущее, значение этого сборника выходило за рамки сиюминутных задач, продиктованных ситуацией в стране и в институте. Сборник 1950 года лег в основу нового канона американистики ИМЛИ.

Главным фактором, который на рубеже 1940–1950-х гг. определил перестройку американистики в ИМЛИ, стал разгром американского тома, в результате чего американисты были вынуждены «реабилитироваться», «исправляться» и демонстрировать умение работать в актуальном проблемном поле. Немалую роль сыграло и наличие социального заказа — набиравшая в конце 1940-х гг. в СССР силу антиамериканская кампания, к которой должны были активно подключиться литературоведы-американисты, особенно после постановления ЦК 1949 г. об усилении антиамериканской пропаганды⁹⁰, а также личностный фактор — та роль, которую сыграл в истории советских «американских штудий» И.И. Анисимов, ученый с разнообразными интересами, среди которых американская литература занимала не последнее место.

⁸⁹ Там же. Л. 30–32.

⁹⁰ См.: Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей. 1.04.1949 // Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953. М.: МФД; Материк, 2005. С. 346–348.

После увольнения Старцева, Аникста, Мотылевой и других «космополитов», руководство института сталкивается с необходимостью пополнить изрядно поредевший штат сотрудников. Вернувшись в ИМЛИ после службы в армии и работы в 1945–1948 гг. заместителем председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров⁹¹, И.И. Анисимов занимает должность старшего научного сотрудника ИМЛИ и активно включается в занятия американistikой. В ГИХЛ сдвигается с места подготовка 12-томного собрания сочинений Драйзера, работу над которым он начинал еще до войны⁹². С 1952 г., после присуждения Ученым советом Академии общественных наук при ЦК КПСС степени кандидата наук без защиты диссертации «по совокупности работ», Анисимов становится директором ИМЛИ (до своей смерти в 1966 г.), и под его руководством американистика институционально выстраивается на тридцать лет вперед.

Таким образом, в силу комплекса обстоятельств американисты в ИМЛИ были вынуждены организоваться в особое профессиональное сообщество (американистическую группу) в рамках сектора западных литератур раньше своих коллег — специалистов по французской, английской и проч. национальным литературам, которым не довелось пережить таких испытаний, как «показательный процесс» над первым американским томом. Эта устойчиво работающая американистическая группа, в которую постоянно входили как минимум 4 сотрудника, и которая время от времени пополнялась новыми кадрами, вела текущую библиографию (отдельными разделами ее готовила к печати сотрудник библиотеки ИМЛИ В.А. Либман⁹³) и выпускала коллективные труды.

Отказавшись от продолжения «Истории американской литературы», институтские американисты перешли к подготовке и изданию проблемных сборников, которые де факто составили тематическую научную серию (хотя она и не была формально обозначена в качестве таковой). Второй американистический сборник вышел после значительного перерыва — только в 1962 г.⁹⁴, в этом сборнике приняли участие, кроме И. Анисимова, А. Елистратовой и

⁹¹ Председателем Комитета по делам искусств был в то время М.Б. Храпченко.

⁹² См. утверждение плана на редакционном совете издательства 30 ноября 1949 г.: РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 7. Ед. хр. 947. Л. 237. См. там же выступления в течение года И. Анисимова с предложениями по формированию планов издания американских и французских авторов.

⁹³ См. итоговый свод: *Либман В.А.* Американская литература в русских переводах и критике. Библиография. 1776–1975. М.: Наука, 1977.

⁹⁴ Современная литература США / Реколл.: И.И. Анисимов, А.А. Елистратова, Р.М. Самарин. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Р. Самарина, — М.О. Мендельсон, П.С. Балашов, И.Г. Неупокоева, Я.Н. Засурский, Г.П. Злобин. Следующий, третий сборник, появился уже через два года (в 1964), а затем в 1960–1980-е гг. были изданы еще восемь сборников (1969, 1970, 1973, 1978, 1981, 1982, 1985, 1987). К их подготовке с течением времени привлекались американисты более молодых поколений, работавшие в ИМЛИ и в других научных и учебных заведениях Москвы и Ленинграда — Я.Н. Засурский, А.Н. Николукин, А.П. Саруханян, М.М. Коренева, А.М. Зверев, А.Н. Анастасьев, Т.Л. Морозова, С.А. Чаковский, Ю.В. Ковалев, А.В. Ващенко, Е.А. Стеценко и др.

Серия проблемных американистических сборников стала средством консолидации профессионального сообщества не только в институте, но и за стенами ИМЛИ. Таким образом, к рубежу 1980–1990-х гг. сложились условия для второй попытки создать российскую академическую историю литературы США, которая на сей раз увенчалась успехом.

Приложение

СТЕНОГРАММА СОВЕЩАНИЯ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ имени ГОРЬКОГО По обсуждению книги «История американской литературы» 23 сентября 1947 г.¹

Председатель — т. Бродский Н.Л.

Выступали тт.

Бродский Н.Л.

Яковлев Б.В.

¹ Архив РАН. Ф. 397 (ИМЛИ). Оп. 1. Ед. хр. 164. — Машинопись, 137 л. Публикуется с незначительными сокращениями. Купюры и редакторские конъектуры обозначены прямыми скобками []. Застенографированные тексты своих выступлений Т.Л. Мотылева, А.А. Аникст, А.И. Старцев и А.А. Елистратова собственноручно отредактировали (см. илл. 1, 2); при публикации их правка учтена, выборочно приводятся вычеркнутые авторами пассажи, они даны как ~~вычеркнутый~~ текст. В примечаниях 1-й том «Истории американской литературы» (1947) обозначается сокращенно: ИАЛ. Цитаты из ИАЛ, приводимые в выступлениях, восстановлены по тексту книги; где это необходимо, введены указания на [страницы] ИАЛ. К цитатам из «классиков» марксизма-ленинизма приводятся ссылки на «базовые» собрания сочинений (выступавшие приводят их по разным источникам, часто в иных переводах 1920–1930-х гг.).

Мотылева Т.Л.
Мендельсон [М.О.]
Цейтлин [А.Г.]
Гальперина Е.Л.
Успенский И.Н.
Аникст А.А.
Старцев А.И.
Елистратова А.А.

[Заключительное слово] т. Бродский Н.Л.
Обсуждение и принятие резолюции

тов. БРОДСКИЙ: Товарищи! Наше сегодняшнее заседание посвящено обсуждению недавно вышедшего труда под названием «История американской литературы», являющегося итогом работы нашего западного сектора.

Нет необходимости доказывать, что в настоящее время такое коллективное обсуждение работы любого советского учреждения в порядке критики и самокритики есть не что иное, как движение вперед нашего советского литературоведения. Нет необходимости доказывать особую важность нашего сегодняшнего заседания, посвященного обсуждению темы о культурных и литературных отношениях Америки и нашей Родины.

Принимая во внимание особый характер взаимоотношений между Америкой и нашей страной в эти дни, в качестве председателя этого собрания полагаю, что это обсуждение никоим образом не должно нами рассматриваться как обсуждение «академическое». Для нас, советских ученых, нет водораздела между академическим и между политическим, партийным мирозерцанием. Поэтому итоги этого совещания, как бы ни были принципиально резки возражения и оценки товарищей, желающих принять участие в обсуждении, — итоги этого совещания, само собой разумеется, должны вести наш западный сектор и весь Институт в целом по пути дальнейшего развития в смысле обостренного политического отношения к тем проблемам, которые возникают перед нами, литературоведами.

Прошу товарищей, желающих участвовать в обсуждении, подавать записки. Членам западного сектора думаю предоставить слово только в конце заседания, чтобы они имели возможность, особенно авторы этого сборника, ответить на те указания, которые могут иметь место.

В то же время, я думал бы, что отдельные товарищи из западного сектора, которые являются авторами отдельных статей книги, смогут принять участие в порядке несколько ином, т.е. выступать и в середине, и в начале нашего заседания.

Предлагаю следующий регламент. Если товарищи в своих выступлениях будут превышать регламент в 10 минут, думаю, что это возможно будет в том случае, если количество желающих выступить будет не слишком велико, в противном случае мы вынуждены будем строго придерживаться регламента.

Так как сегодня я себя чувствую не совсем здоровым, в виде исключения разрешите мне выступить первым.

Вчерашний день у нас в Университете продолжалось обсуждение доклада ректора Университета тов. И.С. Галкина на тему: «Патриотический долг советского ученого»². Во время обсуждения этого доклада представители разнообразных наук, научных дисциплин — биологи, астрономы, физики, химики — пришли к такому выводу, что после доклада тов. Жданова³, посвященного идеологическому раскрытию судеб нашей советской литературы в ее положительных и отрицательных тенденциях, после призыва тов. Жданова о том, что не нам, советским ученым, продолжать линию, которая когда-то имела место в царской России у многих представителей дворянско-буржуазной интеллигенции, — раболепствовать перед иностранщиной, преклоняться перед Западной Европой в нарушение замечательного признания революционного демократа Белинского, который указывал на необходимость считать европейское ценным лишь тогда, когда оно равносильно общечеловеческому⁴, так вот, эти представители научных дисциплин обратили внимание на следующее: во многих научных работах, журнальных статьях советские ученые резюме иногда (скорее можно сказать, почти всегда) пишут на одном из иностранных диалектов — на английском, немецком или французском.

Эти представители научных дисциплин пришли к выводу, что продолжать эту линию к чему, что русский язык давно уже имеет

² Илья Саввич Галкин (1898–1990), канд. историч. наук, ректор МГУ в 1943–1948 гг. См.: «О патриотическом долге советских учёных и задачах университета. Постановление Учёного совета университета по докладу ректора проф. И.С.Галкина»: «...в трудах отдельных ученых МГУ проявлялись элементы низкопоклонства перед буржуазной наукой и культурой, недооценка достижений науки и культуры народов Советского Союза, игнорирование роли отечественных ученых в развитии мировой науки» (История Московского университета. М., 1955. Т. 2. С. 329).

³ Доклады А.А. Жданова «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» 14 и 16 августа 1946 г.; сводный сокращенный текст опубл.: Правда. 1946. 21 сентября. № 225. См.: Дружинин П. Годовщина Победы или начало новой войны? // Новое лит. обозрение. 2012. № 116. С. 455–469.

⁴ Имеется в виду утверждение в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 8. С. 194).

право на признание его международным языком, и что иностранные ученые, превосходно знающие колоссальные, гигантские достижения русских и советских ученых, широко использующие эти достижения, могут заняться изучением русского языка. Поэтому они пришли к заключению, что пора перестать это резюме в русских работах, печатающихся на русском языке, как бы передавать на милость иностранцев и писать резюме на иностранном языке, чтобы они на иностранном диалекте узнавали о том, что делается в русской науке. Пусть изучают русский язык!

Вот мне кажется, что мы в нашем Институте мировой литературы им. Горького должны перестать писать резюме после наших работ на иностранном диалекте. Поэтому в этом первом томе «История американской литературы» странички, где излагается содержание по-английски, будем считать ляпсусом, который впредь не повторится в изданиях нашего Института им. Горького.

Ознакомившись с этим первым томом, я должен в первую очередь отметить превосходную эрудицию товарищей, которые участвовали в написании этого тома. Должен отметить временами блестящие характеристики отдельных писателей американской литературы, тонкость наблюдения, поэтому такая резкая оценка этого первого тома, которая была дана в последнем номере «Культуры и жизни» под маркой проф. Лейтеса, мне представляется не очень убедительной и меня убеждающей. Многое отрицательное, что было отмечено проф. Лейтесом, я хотел сказать сегодня независимо от его оценки, потому что много раздумий приходило мне в голову, когда я читал этот том. Поэтому прошу учесть мои замечания не как специалиста по истории американской литературы, а как литературоведа, который подходит к каждой работе, имея определенную историко-литературную концепцию.

Первое мое замечание я формулирую так. В томе, названном «История американской литературы», я всего менее ощущаю историзм, всего менее ощущаю применение той методологии, которую мы называем, в широком смысле слова, историко-литературной, на мой взгляд, здесь чаще преобладает биографический метод над историко-литературным.

Вместо того чтобы дать представление об историческом процессе и его своеобразии, и о классовой борьбе, которая крепла в недрах американской литературы, вместо того, чтобы развернуть наличие двух культур, между собой борющихся, — культуры передовой и реакционной, я чаще вижу отлично сделанные портреты отдельных писателей, я вижу биографические этюды вместо историко-литературного процесса, вместо этого движения. Я всегда цитирую мудрое выражение Энгельса «не всякий факт историчен»

и поэтому, сам являясь автором биографий, я всегда в своих работах и о Пушкине, и о Лермонтове между биографическим принципом и часто историко-литературным не забываю, что если бы я стал писать работу о Пушкине или Лермонтове с точки зрения историка, конечно, было бы построение иное.

Поэтому упрек — что вы нам бросили указания на биографизм, когда вы сами являетесь автором биографий, — я отвожу тем, что это не биография американских писателей, это история американской литературы, а историю надо писать исторически.

«Не всякий факт историчен». Когда я читаю эту «Историю американской литературы», я не вижу необходимости на страничке 224-й при оценке американского писателя Торо такой длинной цитации из Эмерсона. Меня интересует в истории американской литературы писатель, а не то, что этот писатель не был женат, не ел мяса, не пил вина, никогда даже не пробовал курить; что у него не было склонности к изящным безделушкам. Не это меня интересует, а я должен знать, что по существу определяет творческую индивидуальность писателя. И меня совершенно не удовлетворяет, когда на страничках 241–242 при освещении биографии Э. По подробно освещаются такие детали, что «целые дни он проводил на прибрежном песке, собирая раковины и изучая редкие породы насекомых» или что он в Балтиморе разыскал своих родных — бабушку, брата и тетку. А дальше говорится, что брат беспробудно пил. Нет мне никакого дела до того — пил его брат или не пил. Такие детали, такие биографические подробности не имеют никакого отношения к творческому облику писателя и к истории литературы в широком понимании этого слова. А таких деталей в этой книге я нахожу очень много!

Второе. Как много в этом томе пересказов художественных произведений, написанных американскими писателями! Вы читаете об Ирвинге (стр. 131, 132, 133 и т.д.) чрезвычайно подробное изложение содержания романа, а я бы хотел вместо пересказа содержания прочесть анализ творческого облика писателя — его связь с предшественниками, его воздействие на писателей последующих, чтобы он был у меня закономерным звеном в процессе истории литературного движения.

Или когда я беру этюд о Готорне — тоже чрезвычайно обилие пересказов. Мне кажется, нам на сегодняшнем собрании полезно поставить вопрос о нахождении какой-то историко-литературной проблематики. Я не знаю истории американской литературы так, как ее знают специалисты, но должна быть принципиальность в истории литературы, а нужны ли эти пересказы? Вот если бы мы стали писать историю русской литературы для американцев, то

стали ли бы мы так подробно пересказывать содержание произведений наших русских художников — я бы усомнился в том, что это нужно. Я не хочу, чтобы нами написанная история литературы походила на тот тип истории литературы, который писался когда-то во второй половине XIX века.

Самое существенное мое возражение — это, товарищи западники, в том, что я вижу в книге наличие ошибочного, антинаучного, нам в корне чуждого компаративизма. Этот компаративизм выражается в разнообразных формах, завуалированных или резко наглядных. Я всегда думал, и на наших заседаниях в русском секторе приходилось говорить об этом, что сопоставление между писателями разных эпох, разных исторических периодов, разных классовых группировок — беспечно, не нужно, не достигает цели, не раскрывает всего содержания того или иного литературного явления. Я беру 239 страницу. Вот писатель первой половины XIX века буржуазной Америки с определенными социальными тенденциями чисто индивидуалистического характера, американец Торо. «Из глубокого проникновения в жизнь, которому он учит в “Уолдене”, должны рождаться фразы, насыщенные материальным содержанием, которые будут “столь же долговечны, как римский водопровод”», — это показано как строки, перекликающиеся с поэмами Маяковского. Что же здесь общего с нашим Маяковским! Тут случайные детали, которые берутся из текста.

Страница 249. «В “Маске красной смерти” [...] По разрабатывает тему “Пира во время чумы”, — пишут авторы, — однако своей трактовкой лишает ее всяких жизнеутверждающих элементов». Какое имеет значение сопоставление По с Пушкиным, зачем нужно это сравнение и сопоставление, когда сами авторы себя опровергают, заявляя, что трактовка По лишает произведение тех элементов, которые ярко звучат у Пушкина?

Страница 118. Глава об Ирвинге. «“История Нью-Йорка” отдаленно предвосхищала тот жанр, к которому в русской литературе, например, принадлежали впоследствии “История села Горюхина” Пушкина или “История одного города” Салтыкова-Щедрина». Зачем нужно это выражение о том, что Ирвинг в каком-то жанре предвосхитил Пушкина или Салтыкова? Я смысла в этом «предвосхищении» не вижу, не вижу и необходимости заниматься такого рода сравнениями. По-моему, для этого нет никаких оснований. Я еще понимаю, если бы было раскрыто отличие довольно существенное, какое-то своеобразие. А так просто фраза, которая ничего не дает в смысле уяснения содержания явления!

Когда читаешь внимательно этот том, видишь, что авторы-западники временами то и дело указывают на ту реакцию, которую

встречало то или иное произведение американской литературы на русской почве. И надо считать обязательным, чтобы наши западники всегда, когда говорят об испанской, английской, американской, французской и т.д. литературе, чтобы они давали оценку этим явлениям со стороны наших русских знатоков, наших русских ученых. У нас в Институте на заседании при обсуждении томов, которые связаны с Белинским, с его точкой зрения на европейскую литературу, наши товарищи-западники великолепно нам показывали своеобразные оценки Белинским того или иного европейского писателя. Известна его оценка Байрона, и через 100 лет, сейчас она является самой прогрессивной, самой революционной, самой соответствующей объективному значению Байрона и байронизма в мировом аспекте. Поэтому я оцениваю как положительное достижение то, что наши западники вводят в эту работу оценки, признания наших русских критиков, русских литературоведов. Но наряду с этим я вижу, как часто ненужно, бесполезно ставится эта проблема о «влиянии» американских писателей на наших национальных гениев, выросших на нашей национальной народной почве, которые, конечно, никогда не были оторваны от мирового движения. Но когда я беру страничку 141-ую и читаю: «Ирвинг был довольно широко представлен в библиотеке Пушкина. В советской пушкиноведческой литературе указывалось на жанровую близость пушкинской “Истории села Горюхина” к ирвинговской “Истории Нью-Йорка”. Пушкинская “Сказка о золотом петушке” по своему сюжету может быть поставлена в связь с “Легендой об арабском звездочете” из “Альгамбры” Ирвинга. У Пушкина, однако, сюжетные мотивы ирвинговской сказки получили совершенно новую сатирическую остроту», — когда я все это читаю, я полагаю, что действительно в нашем пушкиноведении такая статья была⁵, но зачем на нее ссылаться в «Истории американской литературы»? Для того чтобы продемонстрировать, что сатирическая острота Пушкина ничего общего не имеет с Ирвингом? Тогда, следовательно, это темы о влиянии и не касается. Мы все знаем, что «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя возникли на фоне той густой, насыщенной украинским фольклором почвы, без которой они не могли бы существовать. Это азбука. «Творчество Ирвинга, — читаю я здесь, — было знакомо и Гоголю. Ирвинг мог привлекать автора “Вечеров на хуторе близ Диканьки” и “Миргорода” сочетанием романтических мотивов с реалистическим фольклорным юмором в изображении захолустной жизни “старосветской” Америки» [с. 141]. «Старо-

⁵ Имеется в виду: *Ахматова А.* Последняя сказка Пушкина // Звезда. 1933. № 1. С. 161–176.

светские помещики», «старосветская Америка» — какая игра словами, вот слова ради слов, форма ради формы, искусство ради искусства. И Пушкин, и Гоголь, оказывается, обязаны Ирвингу. Какая чепуха, какая галиматья!

На стр. 183 ставится вопрос о влиянии Фенимора Купера на русскую литературу, и как же повезло этому Куперу именно в этой теме влияния! Оказывается, проявлением непосредственного влияния Купера на русскую литературу был известный роман Лажечникова «Последний новик» — значит, прямое влияние. Ничего подобного в первичном замысле у Лажечникова не было, когда он ставил тему романа «Последний новик».

На следующей странице утверждение еще более странное. «Влияние Купера сказалось и в других попытках менее видных писателей ввести “областную” национальную тематику в круг интересов русского романа». Я читал статью одного автора на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» 1834 г.⁶ Этот автор пишет, в чем отличие и в чем связи нашей русской литературы: она многонациональна, нашей литературой и нашими писателями могут быть изображены и Сибирь, и Крым, и Кавказ, и Прибалтика. Оказывается, что авторский интерес русского писателя в изображении своего местного, областного, ему дорогого, ему близкого, ему знакомого, в типах, в картинах природы, деталях — вот чем определяется круг интересов русского писателя, когда он подходит к областной теме. И только потому, что один из критиков назвал [И.Т.] Калашникова «сибирским Купером», оказывается, что роман из сибирской жизни «Дочь купца Жолобова» Калашникова есть не что иное, как повесть об искателе счастья со страниц романа Купера.

Беру страничку 184-ую — приводится подробный рассказ, который с интересом прочтет и русский, и американский читатель, как Белинский посетил Лермонтова после дуэли с Барантом и беседовал с ним о творчестве Купера. Купер нравился Лермонтову больше, чем Вальтер Скотт. Он ставил его художественное творчество выше. «Противопоставление характера сложного и отравленного “цивилизацией” простым и сильным чувствам людей, не вышедших их “естественного состояния”, не порвавших первобытной связи с природой, — дикой, могучей и прекрасной природой Кавказа, занимало Лермонтова и в “Бэле”, и в кавказских поэмах». А что же это, товарищи западники, такие поэмы, как «Мцыри», «Демон» и еще более ранняя поэма «Измаил-бей», что же, там Лермонтов тоже

⁶ Имеется в виду: *Плетнев П.А.* «О народности в литературе. Рассуждение [...]» // ЖМНП. 1834. Ч. 1. Отд. 2. С. 1–30.

идет по следам Купера как его «ученик»? Что же, эта тема и у Пушкина была, и, конечно, он эту тему занял не у Байрона.

Я считаю, что эта тема о влиянии, влиянии и влиянии [так!] есть один из существенных пороков, от которого надо излечиться нашим советским литературоведам во что бы то ни стало. Мало того, когда я беру страничку 267-ую, то оказывается, что «большую роль По сыграл в развитии русского символизма». Какую-то роль он играл для Мережковского, Брюсова, которые его переводили, но «большую» роль — зачем уже так непременно «большую» роль!

Целое могучее течение, как бы мы ни относились к нему, русский символизм, вырос, конечно, не так, как рисуется здесь, где говорится о «большой» роли. А главная роль сводится к тому, что, оказывается, знаменитое стихотворение «Ворон» было переведено Мережковским, Бальмонтом и Брюсовым, и все!

Я никак не могу согласиться с товарищами и с крупными литературоведами, когда берут цитату, не обращая внимания на то, когда была написана цитата, а ведь и тут надо относиться критически. Беру страничку 185-ую, там приведена цитата из предисловия Максима Горького к романам о Кожаном Чулке Ф. Купера. Я думаю, что автор этой статьи А.А. Елистратова поступила не совсем правильно, когда она закончила свою статью цитатой Горького о Ф. Купере с такими словами: «...читая воспоминания, например, русских революционеров, мы нередко встретим указания, что книги Купера служили для них хорошим воспитателем чувства чести, мужества, стремления к деянию». Такого рода признания могут встречаться в мемуарах русских революционеров, но оканчивать этой цитатой — это признать, что американские писатели не только оказывали влияние на Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, но даже оказывали влияние на представителей нашей русской революционной интеллигенции. Не слишком ли много почета для американских писателей!

Временами авторы этого тома пытаются дать характеристику национального характера американцев. Что может быть труднее, как найти соответствующие слова для определения национальной субстанции представителей иной народности.

Я беру 130-ую страницу, где речь идет об Ирвинге. «При всем своем “европеизме” Ирвинг и в Европе оставался американцем. В свою трактовку европейской общеромантической тематики он привносит неизменно реалистическое чутье и деловитый здравый смысл американца». Вот определение национального типажа американца: он реалист и наделен здравым смыслом. В этой книге приведена цитата другого порядка, и как хорошо было бы здесь привести цитату из Радищева или из Пушкина, который рисует ос-

нову этой национальной субстанции американца несколько иначе, чем реализм и здравый смысл. Определяется так высокопатетично — это среди европейцев американец.

Вот что говорится на 9-й странице об индейцах: «Печатный станок и высшая школа появились в английских колониях почти одновременно с их основанием, когда поселенцы еще должны были вести жестокую борьбу за существование с неохотно отступавшей природой и еще менее охотно отступавшими индейскими племенами — коренным населением материка». Хорошо сказано — население неохотно отступает от поселенцев [из] Англии — американцев, с их известной хищнической, эксплуататорской экспансией.

На странице 11 говорится: «Трехвековое рабское состояние наложило на американских негров тяжелый отпечаток в виде культурной отсталости, которая преодолевается с трудом лишь в новейшее время [...] В наши дни негритянская интеллигенция начинает играть заметную роль в культурной жизни США, в частности, в американской литературе».

И только несколько этих строчек, [...] где так высокопатетично рисуется национальный тип американского культутрегера, а что касается до индейцев и негров, то там картина другая. Я не специалист по [американской] литературе, но интересуюсь судьбами ее низовой литературы в условиях буржуазного режима, демократической литературой, и я хочу знать об этом гораздо больше, и не нахожу ничего!

Я считаю одним из недостатков этой работы некое приглушенное изображение демократической струи в американской литературе.

Товарищи западники! Мне, русисту, очень хотелось бы, чтобы на стр. 320, там, где говорится об одном американском писателе, который здесь характеризуется как «поэт крестьянской и ремесленной Новой Англии, развивающийся целиком в сфере демократических традиций американской культуры», который «читит и воспекает героев английской буржуазной революции и американской войны за независимость, а также Туссена Лувертюра, Джона Брауна, Гарибальди», мне об этом писателе хотелось бы получить более подробные сведения, чем это дается в книге⁷.

Несоответствие бросается в глаза: подробный анализ представителей буржуазной литературы и малое количество страниц, связанных с этими представителями литературы.

Беру страничку 329-ую. Там хорошо сказано о прогрессивной сущности романа Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Я узнаю, что

⁷ Джону Уитьеру (1807–1893) посвящена первая глава раздела «Аболиционисты» (с. 318–323; автор — А.А. Елистратова).

этот роман вызвал бурный протест среди реакционной части американской литературы на Юге и не менее 14 романов апологетов рабства. Я ожидал, что вся эта борьба в литературе будет вскрыта подробно, детально, мне хотелось бы узнать об этой классовой борьбе гораздо более подробно, более детально, чем то, что имеется здесь. Некоторая приглушенность классовой борьбы в американской литературе наличествует здесь, в этой работе. Может быть, эти упреки мои относятся не столько к авторам этой работы — авторы иногда могут быть слепы к своей работе — сколько к редакционной коллегии. Я замечаю у авторов некоторые противоречия в их высказываниях, в их статьях. Например, страничка 290-я: «Влияние Готорна на последующее литературное развитие ощущается слабо. История американской литературы после него пошла иными путями». А дальше, на странице 292-й, читаем следующее: «Влияние Готорна на творчество Мельвиля несомненно. Особенно явственно оно сказалось на романе “Пьер”». То «слабое влияние» — а через несколько страниц оказывается «несомненным», ощущается сильно — тут какая-то неясность.

На 309-й странице дается характеристика ряда образов нескольких американских романистов, причем оказывается, что эти образы идут под одной шапкой, хотя они принципиально друг от друга отличны. Одни образы уходят от общества как ярко выраженные эгоцентристы, индивидуалисты, и есть образы, которых общество из своей среды изгоняет. Психология самочинно ушедших из общества и психология того, кого общество из своей среды изгоняет, приводит тех и других к тому, что они являются отщепенцами, но характер, объективные намерения тех и других совершенно разные. Между тем, сюда под одну шапку попадают и мрачный меланхолик, находящийся в плену безумной фантазии Родерик Эшер у Эдгара По, и Эстер Принн у Готорна — женщина с большими возможностями, настолько непохожая на других, что общество изгоняет ее из своей среды. Все они, «каждый по-своему, — одинокие отщепенцы», индивидуалисты, живущие только внутренней жизнью.

А когда я беру стр. 281, где дается характеристика этой замечательной женщины, оказывается, она рисуется как та, кого страдания переродили, она стала героиней добра и человечности: «Она была так щедра на помощь и обладала такою силою деятельности и сочувствия, что многие придавали букве, вышитой на груди ее, совсем другое значение и утверждали, что она означает не Прелюбодейка, а Помощница!» Какой благородный тип женщины, не подходящий отщепенцу-меланхолику из рассказа Эдгара По.

Вот мои замечания, которыми я хотел поделиться с собранием и которые приводят меня к выводу, что эта работа, несмотря на

большую эрудицию авторов, на ряд превосходных страниц, великолепно сделанных портретов отдельных писателей, имеет настолько существенные недостатки, что приводит меня к выводу, абсолютно расходящемуся с той точкой зрения на свой труд, которая выражена от редакции этого первого тома «Истории американской литературы». Этот труд не является детищем советского литературоведения. Я считаю, что этот труд имеет на себе родимые пятна досоветского периода нашего литературоведения, и от них нам как можно скорее надо освободиться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет Б.В. Яковлев.

тов. ЯКОВЛЕВ: Товарищи, сегодня, по справедливости, мы прослушали первое слово не Н.Л. Бродского, а первое слово было прослушано А.М. Лейтеса на страницах газеты «Культура и жизнь».

Нам, работникам Института, уже приходилось на своем внутреннем совещании обсуждать эту книгу, и всем хорошо известно — или почти всем — что написал А.М. Лейтес. То, что он сказал, затрагивает все, что можно сказать по поводу этого первого тома «Истории американской литературы».

Я вполне согласен с оценкой этой работы, сделанной Н.Л. Бродским, он говорил о многих недостатках этой книги — о фактографизме, о компаративизме. Для того чтобы сделать эту характеристику полнее, я хотел бы прибавить еще один недостаток этого тома, такой недостаток, который, я склонен думать, надо поставить первым. Это то, что называется нехорошим словом «объективизм», буржуазный объективизм. Именно этот объективизм, именно эта аполитичность во многих и многих местах имеется на страницах книги, именно это неумение вскрыть антагонистичность, противоречивость капиталистической Америки, отражающуюся в американской культуре. Мне кажется, что это является очень существенным недостатком обсуждаемой нами книги.

В неразрывной связи с этим недостатком приходится вспоминать и остальное, о чем хотелось бы сегодня услышать в выступлениях товарищей.

Вторым недостатком я хотел бы назвать идеализацию как американской истории, так и американской литературы, и, в-третьих, апологетическое отношение к американскому раннему декадансу, судьбы которого прослеживаются на страницах «Истории американской литературы».

Николай Леонтьевич сегодня заявил себя как «неспециалиста» по истории американской литературы. Тем более уместно такое заявление в моих устах. Я бы хотел, чтобы товарищи западники расценили мое выступление как выступление рядового читателя, одного из тех 50–60 тысяч читателей, в расчете на которых...

(С МЕСТА: 7 тысяч!)

...ну, 7 тысяч читателей, которым адресована эта книга — 7 тысяч, помноженных на хороший десяток, потому что вы знаете, как у нас расхватываются такие книги, — и я хотел бы в качестве такого рядового читателя высказать свои соображения.

Я уже говорил об объективизме. Не мне и не в этой аудитории стоило бы напоминать классическое высказывание Ленина, его классическую характеристику «объективиста» и материалиста. Напомню кое-какие положения из его высказываний: Ленин говорил, что объективист может говорить о необходимости данного исторического процесса, в то время как материалист будет говорить об антагонистичности данной общественно-экономической формации, порождающей антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного рода фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологетики этих фактов. Материалист вскрывает классовые противоречия, т.е. определяет свою точку зрения. И далее Ленин говорит, что материалист глубже, яснее, последовательнее «объективиста», что его точка зрения последовательно партийна⁸.

Мне кажется, что именно этими ленинскими словами, которыми должны были руководствоваться наши авторы, следует руководствоваться и при оценке первого тома «История американской литературы» — той самой последовательной партийности, о которой говорит Ленин, так не хватает в разбираемой нами книге.

Возьмем хотя бы сопоставление с самыми элементарными событиями марксистской этнографии — характеристику самого начального периода становления Америки и американской литературы. Здесь идея борьбы почти исключительно подана как результат религиозно-политических преследований, но тот общеизвестный факт, что колонизация Америки была связана с погоней за золотом — это обстоятельство, хорошо известное нашим историкам, не нашло отражения.

Такая трагическая категория американских колонистов, как кабальные слуги, которые закабались на 5–7 лет, а потом это закабаление продолжалось еще дольше, сроки увеличивались (причем большое количество этих кабальных слуг было у Джорджа Вашингтона), — это, опять-таки, не нашло широкого отражения в вводных главах, наоборот, приводятся строки из малоизвестного Уинтропа, рассказ о слуге, который хотел закабалить своего хозяина [с. 27–28].

⁸ Из работы Ленина «Экономическое содержание народничества...» (1894); эти цитаты приводятся в статье «Ленин» «Литературной энциклопедии» (М., 1932. Т. 6. Стб. 207).

В качестве результата того, что наши авторы все время называют американской революцией то, что Ленин постоянно называл американской национально-освободительной войной, наши авторы говорят, что массы получили частичный доступ к обширным территориям, вновь освоенным на Западе, — но какие массы? Из истории известно, что земля на Западе продавалась по огромной цене за акр, что представляло явно недоступную цену для переселенцев.

Здесь уже говорили об изображении американских колонистов чуть ли не жертвой индейцев. Но это надо отметить не только на той странице, о которой говорил тов. Бродский, а рассеяно по всему тому. Авторы восхищаются мужеством и честностью Плимутских поселенцев в борьбе с окружающими их опасностями. Авторы восхваляют кровопролитные стычки с индейцами американских колонистов, которые, как известно, зверски истребляли индейцев, индейские племена, грабили, насиловали женщин, а один из них, Томас Мортон, не упустил случая поразвлечься в обществе индианки [с. 37–38].

Мне кажется, что галантная форма, хотя бы она была юмористическая, просто неуместна на страницах «Истории американской литературы». «Белые и краснокожие участники празднества дружно пустились в пляс» [с. 38]. Как веселый хоровод, как дружный пляс изображается зверская колонизация Америки. Мне кажется, что это пляс карасей на сковородке, который изображен в басне нашим великим баснописцем⁹.

Вот как изображается дневник одной вдовы Бостонского купца Сары Кембл Найт: Елистратова восхищается светскостью и легкомысленностью тона этого дневника, совершенно чуждого пуританскому благочестию. В чем заключается эта легкомысленная приятность тона? Как замечает Анна Аркадьевна, вдову шокирует непривычная демократическая простота отношений между белыми и неграми. Фермеры, по мнению бостонской дамы, слишком снисходительны к своим рабам, допускают их есть за одним столом с белыми, так что «черное копыто залезает в блюдо так же свободно, как и белая рука». На этом заканчивается 43 страница и вообще глава о литературе пуританских поселений. Как можно было привести это гнуснейшее сравнение бостонской американской Салтычихи и не высказать ни единым словом своего отношения к этой гнусности! Ведь эти слова о черном копыте и белой руке вы можете без труда обнаружить и в современной американской реакционной литературе.

Столь же странно распределяет свои симпатии между рабами и рабовладельцами и т. Сильман в 3-й главе. Новелла «Бенито Сере-

⁹ Басня И.А. Крылова «Рыбьи пляски» (ок. 1821).

но»; тема повести — восстание негров на борту испанского корабля. Цитирую: «Мастерски обрисована фигура бесчеловечно жестокого предводителя повстанцев — негра Бабо...» [с. 306]. Господину Мельвилю было угодно изобразить вождя повстанцев со стороны жестокости, и даже бесчеловечной жестокости, а автор статьи видит в этом только «художественное мастерство» там, где речь идет о войне за независимость или об американской революции.

Наконец, мне кажется, что в томе не дано сколько-нибудь элементарного объяснения этой войне или революции. Нужно сказать, что такая «История американской литературы» рассчитана на рядового читателя, но она требует больших знаний по истории Америки, и как можно было в такой книге обойти полным молчанием основные причины этой войны, которая сводилась к торгово-промышленной конкуренции между английскими и американскими капиталистами? [...]

Еще большее возмущение вызывает общность наций в Америке. В своем введении к отделу литературы периода Просвещения и буржуазной революции А.И. Старцев отмечает: «Книга не играла на первых порах такой роли в распространении просветительских идей в колониях, как это было в Англии или во Франции... Однако с самого начала велико было значение американской прессы, игравшей, как известно, выдающуюся роль также и во всей последующей истории США» [с. 49].

Вот уж поистине классический пример того, что такое «объективизм» и как его сделать своими собственными руками из данного материала.

Это само собой разумеется, что американская пресса играла и играет ведущую роль, но какую роль? Это определение роли американской прессы как вонючей, насквозь растленной служанки капитала должно быть дано, но этого, к сожалению, нет у Старцева.

Но вот что пишет об американской прессе Ленин: «Рабочие знают, что означает власть капитала над прессой, которая проявляется во всем мире тем ярче, тем резче, тем циничнее, чем развитие демократизм, как, например, в Америке»¹⁰. Вот характеристика, ничего общего не имеющая со словами автора.

Высказывания классиков марксизма-ленинизма можно противопоставить почти всем страницам книги. Так, например, тот же Старцев цитирует письмо американского фермера Кревекера. В этих письмах Кревекер утверждает: «Американец — тот, кто, оставив за собой все старые обычаи и предрассудки» [с. 70], воспринял новый

¹⁰ Сокращенная цитата из доклада Ленина на I Конгрессе Коминтерна 4 марта 1919 г. (*Ленин. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 37. С. 495*).

политический строй, новый образ жизни, новое положение в обществе. Во всяком случае, ничем это высказывание не опровергается, ничто ему не противопоставляется.

Но вот что пишет Фридрих Энгельс об оставленных предрассудках: «В Америке наряду с самым новым и самым революционным преспокойно продолжает прозябать самое старое и заплесневелое...»¹¹ (*читает*). Это написано в 1892 г., но то, что было сказано Энгельсом тогда, можно полностью применить к тому, что сейчас в Америке существует.

Можно привести бесконечное множество высказываний Ленина, Сталина, Маркса, чтобы показать, как объективистски описывают наши авторы свободы Америки. Вот одна любопытная строка. В чем выражается, по мнению Анны Аркадьевны, черты буржуазного янки? Оказывается, эти типичные черты выражаются в том, что янки не умеет идти в ногу со временем и по мере надобности подчинять пуританское благочестие здравому смыслу и труду: (*читает*) [с. 41]. Любой буржуазный янки полностью подпишется под этой характеристикой.

Ленина возмущала чрезвычайная откровенность, цинизм и грубость американского кулака, а наши авторы не могут налюбоваться здравым смыслом и хозяйственной деловитостью американца.

Особенно апологетическую позицию занимают авторы по отношению ко всем ранним провозвестникам американского декаданта.

Надо отдать должное авторам — я сам человек, совершенно не осведомленный в американской литературе, а именно для такой категории читателей и предназначалась эта книга, — значит, и для них должны быть совершенно элементарны истины, должно быть совершенно ясно, что показ антагонистических противоречий капитализма, обнаруженных с чудовищным цинизмом в Америке, проявившихся значительно раньше, чем где бы то ни было, — совершенно ясно, что это привело к раннему зарождению американского декаданта, предшественника декаданта европейского. Нет другой такой литературы, где бы так мощно, таким пышным цветом показала бы себя эта нереалистическая, иррационалистическая упадочническая декадентская традиция, как в американской литературе. Об этом свидетельствуют материалы, собранные самими авторами тома. Но авторы упорно не хотят осветить этот материал, не хотят поставить его в связь с современным декадентским распадом, разложением и мерзостью современной американской литературы.

Более того, у рядового читателя создается впечатление, что ав-

¹¹ Из письма Энгельса Конраду Шмидту от 11 января 1889 г. (*Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., 1965. Т. 37. С. 110*).

торы как бы любуются этим материалом, который подлежал бы очень острой критике.

Чарльз Брокден Браун, по оценке А.И. Старцева, «наиболее значителен как художник, когда изображает состояние человека, пораженного необъяснимым страхом, помрачающим его разум, или поддающегося влиянию темного, злого начала, которое толкает его на преступление. В изображении “сумеречных” состояний человеческого духа, в нагнетании атмосферы ужаса Браун выступает как оригинальный мастер и предшественник таких американских романтиков, как Эдгар По» [с. 99].

Вот как глубоко уходят корни американского декаданса. Какая «золотая жила» была в руках наших авторов, и как обидно, что они ничего не сделали для того, чтобы вскрыть источники и истоки политические и идейные этого декаданса!

А.М. Лейтес в своей статье говорил о Торо. Все самое реакционное, индивидуалистическое в творчестве Торо представляется в книге как нечто прогрессивное, как выражение прогрессивного протеста против американского капитализма, как нечто антагонистическое этому капитализму. Разве уместно было изобразить Торо как предшественника Маяковского — вот уж поистине компаративизм, доведенный до степени полного идиотизма. [...]

Николай Леонтьевич уже привел несколько поучительных примеров — я бы хотел обратить внимание на особенно поучительный образец введения этого материала в книгу. Авторы необычайно тонко и осторожно выступают, когда они говорят о влиянии американских художников на русскую литературу, на русских писателей. Это дано не грубо, не прямо: «В советской пушкиноведческой литературе указывалось на жанровую близость пушкинской “Истории села Горюхина” к ирвинговской “Истории Нью-Йорка”. [...] Творчество Ирвинга было знакомо и Гоголю. Ирвинг мог привлекать автора “Вечеров на хуторе близ Диканьки” и “Миргорода” сочетанием романтических мотивов с реалистическим фольклорным юмором в изображении захолустной жизни “старосветской” Америки» [с. 140–141]. «Старосветские помешки», «старосветская Америка». «Мог предвосхитить» — так осторожно, тонко даются совершенно неправильные формулировки.

Не говорю уже о прозрачной ссылке на советскую пушкиноведческую литературу. За этой анонимной ссылкой скрывается статья Ахматовой. Ссылку на Ахматову было неудобно печатать, поэтому наши авторы и постарались сделать ее анонимной и тем солидаризировались с вредной теорией Ахматовой¹².

¹² Сопоставление «Истории Нью-Йорка» и «Истории села Горюхина» принадлежит М.П. Алексееву (1925); параллель же «Сказки о золотом петушке» с

В то же время замалчивается ряд фактов, которые политически и исторически важны. Ведь это факт, что так называемый вооруженный нейтралитет, объявленный Россией в 1870 [так!] году, имел очень большое значение для хода и исхода национальной американской освободительной войны, это исторический факт появления русских моряков в портах у северян¹³, и эти факты не могут быть обойдены молчанием.

А в чем заключаются причины всех этих и многих других допущенных авторами ошибок? Есть три причины. Прежде всего, авторы встали на путь буржуазного объективизма, на его позиции, может быть, угодные заокеанским читателям, но не имеющие ничего общего с принципами советского литературоведения. Авторы наши, как мне кажется, во многих случаях невежественны в области марксизма-ленинизма, они не знают многих высказываний и произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Показательно, что известнейшую всем книгу Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» Елистратова характеризует как статью; очевидно, она эту книгу не читала¹⁴.

В-третьих, авторы следуют с излишней покорностью за буржуазными источниками. В книге нет библиографии, и в этом ее большой научный недостаток. Но зато страницы книги пестрят ссылками на Паррингтона, Миллера¹⁵ и других заокеанских авторов. Слишком много наши авторы следуют за своими источниками. И, наконец, авторы не воспользовались силами нашего институтского научного коллектива. Почему, скажем, русистам не была предостав-

«Легендой об арабском звездочете» Ирвинга (см. примеч. 5), упомянутую в ИАЛ без указания имени А. Ахматовой, Б. Яковлев опустил в своей цитации; «неудобно печатать» — после постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград», заклеившего, в том числе, и Ахматову.

¹³ Речь идет о заявленной Россией солидарности с правительством Авраама Линкольна в гражданской войне «Севера» и «Юга» в США 1861–1865 гг. В 1863 г. русские эскадры подошли к Нью-Йорку и Сан-Франциско; участия в войне Россия не принимала. Судя по дословным совпадениям, источником эрудиции Яковлева могла быть брошюра того же А. Старцева «Америка и русское общество» (М., 1942. С. 14; тут же — о «декларации о вооруженном нейтралитете 1780 года»).

¹⁴ А.А. Елистратова дважды цитирует эту работу по т. XVII «Сочинений» Ленина [с. 109], действительно, называя ее «статьей». Впервые исследование Ленина (1915) как «Вып. 1. Капитализм и земледелие в Соед. Штатах Америки» было опубл. в 1917 (Пг.: Жизнь и знание. 104 стр.).

¹⁵ Работа Перри Миллера «Духовная жизнь новой Англии. XVII век» (*The New England Mind: The Seventeenth Century*; 1939) цитируется единожды [с. 20]; в ИАЛ — четыре ссылки на В.Л. Паррингтона.

лена возможность познакомиться хотя бы с русскими мотивами книги?¹⁶ Почему Бродский, лучший специалист по истории русской литературы XIX века, не был привлечен как консультант для того, чтобы проверить знания русистов, что такое роман Калашникова, над которым так издевался Белинский. Если бы это было сделано, многие ошибки, допущенные в книге, были бы устранены.

В XVII веке, как сообщается в книге, массачусетские колонисты получили свой первый учебник — «Новоанглийский букварь, или Молоко для младенцев, извлеченное из грудей обоих священных заветов» [с. 22]. Многие страницы книги следовало бы озаглавить «Американофильская история литературы, или Молоко для политических младенцев, извлеченное из грудей англо-американского буржуазного литературоведения». Мне лично кажется, что не приходится доказывать, что такое «кушанье» советским людям совсем не по вкусу.

(С МЕСТ: Надо объявить перерыв).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы объявим перерыв после следующего выступления, может быть, выступит кто-нибудь из «западников»?

тов. МОТЫЛЕВА: Желательно было бы объявить перерыв, чтобы во время него можно было поговорить товарищам, обменяться мнениями, обдумать!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вот и предлагается выступить Вам, а я полагаю, что Вам нет необходимости в пятиминутном перерыве для того, чтобы обдумать Ваше выступление! Слово имеет т. Мотылева.

тов. МОТЫЛЕВА: Товарищи, я выхожу на эту трибуну даже без экземпляра книги. Дело в том, что меня неожиданно вызвали: я предполагала, что выскажется еще ряд товарищей по существу этого «американского» тома, а потом уже коллектив западников сделает свое выступление.

Я буду говорить об этом не как сторонний человек, а как участник, хотя я не являюсь ни автором статей, ни редактором тома. Но поскольку я являюсь членом коллектива этого сектора, я хочу сказать о тех обстоятельствах, которые привели ко многим недостаткам этого тома. Я считаю, что целесообразно, полезно еще и еще раз критиковать эту книгу, внося добавления в ту справедливую критику, которая была дана в статье т. Лейтеса, дана двумя предыдущими ораторами и будет дана другими товарищами.

Мне кажется, можно сделать некоторые общие выводы о корнях этих ошибок и о том, как этих ошибок избежать в будущем.

¹⁶ Ср. выступление на Ученом совете ИМЛИ 13 февраля 1945 г. Н.К. Пиканова с разбором темы русско-американских литературных связей (*Панов С., Панова О. «История американской литературы» в советской Академии наук. Статья первая // Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 221–222*).

Мне кажется, что одной из основных и кардинальных ошибок в работе сектора, которая привела к недостаткам обсуждаемой книги, было то, что коллектив в своей работе исходил из временных факторов. Всем известно, что том этот делался тогда, когда была еще война, у всех сотрудников Института в памяти тот день, когда на Ученом совете Института в феврале 1945 года обсуждался этот том и был утвержден — тогда еще Америка была нашим союзником, был еще жив Рузвельт, когда наши ~~связи~~ отношения с Америкой были иными, чем теперь, когда Америка стала центром мировой реакции. Это обстоятельство заставляет нас подойти с гораздо более строгой оценкой к недостаткам этого тома, чем это было сделано тогда, два года тому назад. Это частично объясняет недостатки этой книги, но ни в коем случае не оправдывает.

«Чтобы не ошибиться в политике, — говорит товарищ Сталин, — надо смотреть вперед, а не назад»¹⁷. Нам нужно было тогда смотреть «вперед», и тогда многих ошибок этого тома не было бы, их можно было бы предупредить. Мы могли бы думать о том, что данная книга готовится не на один год, что в данной книге следует принимать во внимание не только то временное обстоятельство, что Америка является членом антифашистской коалиции: следует принимать во внимание все, что говорили наши учителя, классики марксизма-ленинизма о пороках капитализма, и в частности американского, о пороках американского социального строя. Мы должны были бы помнить о непреодолимом, непримиримом, коренном противоречии капиталистического и социалистического строя. Это есть постоянный, основополагающий фактор, из которого следует исходить при оценке всех литературных явлений.

И вот то, что этот постоянный фактор, основной, определяющий фактор, не был достаточно принят во внимание, то, что авторы и мы — те, которые принимали участие в обсуждении, читали отдельные главы, всю рукопись, — подчинились этому временному, преходящему фактору — это было серьезной ошибкой.

Еще более серьезной ошибкой было то, что книга на протяжении издательского производства мало пересматривалась. Я полагаю, что она пересматривалась в деталях, а не столь серьезно, крепко, кардинально, как надо было ее пересматривать... На протяжении того времени, как книга печаталась, было много возможностей дополнить ее, перечитать, многое исправить, многое перестроить; тогда не было бы оснований для тех справедливых нареканий, которые мы слышим сейчас.

¹⁷ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. [М.,] 1952. С. 105.

Но недостатки книги не исчерпываются этими обстоятельствами, не исчерпываются тем, что критика американского общественного строя давалась приглушенно, исходя из неверного представления, что «Америку нельзя критиковать». Но, конечно, и в 1945–1946 гг. можно было книгу делать иначе. И тут мы подходим к недостаткам этой книги, которые являются в какой-то мере общими недостатками. Надо сказать, что философская дискуссия и критика книги Александрова¹⁸ очень многое помогли понять. Эта дискуссия заставляет всех нас бесконечно строже подходить к советским литературоведческим работам, чем раньше.

Н.Л. [Бродский] прав, что книга в ее настоящем виде носит на себе определенные следы старых, плохих традиций домарксистского, досоветского литературоведения. Этот упрек нельзя отвести, и я от себя, как косвенный участник данной работы, не могу его отвести. Мы не вполне преодолели старые традиции домарксистского литературоведения. Это сказалось даже в самом типе издания, в самом замысле «Истории американской литературы».

Многие справедливые упреки этой книге могут быть отнесены и на счет «Истории английской литературы», и ленинградского издания «Истории французской литературы», в частности. Самые замыслы этих историй западных литератур включают в себя много такого, с чем мы не можем согласиться. В дискуссии по истории философии было много сказано о том, что книги такого типа должны строиться как картина живого процесса классовой борьбы, отраженной в идеях, а не как пересказ отдельных фактов и явлений.

Николай Леонтьевич действительно справедливо сказал (и мне никогда это не приходило в голову с такой отчетливостью, как он это показал), что «История американской литературы» представляет собою собрание отдельных портретов, иногда удачных, иногда менее удачных, но во всяком случае портретов. Но в этой книге нет атмосферы классовой борьбы, в ней слабо отражена динамика литературного процесса.

С другой стороны, в книге много ненужного, фактографических подробностей — излишних, затемняющих главный фон, засоряющих книгу. Но динамики литературного процесса, отражения классовой борьбы — нет. В этом смысле в книге дефектов много. Дефектов подобного порядка еще много и в других книгах, которые находятся в производстве: их надо исправлять на ходу.

¹⁸ Имеется в виду полугодовое обсуждение (= осуждение) «Истории западноевропейской философии» (1946) акад. Г.Ф. Александрова (возглавлял также Агитпроп ЦК ВКП(б)), кульминацией которого стала «дискуссия» 16–25 июня 1947 г. под руководством А.А. Жданова.

(ЯКОВЛЕВ: Именно «на ходу»!)

Говоря «на ходу», я имею в виду не наспех, а в процессе работы.

В чем основной методологический структурный недостаток «Истории американской литературы»?

Во-первых, — и тут я подхожу к одному вопросу, по которому были споры, но они не были доведены до конца — споры были о том, что необходимо дать большое введение, которое ставило бы все основные проблемы, которые будут впоследствии развернуты на конкретном материале. В данной книге необходима была еще характеристика своеобразия американского литературного процесса, как отражение своеобразия американского исторического процесса. Необходимо было бы охарактеризовать противоречия американской литературы, ее сильные и слабые стороны. Нужно было бы определить, что вносит американская литература в ход развития человечества, чего она не смогла внести. Тогда, если бы было такое введение, если бы оно было свободно от ненужных фактографических деталей, от отдельных неправильных формулировок, которые там есть, если бы оно давало направление — тогда был бы более ясен общий замысел книги.

В разговорах с авторами книги приходится слышать и самой приходится убеждаться, что авторы хотели бы сказать о недостатках американской литературы, о границах, которые самой жизнью ставились развитию американской литературы, — многое сказали в последующих главах, во втором томе. Но об этом можно было бы сказать в самом начале, и тогда читатель более трезво воспринимал бы положительные и отрицательные стороны американской литературы этого периода, и творчество Ирвинга, и творчество Купера.

Некоторые авторы, увлекшись пересказом произведений американских писателей, не сказали того правильного и ценного, что можно было бы сказать по адресу американской литературы, сказать полным голосом.

Хочу сказать об одном недостатке, который присущ многим западным литературоведам. (Опять подчеркиваю, что, говоря о недостатках «Истории американской литературы», принимаю часть ответственности на себя как на работника сектора.) Это один из главных недостатков, свойственных литературоведам-западникам, не только авторам этого тома, но многим другим, в том числе и мне самой. Многие из нас пришли в научную работу из журналистики. Начали работать в газете, в журнале, а затем стали пытаться делать вещи более крупные, стабильные. И у некоторых из нас установилось ложное правило — не переносить в научную работу тот дух полемики, страстности, задора, который свойственен нам как работникам текущей печати. Приведу в пример А.И. Старцева — у

него много было статей в «Интернациональной литературе» полемических, направленных против многих наших литературоведов, идеализирующих американскую литературу. У него были статьи, где он возражал против идеализации Джека Лондона, Генри, Киплинга¹⁹. Были статьи в «Литературной газете» о Сомерсете Моэме, о литературных спорах в США²⁰. Мы все знаем, что Старцев умеет резко и сильно писать о реакционных явлениях, вообще о буржуазной литературе. Почему он этого не сделал здесь? Перед нами два разных Старцева — Старцев-журналист и Старцев-литературовед. Нам нужно сочетать академизм в хорошем смысле — с партийностью. Нам надо на практике сочетать партийность с научностью, и это в данной книге не удалось.

Я позволю себе привести один положительный пример, к сожалению, не из практики нашего Института. Вышла книга Данилина о Парижской Коммуне²¹. Она включает в себя много неопубликованных материалов, книга в академическом отношении очень солидная, основанная на многолетнем изучении многих источников, и в то же время мы чувствуем, как автор любит коммунаров и ненавидит версальцев. В книге все время есть оценочный момент, и он способствует научности изложения. Мы, видимо, не всегда умеем так работать, и это сказалось на «Истории американской литературы». Ведь и там можно было вполне сочетать научность изложения с партийностью изложения. Надо этому учиться.

Хочу сказать немного о русской теме. Мне кажется, что будет неосновательно, неправильно, если критика американского тома будет понята в таком духе, что нужно бояться этой темы и нужно рассматривать русскую литературу как нечто изолированное от западных литератур. Проф. Бродский уже сказал, что это не нужно, и я с ним вполне согласна. Совсем не надо избегать писать о том, как откликалась русская литература на те или другие явления Запада; но тут нужно совершенно отбросить то, что несущественно для литературного процесса. Те концовки отдельных глав, о которых говорили, например, случайные сопоставления Торо с Маяковским —

¹⁹ См.: «Грубая ошибка» (Литературная газета. 1947. 24 мая; ср. предисловие А. Старцева в кн.: *Лондон Дж.* Белое безмолвие и другие рассказы. М.; Л., 1946. С. 3–6); «К вопросу об О'Генри» (Интернациональная литература. 1938. № 2–3. С. 351–353).

²⁰ Статьи «На острие клинка» (1946. 6 июля), «Литературные споры в США» (1945. 11 августа).

²¹ Данилин Ю. Поэты Парижской коммуны: Материалы к истории поэзии Парижской коммуны. М.: ГИХЛ, 1947. Т. 1. Юрий Иванович Данилин (1897–1985), проф. Института иностранных языков, в 1950(?)–1964 гг. работал в ИМЛИ.

они ничего не прибавляют к характеристике данного американского писателя. Все эти мелочи могут быть с пользой для изложения отброшены, потому что эти мелочи создают впечатление, что авторы тенденциозно хотят показать влияние американской литературы на русскую. Нужно эту русскую тему вводить тогда, когда она действительно нужна, тогда, когда данный американский писатель, действительно, сыграл и играет роль в творческой жизни русского писателя, когда речь идет о существенных явлениях в литературном процессе.

И, конечно, если об этих существенных явлениях говорить, то надо их объяснить. Нужно сказать, какие социальные причины вызвали то или иное родство, тот или другой отклик со стороны русских писателей на произведения американских писателей, и нужно развернуто доказать, в чем проявилось не только притяжение, но и отталкивание, в чем проявлялась реакция со стороны русских писателей на творчество того или иного американского писателя. Если русский писатель подвергался влиянию со стороны творчества американского писателя, то какое это оказывало влияние на развитие литературы, в чем проявлялось отталкивание русского писателя от своих предшественников? В работе находится глава об Уитмене; там не затрагивается тема — Уитмен и Маяковский²². А по-моему, нужно показать Уитмена, как поэта, который чем-то обогатил мировую поэзию, нужно показать не только то, в чем продолжил его Маяковский, но и то, в чем Маяковский преодолел Уитмена. Нужно показать, и за что Маяковский ценил Уитмена, и за что он критиковал Уитмена (в статье Исбаха в «Новом мире»²³ есть некоторый материал на этот счет). Нужно показать Уитмена в сопоставлении с Маяковским: с этой вершины мировой поэзии будет видна относительность того новаторства, которое внес Уитмен в мировую литературу. И сопоставление с Маяковским даст возможность показать противоречивость новаторства Уитмена, показать, что, с одной стороны, Уитмен вел буржуазную поэзию вперед, с другой — заводил ее в тупик, а Маяковский внес в мировую поэзию то новое, что не только обогатило ее, но и подняло на качественно высшую ступень.

Конечно, все это очень сложно — все эти проблемы влияний, проблемы литературных связей, проблемы сопоставлений, родства одного поэта с другим, ~~связь с нацией, с эпохой и т.д., с идеологи-~~

²² Автором этой главы был А. Старцев. Ср., как тема «Уитмен и Россия/СССР», в том числе «Уитмен и Маяковский», подана в последней главе кн.: Мендельсон М. Уолт Уитмен. М.: ГИХЛ, 1954.

²³ Вероятно, оговорка: имеется в виду не А.А. Исбах, а статья М.О. Мендельсона «Уолт Уитмен» (Новый мир. 1945. № 5–6. С. 183–188).

ей — все это очень сложно, тут много есть спорного, что нужно будет еще подвергнуть обсуждению, чтобы не получить односторонней картины, чтобы и американские писатели были оценены как должно, и чтобы было отмечено то новое, что внесла русская литература в мировую литературу. Нужно включить в книгу: что русские писатели говорили об американских писателях, как они оценивали их.

В заключение я хочу затронуть несколько чисто организационных вопросов. Недостатки этой книги являются несомненно недостатками в нашей методологии, в нашей практике научно-исследовательской работы; помимо этого, они отражают и недостатки в нашей организации работы.

Во-первых, опыт показывает, что неправильно совмещать авторов и редакторов в одном и том же лице. Сколь бы ни были талантливы и одарены авторы, ~~эрудированы~~ нельзя возлагать на них столь большое бремя, когда они без контроля и без всякой помощи со стороны коллектива должны делать столь большое и ответственное дело. Разумеется, тут должна была быть творческая помощь коллектива, должен был быть осуществлен контроль. И эта работа должна осуществляться не одними только западниками, но совместно с русистами.

Должен встать вопрос и о том, чтобы шире привлечь товарищей, не только работающих в нашем Институте. Нужно оставить в стороне академическое высокомерие и шире привлечь посторонних товарищей к рецензированию и к редактированию наших работ: работников кафедр, журналов, Союза Писателей и т.п. Они могут быть полезны, могут внести нечто свежее, оживляющее в нашу работу.

Неудача этой работы, исполнители которой являются ценными и одаренными людьми, требует от нас, как один из основных выводов, расширения базы нашей работы. И мне кажется, будет очень полезным, если присутствующие здесь работники кафедр и всех отрядов литературного фронта, которые в данном аварийном случае охотно пришли к нам, будут вообще чаще к нам приходить и будут принимать более непосредственное участие в нашей повседневной деловой работе. Одной из форм, ценных форм участия этих товарищей в наших делах будет и та содержательная критика, которую мы надеемся сегодня выслушать.

тов. МЕНДЕЛЬСОН: Решающим пороком книги, которую мы сегодня обсуждаем, является, конечно, объективизм, отсутствие правильной партийной оценки американской буржуазной демократии, совершенно недостаточная критика этой демократии. Создается впечатление, что у авторов книги отсутствует вкус к разоблачению буржуазной демократии.

Значит ли это, однако, что в книге вовсе отсутствует критика? Нет, не значит. Имея в виду не только тот факт, что в книге разбросаны отдельные, порой очень яркие, материалы, высказывания, характеризующие буржуазную демократию, характеризующие буржуазный характер американской демократии, мне хочется отметить, что в этой книге имеется ряд глав, которые, несмотря на отдельные, порою несущественные недостатки, которые [им] свойственны, все же отвечают в решающей степени тем справедливым требованиям, которые сегодня мы предъявляем. Я имею в виду, в первую очередь, ту главу о Торо, которая отмечена в статье Лейтеса. Я не согласен с тов. Яковлевым: эта глава очень хорошо выдержана, в правильном духе, и можно только пожалеть, что эта глава в отношении ее построения, ее методологии не послужила образцом для ряда других глав.

Нужно сказать, что вообще весь раздел²⁴ и, в частности, глава об Эмерсоне, представляет большой интерес и содержит не только материал, но и в значительной мере правильно построен в плане разоблачения буржуазной демократии, буржуазных сторон американской литературы, разоблачения того идеологического поветрия, которое там очень сильно.

Однако, основные обвинения, касающиеся недооценки отрицательной роли американской демократии, — они справедливы, и мне хочется проиллюстрировать справедливость этих обвинений на ряде положений.

Я не буду повторять то, что говорилось в статье Лейтеса, но должен отметить тот факт, что в этой книге, касающейся раннего периода истории Америки, особенно первой половины XIX века, не дается подлинной оценки американской демократии на основе высказываний Пушкина. Я думаю, что, пожалуй, в мировой литературе нет более яркого примера оценки американской буржуазной демократии, относящейся к этому периоду, чем эта оценка. Недопустимость, поразительность этого факта особенно явствует из того, что авторам не только была знакома оценка, данная Пушкиным Дж. Теннеру, но и авторы книги на нее ссылались²⁵, и ссылались на второстепенные явления, незначительные, а основного они не дали.

И хочу сослаться еще на один сравнительно менее значительный, но показательный пример. Это следующий пример: несомненно, авторам известно, что Диккенс был в Америке в середине века, известно, что он дал резко отрицательную оценку американ-

²⁴ Раздел «Трансценденталисты», написанный А. Старцевым: введение и главы «Эмерсон», «Торо».

²⁵ Статья Пушкина «Джон Теннер» (1836); упом. в ИАЛ на с. 127.

ской демократии²⁶. В этой книге имеются десятки ссылок на Диккенса, ссылки эти носят второстепенный и третьестепенный характер. Но о диккенсовской отрицательной оценке буржуазной американской демократии в книге нет ни слова.

Мне хотелось бы в дополнение к тому, что я считаю правильным в статье т. Лейтеса, в дополнение к тому, что говорили здесь, коснуться еще одного чрезвычайно важного вопроса, который не поднят в книге, и это является существенным ее недостатком, подтверждающим те общие положения, о которых говорили здесь. Для историка американской литературы чрезвычайно важен вопрос о судьбах литературы и искусства в Америке, об условиях развития литературы в этой буржуазной стране. Именно в Америке с исключительной остротой, с исключительной яркостью и наглядностью можно получить подтверждение слов Маркса о том, что «капиталистическое производство враждебно некоторым отраслям духовного производства, каковыми являются искусства»²⁷. Я думаю, что каждый из нас, из людей, даже не занимающихся специально американской литературой, может мгновенно вспомнить много примеров, говорящих о том, каково положение литературы и искусства в этой буржуазной стране. Тут прежде всего вспоминаются примеры из современности. Мы помним книги Эптона Синклера, в которых отражается этот вопрос, мы помним знаменитый роман Драйзера, роман Джека Лондона, написанные на эту тему²⁸.

Но в данной книге речь идет о литературе первой половины XIX века. Относится ли это положение к тем условиям развития литературы? Безусловно относится, и с большой силой. Причем мне хочется подчеркнуть, что авторам книги не нужно было производить специальных исследований, хотя такая важная тема, имеющая прямое отношение к задачам этого тома, заслуживала такого исследования, и оно здесь было бы вполне уместно. Но авторы тома могли бы хотя бы не игнорировать высказываний самих американских писателей первой половины XIX века, т.е. речь идет о том, что входило в предмет изучения авторов первого тома, — они не должны были игнорировать высказываний самих американцев. А они, авторы, систематически эти высказывания игнорировали.

²⁶ Ч. Диккенс посетил США и Канаду в 1842 г. по приглашению В. Ирвинга; в конце года издал травелог «Американские заметки».

²⁷ Из работы «Теории прибавочной стоимости» (IV т. «Капитала»; Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. М., 1962. Т. 26-1. С. 280); эта цитата приводится в «Литературной энциклопедии» (М., 1935. Т. 9. Стб. 212).

²⁸ Имеются в виду книга очерков «Искусство мамоны» (1925) и роман «Дневник Артура Стирлинга» (1903) Э. Синклера; «Гений» (1915) Т. Драйзера; «Мартин Иден» (1909) Дж. Лондона.

В книге имеется специальная глава, посвященная Френо [с. 88–91]. Эта фигура — пионера американского освободительного движения — очень определена. Она очень определенно охарактеризована со своей революционной стороны. Так что с этой точки зрения мы имеем право пользоваться его оценкой. Я беру главу о Френо, и ни одного слова о том, как этот поэт, воспевавший буржуазную американскую революцию, как только (а это произошло очень быстро) американская буржуазия перешла к мирной жизни, как только она позабыла о всех революционных делах и лозунгах недавнего прошлого, он (Френо) поставил вопрос о том, какова будет судьба американской литературы в этих условиях. Об этом у нас говорилось, печаталось, но разрешите мне привести слова Френо, где он говорит: «Америка это страна, где правит жестокий разум, где нет места настоящей игре воображения, и потому муза, брошенная судьбой в безрадостную Америку, не знает, что ей там делать»²⁹.

Высказывание это не случайное, это часть системы Френо, по этому поводу мы ни одного слова в книге не находим. Имеется очень интересный американский критик Маргарита Фуллер — ни одного слова о существе ее литературных воззрений мы не находим [с. 206–208]. Между тем она принадлежала к тем критикам — а их было немало, — которые очень жестко судили об американской буржуазной демократии с точки зрения создания условия для развития американской литературы. Маргарита Фуллер писала: (*цитата*). Слова Маргариты Фуллер повторялись на протяжении всей истории американской литературы, об этом говорили Драйзер, Уитмен: тот факт, что Америка печатает много книг, не значит, что она имеет высокую литературу³⁰.

О скептических суждениях и резкой отрицательной характеристике американской демократии с точки зрения эстетической критики американца, о том, что капитализм является одним из наиболее сильных мотивов американской литературы в течение первой половины XIX века — об этом в книге ничего нет. Более того, в конкретных очерках об отдельных произведениях эта сторона игнорируется. Например, говорится о крупном американском просветителе Пейне [с. 76–82], но не отмечена судьба его литературного наследия, между тем известно, что его и его наследие продолжает травить американская буржуазная критика.

²⁹ Из стихотворения «К поэту» (1788).

³⁰ Вероятно, М. Мендельсон апеллирует к статье Маргарет Фуллер «Американская литература. Ее состояние и перспективы на будущее» (1846); далее он имеет в виду статьи У. Уитмена «Американская национальная литература. Существует ли она и сожжет ли вообще существовать?» (1891) и Т. Драйзера «Жизнь, искусство и Америка» (1917).

Так же нужно было обязательно коснуться вопроса о Мелвиле. Глава представляет в этом отношении удивительную картину. Я считаю вообще, что глава о позднем романтизме — это самое скверное, что есть в книге, и в этом отношении глава о Мелвиле достаточно плоха. В главе о Мелвиле всячески замазывается вопрос о судьбе Мелвиля, как писателя, тогда как если взять книжку любого американского писателя, можно найти ссылку на то, что его травили, что он незаслуженно позабыт в течение долгого срока.

Вот, например, такое свидетельство. Тут нужно вспомнить то, что говорил Николай Леонтьевич насчет биографических корней. Биография здесь получилась очень плохая.

«В 1866 году Мелвилль определился на службу в нью-йоркскую таможенную. Здесь он прослужил двадцать лет, не оставляя вместе с тем литературной деятельности и занимаясь философией» [с. 292]. Надо было сказать, что по существу Мелвилль прекратил свою литературную деятельность и не занимался ею до конца своей жизни. Он был мертв еще при жизни в течение 30 лет. И только в двадцатых годах XX века он вернулся к жизни³¹.

В главе о Торо очень уместно сказано о судьбе литературного наследства. Почему этого нельзя было сказать и о Пейне, Мелвиле и ряде других писателей?

Все это неслучайно. Тут по какой-то причине, которую трудно понять, эта проблема не была показана — суть буржуазной демократии в применении к литературе. Эта тема изъята, как бы сомнительная, а это должно было бы быть темой авторов первого тома.

Разрешите сослаться еще на следующий факт: в предисловии к книге на стр. 14-й сделана попытка объяснить причины того, что духовное производство отодвигается на второй план. И здесь авторы как бы сознательно полемизируют с тезисом Маркса. Если Маркс говорит о том, что капиталистическое производство враждебно некоторым отраслям духовного производства, то во введении на стр. 14-й говорится следующее: «Задачи материального производства, связанные с освоением материка, поглощали львиную долю внимания нации и в течение продолжительного времени отодвигали “духовное производство” на второй план. Отставание от духовных центров европейской культуры остается серьезным недостатком американской жизни на протяжении большей части XIX в.». Следовательно, здесь речь идет не только о XVIII веке, следова-

³¹ М. Мендельсон незадолго до этого выступил со статьей о Г. Мелвилле: «От “Тайпи” до Бикини» (Лит. газета. 1946. 27 июля), где писал о неприятии Мелвиля буржуазным обществом («Меня прокляли доллары», — по признанию писателя) и его позднейшем забвении.

тельно, единственное объяснение отставания духовного производства связано с освоением материка. Мне кажется, что это грубая ошибка!

Я хотел бы сослаться еще на другой факт. Автор приводит свидетельство, и при том свидетельство американца второстепенного, о том, что американская литература замечательна. Брэкенридж заявляет: «Мы рассчитываем представить еще более убедительные доказательства того, что мы способны создать и в отрыве от Англии собственную изящную литературу. Свобода есть начало столь благородное, что воодушевляемая ею сила человеческого гения проявит себя, даже во время войны, во всех областях художественной деятельности» [с. 102]. Мы не возражаем против этих слов, которые нуждаются в определенной оценке. Но почему ни слова не сказано о том, что нет в Америке достаточных условий для создания этой собственной высокой изящной литературы. Это является очень ярким и наглядным примером коренного недостатка тома, о котором говорилось.

Остановлюсь еще на одной проблеме, которая заслуживает внимания. Медленное развитие американской литературы в огромной степени связано с буржуазным характером развития Америки, с тем, что буржуазная Америка быстро отошла от идей, которые были связаны с национально-освободительной войной. С другой стороны, нужно отметить факт, что логика искусства такова — создавалось много произведений в Америке, а в памяти людей остались лишь те, в первую очередь, произведения, которые сильны своим антибуржуазным характером. Я попытаюсь это проиллюстрировать и показать, что это так.

Возьмем творчество Купера. В этой главе, в которой имеется много интересного, имеется также очень серьезный недостаток, заключающийся в том, что почти одинаково, почти одним и тем же тоном говорится о произведениях Купера, принадлежащих к серии «Кожаного Чулка», которые остались крепко в истории американской литературы, оценка которых дана Горьким, и о других произведениях Купера, имеющих несравненно меньшее значение. В результате этой нивелировки получается, в виду того, что авторы главы анализируют столь же детально как произведения, оставшиеся жить, так и произведения, которые в значительной степени умерли или представляют меньшую ценность, эта особенность американской литературы, именно, что остались антибуржуазные произведения — это не подчеркивается. И авторы делают вывод, чрезвычайно неправильный, что американская литература вступает в мировую культуру в сознании своей национальной самобытности, причем это связывается с идеями таких ранних произведений,

как «История Нью-Йорка», «Танатопсис», «Шпион» Купера³² и т.д. Это оценка неправильная. Здесь дана слишком положительная характеристика американской литературы, которая смазывает проблемы классовой борьбы в Америке, тот факт, что наиболее ценные произведения этой ранней американской литературы были антибуржуазные. Правы американские критики этого периода, которые отказывали своей литературе того периода в подлинной национальной самобытности.

То же самое в значительной степени относится и к Ирвингу. Примером может явиться [абзац], в котором передана история возникновения такого романа Ирвинга, как «Астория». Это связано с проблемой оценки раннего и позднего американского романтизма. Но здесь взят неправильный акцент. Я остановлюсь на одном вопросе, на вопросе в отношении «Астории». Справедливо говорит тов. Елистратова, что это произведение является произведением буржуазным по духу, в котором Ирвинг хотел выразить свое согласие на то, чтобы принять буржуазную действительность³³, но ни одного слова не говорится о том, почему этот роман является мертворожденным произведением, не живет. А живет маленький, написанный за много десятков лет до этого рассказ Ирвинга «Рип Ван Винкль». Мне кажется, что это объясняется тем, что Ирвинг здесь стоял на ложной идеологической позиции и не мог создать произведения, в котором эта буржуазная действительность была бы отражена. Это отсутствие дифференциации, эта академическая нивелировка, это равнодушие к этой проблеме является иллюстрацией к тому тезису, о котором здесь уже говорилось.

Мне хотелось бы остановиться очень кратко на той главе, которую я считаю самой плохой, возмутительной главой, это глава об Эдгаре По. Это глава возмутительная и представляет уникумом на фоне нашего советского литературоведения. Дело не в том, что Сильман пересказывает произведения По, а дело в той «философии», которая по этому поводу разводится, глубокомысленной философии по поводу детективной новеллы. Оказывается, здесь скрываются все серьезные противоречия творчества По. Мне кажется, что это совершенно поразительно. Разрешите процитировать это место:

«Таким образом в жанре детективной новеллы, создателем которой справедливо считается Эдгар По, мучительное противоречие его творчества находит свое решение.... (*читает*) ...[Здесь совершилось, так сказать низведение романтики с ее высокого пьедеста-

³² Имеется в виду пассаж из «Введения» А. Елистратовой к разделу «Литература раннего романтизма» [с. 111].

³³ Из оценок А. Елистратовой [ср. с. 112, 126–127 и др.] трудно сделать подобное заключение.

ла. Необъяснимое оказалось объяснимым, необъятное — частным, отдельным, загадочное вообще — вполне определенной, конкретной загадкой, вернее даже — задачей,] поставленной перед анализирующим разумом» [с. 252].

Здесь нет ни тени иронии. Здесь есть определенно и четко выраженное восхищение перед По, восхищение перед этим жанром. Причем надо сказать, что ни одно произведение Купера, а речь идет о крупном писателе, не рассматривается так подробно, как рассматриваются совершенно второстепенные и третьестепенные рассказы и новеллы Э. По. Посмотрите, как подробно, как проникновенно здесь приводится пример об игре в вист для того, чтобы проиллюстрировать формалистическую теорию По!

Правда, здесь можно встретить целый ряд абзацев, в которых читатель, и не слишком проникательный, увидит руку другого автора, руку редактора. Вероятно, т. Старцев и т. Аникст не имеют никакого отношения к «дамскому» рукоделию Сильман, но это не исключает того, что эта работа является порочной. Она является воинствующе порочной!

В отношении Готорна, а также других глав о романтиках — все они могут служить примером необычайной пустоты. Здесь, действительно, в основном дается пересказ, и только! Ни малейшей попытки показать смысл произведения, главного произведения Готорна «Алая буква», нет! И то, о чем говорил здесь Николай Леонтьевич, это противоречивый образ главной героини — это очень характерно. Эта эклектика, эта путаница характерны для этой главы. В ней нет мысли. В ней имеется только любование непонятым произведением, действительно очень сложного, интересного и заслуживающего анализа писателя.

Очень грубая и серьезная ошибка отмечена в статье т. Лейтеса в отношении внутренней классовой борьбы в Америке. Это не нашло себе отражения здесь. Разрешите привести еще один пример, свидетельствующий об отсутствии правильной точки зрения на это дело. Проблема классовой борьбы не носит четко выраженного характера. Например, во введении на стр. 15 говорится: «Характерным противоречием развития американской культуры в XIX веке был продолжительный конфликт...» (*цитата*). Обращаю внимание на то, что здесь подчеркивается колониальный характер этой цивилизации на Востоке и не подчеркивается характер капиталистический — то, что Запад — это капитализм. В XIX веке Америка знает, например, такое явление, как популистское движение, когда фермеры Запада противопоставлялись капиталистическому Востоку.

Приведу еще иллюстрацию того, о чем говорил проф. Бродский — о пресловутом влиянии американской литературы на рус-

скую. Здесь справедливо говорилось, что имеются попытки хотя бы намекнуть на зависимость величайших русских писателей от американских писателей, в значительной части даже не первоклассных. Мне хотелось бы отметить одно обстоятельство, что это сравнение несколько неправомерно, несколько ложно, здесь можно возмущаться не только самим фактом таких попыток определить подобное влияние, но можно возмущаться тем конкретным материалом, который приводится. Хочу сослаться на слова о том, что «История Нью-Йорка» Ирвинга отдаленно предвосхищает тот жанр, к которому в русской литературе принадлежали «История села Горюхина» Пушкина и «История одного города» Салтыкова-Щедрина. Что является особенностью «Истории Нью-Йорка» Ирвинга? Основной особенностью является то, что это в основном, в решающем, история прошлого, которое уже ушло. Сами авторы подчеркивают, что пафос произведения является выраженным в образе героя Никербокера. Здесь Ирвинг смеется над тем, что ушло, что становится ему даже милым, но это сравнивается с гениальным произведением Салтыкова-Щедрина, которое не является историей прошлого, ушедшего, а, напротив, историей сегодняшнего дня. Это еще раз подчеркивает всю неуместность подобных сравнений.

Мне также хочется отметить то, что говорилось в статье т. Лейтеса, — это необычайную разноплановость. Я еще раз хочу сказать, что в этой работе есть интересные места, хорошие места, и есть места слабые. И тот факт, что в эту книгу вошли главы, которые полемизируют всем своим духом с оценкой, данной Эмерсону т. Старцевым, которая представляет большой интерес, этот факт трудно понять, потому что редактором этого отдела книги является тот же т. Старцев³⁴.

Вывод, к которому приходили выступавшие раньше товарищи, вывод о том, что нужна марксистско-ленинская история американской литературы, совершенно правилен, а данная книга не является таковой, она не стоит на правильных марксистско-ленинских позициях. Этот вывод совершенно бесспорен. Книга содержит ряд грубых ошибок в методологии, грубых политических ошибок, но все же надо признать, что в целом, хотя в книге есть ряд положительных глав, в целом она вызвать к себе положительное отношение не может.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет т. Цейтлин.

тов. ЦЕЙТЛИН: Тамара Лазаревна [Мотылева] отметила очень существенное обстоятельство, которое в значительной мере объясняет стиль этой книги и ту идейную чересполосицу, которая в ней

³⁴ Затрудняемся восстановить смысл замечания М. Мендельсона.

ясно чувствуется. Это то, что Тамара Лазаревна называет «временным фактором». Книга писалась в те годы, когда нашим временным союзником были США. Этот союз неизбежно должен был быть временным, и отнюдь не предполагалось, что книга эта в дальнейшем не может быть переработана.

Конечно, к числу больших организационных и политических ошибок Института относится то, что эта книга не была переделана в период времени между окончанием войны и октябрем 1946 года. Война окончилась, и все эти формулировки должны были приобрести очень ясный и точный смысл.

Я вполне согласен, что при Рузвельте, который единственно боролся с изоляционизмом, вел американскую демократию на борьбу с общим врагом, может быть, нельзя было цитировать во весь голос эти замечательные пушкинские слова о том, что в Америке он видит демократию в ее отвратительном цинизме. Может быть, в то время такая цитата была бы политической ошибкой, но с того времени как война уже закончилась, как самого Рузвельта уже не стало, как американская политика резко изменилась, эта цитата должна была быть восстановлена, и вся книга должна была изменить свое направление. Повторяю, это грубая политическая ошибка, за которую мы все несем ответственность, весь коллектив, а не только те, кто писали и редактировали эту книгу.

Присоединяясь к ряду замечаний моих предшественников, я хотел бы сказать еще о двух вещах, которые мне представляются весьма существенными. В ряде случаев я хотел бы несколько развить то, о чем говорили Николай Леонтьевич Бродский и Тамара Лазаревна Мотылева.

Первое — это самая историчность, или, вернее, анти-историчность книги. Конечно, название «История американской литературы» для этой книги чересчур ответственно. Такой нагрузки книга не выдерживает. Она представляет собой исследовательскую серию очерков, объединенных несколькими общими введениями, переходами, но истории в собственном смысле слова она не дает. Эта книга представляет собой в каждой отдельной главе анализ творческого пути писателя и анализ его творческой манеры. Но почти ни в одной главе не ставится вопрос о том, какую роль играл данный писатель в литературной борьбе своего времени. Между тем, это вопрос капитальнейший, без которого показ предмета историко-литературного исследования невозможен.

Мы совершенно не имеем цитации из критики, мы совершенно не знаем, как те или иные группы читателей оценивали данное литературное явление. В книге очень мало говорится о позициях тех или иных журналов, тех или иных журнальных рецензентов, нако-

нец, очень мало говорится о воздействиях данного писателя на писателей Соединенных Штатов. Вообще, литературная жизнь Америки на протяжении периода, охватываемого книгой, совершенно не охарактеризована, а между тем эта литературная жизнь является своеобразной формой отражения классовой борьбы. Писатели идут в одном кильватере: один демократичен, другой антидемократичен, но нигде не говорится о полемике писателей между собой, а такие случаи были в американской литературе, как и во всякой другой. В результате процесса мы не находим.

К этому следует добавить, что самые конкретные главы часто возникают без соответствующей подготовки во введении, без характеристики литературных сил.

Например, глава о По. Но прежде чем говорить о По как о романтике зрелого периода, нужно было сосредоточить внимание на всех признаках романтизма, на его сложности, на борьбе в нем внутренних сил, тогда и самая позиция По прояснилась бы в какой-то мере.

Итак, мне кажется, что историзма и историко-литературного изучения американской литературы мы здесь все-таки не имеем, во всяком случае, имеем в значительно меньшей мере, чем можно требовать от такой книги.

Второй пункт касается меня гораздо больше, чем первый, — о руссике, и здесь я должен сказать о своих собственных ошибках, которые я сегодня ощущаю необычайно тяжело. Я на раннем этапе обсуждения был одним из рецензентов, и моей безусловной тяжелой ошибкой является то, что я почти одобрил все те довольно гуттаперчевые формулировки, неверные, оппортунистические подчас о влиянии американских писателей на русских — эти формулировки сегодня фигурировали перед нами³⁵. Конечно, это не вопрос о руссике тома. Русские связи должны быть показаны обязательно, но очевидно, их надо показать в ином плане.

В очень хорошей главе о Купере автор говорит о восприятии Купера Белинским и Лермонтовым — это именно тот разрез, широкого идеологического плана, в котором эта тема должна тракто-

³⁵ На утверждении тома Ученым советом ИМЛИ 13 февраля 1945 г. А.Г. Цейтлин отсутствовал, но ранее высказал свои пожелания. Ср. в выступлении на Ученом совете А. Старцева: «Жаль, что нет т. Цейтлина, который считал, что в интересах единообразия изложения нужно было бы отказаться от замечаний по отдельным пунктам и дать полную библиографическую сводку. Он считает, что эти отдельные факты не всегда позволяют делать те обобщения, которые хотелось бы автору сделать» (АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 133). Развернуто А.Г. Цейтлин выступил на заседании сектора западной литературы ИМЛИ 23 февраля 1945 г.

ваться. Это не аналогия типа ирвинговской «Альгамбры», а определенное отношение к Куперу в русской литературе 1830–1840-х годов. Правда, не все здесь сказано до конца, и мне кажется, что нужно было пойти еще дальше, говорить о том, почему Купера так воспринимали Лермонтов и Белинский. Здесь дело было не только в торийском аристократизме Вальтера Скотта, которого не было у Купера, а дело в том, что это субъективное начало куперовское Белинским на определенной стадии его идеологического развития ценилось в гораздо большей степени, чем аристократическое бесстрашие и объективизм Вальтера Скотта. Нужно было все эти элементы оттенить.

Но я вполне понимаю трудность положения, в котором очутились авторы и редакторы, потому что они здесь сталкиваются с темой из истории русской литературы. Но я думаю, однако, что тут не только тема русской литературы. Конечно, в ней мы должны говорить о восприятии Купера Лермонтовым и Белинским, но это одновременно и тема американской литературы. И этот пространственный детальный анализ ситуации, в которую Купер попал в русской обстановке, не вызвал бы такой реакции, такой анализ является совершенно обязательным и должен быть сделан историком американской литературы, французской, английской и всякой иной.

Мне кажется, что в главе о Бичер-Стоу, где говорится о воздействии Бичер-Стоу на русского читателя, можно было бы дать гораздо более широкий материал. Бичер-Стоу попала в русскую литературу в 1860-е годы в обстановке напряженной идеологической войны с крепостничеством, когда даже такой бесстрашный писатель, как Гончаров, в «Обрыве» говорит о плантаторах. Это американский аллюзионизм — «плантаторы» вместо «крепостники». Даже у такого умеренного писателя, как Гончаров, затрагивается эта тема о плантаторах, об аболиционистах и т.д. Обстановка русской жизни того времени дает массу самых разнообразных откликов, и положительных, и отрицательных, об аболиционизме вообще и о Бичер-Стоу в частности, так что здесь можно было сказать об этом гораздо более широко, не путем беглого показа, указав пальцем, но проанализировать всю эту реакцию.

На предварительном обсуждении я уже указывал, что мною был высказан целый ряд глубоко неправильных мнений, которые способствовали, как я теперь вижу, в значительной мере многим ошибкам тома, за которые я несу ответственность. Но наряду с этим я высказывал тогда одно очень существенное соображение, на котором я теперь буду настаивать; во всяком случае, я хочу сказать об этом два слова. Мне кажется, что помимо всех тех аналогий, которые имеются по первому тому, для второго тома, если он будет

готовиться к печати, нужна будет глава «Американская литература в оценке русских писателей», где тема американской литературы взята была бы не в связи с тем или иным писателем, не в каких-то частных связях, а в общих принципиальных вопросах об отношении русских писателей к американской теме, об определении ими американского национального характера, о двух нациях в пределах одной нации. Приближение к такой точке зрения разграничения двух Америк мы имеем у русских писателей на протяжении многих десятков лет. Очень важно было бы поставить этот вопрос принципиально и методологически в одной из последних глав книги, заключающих собой издание.

Далее, мне хотелось бы отметить, что историко-литературная ценность этого первого тома значительно снижается тем, что авторы совершенно не дают историографии — предмета, обязательного для истории литературы. Правда, историография может быть не очень широкой, но, тем не менее, она облегчила бы положение авторов. Совершенно нет библиографии, и при отсутствии у нас вообще библиографических справочников по зарубежной литературе, это особенно досадно. Необходимо было бы дать библиографию и специальные библиографические пособия, снабженные многочисленными критическими аннотациями³⁶.

Я думаю, что сегодняшнее наше обсуждение чрезвычайно поучительно не только для тех, кто писал и будет писать историю американской литературы, но и для тех, кто работает в области русской литературы, как я. Факты, приведенные в ряде выступлений, явно свидетельствуют, что это порочное явление объективизма пустило слишком большие корни и нам, работникам идеологического фронта, следует вместе с авторами «Истории американской литературы», учиться на своих ошибках, чтобы не прибавлять к ним новых ошибок. Время от нас требует в этом отношении максимальной бдительности.

Еще раз подчеркиваю, что воспринимаю все, что произошло с американским томом, в какой-то мере как собственную вину.

тов. ГАЛЬПЕРИНА: Разговоры, которые возникли в связи с этим томом «Истории американской литературы», представляют для нас острый политический интерес и имеют большое методологическое значение. Вопрос, который возник здесь, должен быть освещен более широко, он мог возникнуть и при обсуждении пер-

³⁶ Именно так Цейтлин поступил в своем вузовском учебнике «Русская литература первой половины XIX века» (М., 1940), где кроме библиографии после каждой главы есть раздел «Общие пособия к курсу», снабженный аннотациями перечисляемых источников.

вого тома истории английской литературы, французской литературы и т.д. Американский том попал в очень острую политическую обстановку, когда вопрос об освещении американской идеологии имеет весьма острое политическое значение. Я не специалист-американист и не могу сказать что-либо ценное, но мне хочется перевести разговор в другую плоскость, плоскость общеметодологическую.

Я не могу в рамках регламента говорить о философской дискуссии, как это было бы нужно. А говорить об этом было бы очень целесообразно, и было бы очень целесообразно организовать обсуждение у нас итогов философской дискуссии в плоскости литературоведения, пригласив другие историко-литературные организации.

Но все же я хочу поставить целый ряд вопросов о коренной критике целого ряда методологических особенностей, которые выявились у нас за последние годы. Прежде всего, проблема объективизма. Мы возражаем против буржуазной истории литературы и противопоставляем нашу марксистско-ленинскую оценку отдельных писателей, направлений, эпох. Но я бы сказала, что мы за все время не сумели преодолеть самого типа историков литературы — пассивистского типа, основанного на идее пассивизма в отношении материала — об этом прекрасно говорил т. Жданов в отношении философии, т.е. историка, для которого важно не просто привести материал и в лучшем случае дать объяснение его, такие объяснения могли быть и до революции, но надо довести до момента классовой борьбы, т.е. вывести из рамок истории культуры³⁷. Каждый из нас знает, что за последнее время были ошибки неправильного толкования истории культуры, выведения литературы из общественных условий. Это есть и в томе «Истории американской литературы» и в других, это есть и в больших курсах, читаемых в университете, в больших историях литературы. Поэтому, говоря об ошибках т. Старцева и т. Елистратовой, нужно говорить о каких-то более широких и более тягостных для нас вещах.

Тов. Жданов на философской дискуссии очень ясно сказал, что мы строители новой культуры, своей собственной культуры, мы создатели социалистической культуры, и в применении к нашему материалу — литературе — мы должны дать эстетику социалистического реализма.

³⁷ Вероятно, имеется в виду замечание А.А. Жданова, что Г.Ф. Александров «сплошь и рядом» отрывает «при изложении различных философских систем это изложение от конкретной исторической обстановки и социально-классовых корней той или иной философии» и т.д. (Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». 24 июня 1947 г. [М.:] Госполитиздат, 1952. С. 22).

Это не только по тому отделу, где работает т. Бялик³⁸, или где пишут историю американской или английской литературы. У нас было совершенно ненормальное положение — есть какие-то специалисты, которые строят социалистическую эстетику, а есть другие специалисты, которые занимаются другим делом, абсолютно с этим не связанным. Причем это же касается и аспирантов и студентов и работы зрелых исследователей и читателей литературы, этот пассаизм, это вживание в наследство, это подчинение наследству, это отсутствие собственного социалистического мерила наследства — это идет широким фронтом по целому ряду учреждений и типов людей.

Сейчас должен быть принципиально поставлен вопрос, что наследство, от читателя до историка литературы, должно восприниматься с подчеркиванием нашего советского, самостоятельного, независимого отношения, угла зрения, причем в работах Института это должно очень резко делаться, но не делается.

Тов. Жданов резко подчеркнул, что явления идеологии в прошлом имеют свою жизнь потом. Есть жизнь идей: одни идеи звучат разное в разные эпохи. Из этого следует, что в томах иностранной литературы нужно иметь проекцию вперед, чтобы все время ощущалось, как играют потом эти идеи.

А что получилось? Мы прошли через годы, когда резко боролись против немецкой мракобесной идеологии, в это время том об американской литературе лежал под спудом. Почему же? Да потому, что этот том был не нужен. Конечно, в такой пассаистской форме он вряд ли нужен, но в настоящей марксистской форме он мог бы служить ударом по немецкой идеологии.

Очевидно, что есть какие-то два типа истории литературы, один из которых обанкротился.

Я не во всем согласна с замечаниями тов. Лейтеса, но постановка вопроса серьезная и мимо пройти нельзя, потому что учет того, как играют реакционные силы немецкой идеологии, как живут потом, как используются сейчас — должен быть много острее.

Я не говорю о первом томе «Истории английской литературы», там много пассаизма, а в «Истории французской литературы» конгломерат идей, а не законченная концепция. Тот и другой том представляют собой историю литературы, построенную по типу своему по буржуазному образцу. Разве это есть обоснование социалистической эстетики с помощью литературного наследства! Конечно, нет. Мы, историки западной литературы, очевидно, могли бы силь-

³⁸ Борис Аронович Бялик (1911–1988) работал в секторе по изучению творчества А.М. Горького; в 1947 г. вышел том его избранных работ «О Горьком. Статьи».

но служить разработке социалистической эстетики, и здесь этого разрыва я не понимаю и не принимаю. Я совершенно открыто говорю, что не согласна со всей манерой ведения западного отдела, что в Институте есть, с одной стороны, Бялик, с другой стороны — Старцев — это неверно. Это не наша постановка вопроса. В Институте имеется западная кафедра и советская кафедра, и ничего общего между ними. Этот разрыв глубочайшим образом принципиально неправилен, и он идет по всем линиям.

Я хочу сказать, что т. Мотылева, с целым рядом взглядов которой я не согласна, — я не принадлежу к тем, кто положительно оценивает все, что она пишет, — все же я считаю, что в западном отделе это единственный человек, который удовлетворяет этим требованиям, т.е. человек, понявший, что свои историко-литературные знания она применяет для того, чтобы извлечь все из них, что нужно для разработки социалистической эстетики, и те, кто этого не делает, в идеологическом смысле терпят крушение.

Я хочу хотя бы в двух словах остановиться на моментах, связанных с философской дискуссией, на моментах, связанных с методологией. Это пресловутая проблема объективизма и того, как это на практике проявляется. На философской дискуссии упрекали философов в том, что историю философии подавали как поступательное движение человеческой мысли. А что касается истории литературы, то тем более там была эта идея прогрессивного поступательного движения человечества вперед, движение вперед мировой культуры, в которую каждая эпоха вносит свою лепту. А моменты классовой борьбы, моменты регресса, моменты жесточайших столкновений, если не совсем игнорировались, то стушевывались. В этом нет сомнения. То, что у философов произошло с Платоном — я не могу об этом говорить подробно, — произошло у нас в другой ситуации. Это было преимущественно апологетическое отношение к гениям прошлого, недостаточное раскрытие исторических противоречий, исторической ограниченности, что надо было бы отметить.

И второй момент. Один из философов на дискуссии философской очень остроумно говорил, что история давалась как фон. Это прямо не в бровь, а в глаз, потому что у нас история всюду дается как фон. Это т. Рубинштейн³⁹ — это положение об историческом фоне совершенно верно. Таким образом, история и критика историческая в виде внешнего привеска по отношению к целому. Я не хочу сказать, что все статьи т. Старцева этого не дают, но я думаю,

³⁹ Чл.-корр. АН СССР Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960), в 1940-е — директор Института психологии, зав. сектором психологии в Институте философии.

что в наших работах этот момент был чрезвычайно силен, и сейчас очень резко стоит задача с этим покончить.

В связи с этим и о публицистике. У нас сложилось странное отношение к публицистике — публицистика в представлении многих ученых академиков это что-то такое, что граничит с невежеством. Я имела удовольствие слышать это от одного очень крупного нашего ученого, когда человек, желая сказать о другом, что он невежа, применяет слово «публицист». Такая постановка вопроса здесь обанкротилась.

(БРОДСКИЙ: Это какой-то ихтиозавр!)

Нет, это руководитель нашего научного учреждения⁴⁰.

Я считаю, что [если] история литературы [не] станет публицистической, она умрет, ее никто не станет читать, она является подготовительной к работе по истории американской литературы.

Я хочу сказать, что все это породило обратные загибы, которые можно было бы обозначить, как левацкие загибы. В прениях по докладу проф. Галкина академик Минц правильно поставил вопрос — здесь происходит поворот к актуализации⁴¹. Всем студентам, аспирантам даются темы о XX веке, о новейшей литературе, считая, что это механический выход из положения. Но это совершенно неверно. Тов. Минц правильно говорил, что можно написать работу о Римской Империи, которая послужит блестящим обоснованием нашего времени. Неужели, если аспиранты будут писать работу о Голсуорси, а не о Шекспире, мы что-либо выиграем? Абсолютно ничего. Я это говорю потому, что практически этот вопрос встал очень остро.

Последнее замечание. К сожалению, среди молодежи и части взрослых историков мировой литературы есть моменты паники и деморализации. Например, некоторые просто говорят, что мы не нужны советскому обществу, что западное отделение нужно прикрыть, что не нужно аспирантуры по мировой литературе, что нужны только русская литература, советская литература и социалистическая эстетика.

Это свидетельствует о том, что пассивистическая история литературы, действительно, не нужна и, очевидно, нужно ее заменять совершенно другой. Повторяю еще раз. Вопрос решается очень трудно, потому что изменить самый тип исследователя можно не какими-то внешними речами, а тем, что человек сам поймет, что это необходимо.

⁴⁰ Акад. Владимир Федорович Шишмарев (1875–1957), покинувший пост директора ИМЛИ в 1947 г.

⁴¹ Имеется в виду собрание в МГУ (см. примеч. 2); акад. Исаак Израилевич Минц (1896–1991), зав. кафедрой истории СССР МГУ (уволен как «космополит» в 1949 г.).

При всем уважении к эрудиции А.А. [Елистратовой], талантам и способностям ее, мне кажется, что здесь этого не было проявлено. Не было проявлено способности понять, что мировая культура есть наследство, повернутое к нашей литературе и нашей эстетике. В данном случае, как мне кажется, должен быть сделан очень решительный внутренний перелом.

тов. УСПЕНСКИЙ: Мне кажется, что нам не мешает поставить вопрос об «Истории американской литературы» не столько в плоскости методологии, сколько в плоскости идейно-политической, и ответить самим себе на вопрос, поставленный в «Культуре и жизнь»: какова же эта книжка? Как этот том «Истории американской литературы» отвечает на запрос партии и правительства, помогает ли он утверждению социалистического общества, помогает он борьбе с капитализмом, или же эта книжка не помогает нам в борьбе с капитализмом, является книжкой вредной, путаной?

Нам надо поставить перед собою вопрос — что, эта книга написана с позиций марксизма-ленинизма, насколько авторы этой книжки выдерживают эти позиции, или же они скатываются с этих позиций, как об этом говорится в статье в «Культуре и жизнь»?

И третий вопрос, который надо поставить — что, эта книга есть действительно плод большого научного труда, или эта книга антинаучная?

Я думаю, что если подходить честно, без обиняков, то нельзя ссылаться ни на Рузвельта, ни на конъюнктуру сегодняшнего дня. Ни то, ни другое будет неверно. Книга эта правильно оценена в статье в «Культуре и жизнь» как книга антинаучная, как книга путаная, вредная, антимарксистская.

Какие три обвинения можно предъявить к этой книге? Они сегодня в ходе прений, в ходе обсуждения достаточно четко были сформулированы. Во-первых, классики марксизма-ленинизма Маркс, Энгельс, Ленин и революционные демократы — Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, классики русской литературы, представлены как апологеты американской литературы и Америки XVIII–XIX вв. Причем, когда вы читаете цитаты из Маркса–Энгельса–Ленина, вас поражает обилие многоточий — цитаты не только подбирались односторонне, но с цитатами производилась беспощадная вивисекция, что делало цитату односторонней, неправильной.

Тов. Яковлев и другие выступавшие товарищи убедительно показали, что классики марксизма-ленинизма не относились так односторонне, как этого хотелось бы авторам тома «Истории американской литературы», не относились так апологетически к капиталистической Америке XVIII–XIX вв.

Второе обвинение, которое можно предъявить этой книге — оно заключается в том, что авторы односторонне показали влияние американской культуры на русскую культуру и американской литературы на русскую литературу. Это было не только исторически неверно, не только притяннуто за волосы, но по-русски говоря, «ни в какие ворота не лезет». Это не случайная оговорка у авторов, не случайно они в одном месте ссылаются на Ирвинга, в другом на Купера, как они влияли на русскую литературу. Я вынужден буду сослаться на историю создания этой книги, о чем сегодня здесь говорили. Тут выступал в порядке самокритики А.Г. Цейтлин. 13 февраля 1945 г. на Ученом Совете, где присутствовали почти все члены нашего Ученого Совета, за исключением председательствующего сегодня Н.Л. Бродского, было принято решение доработать том в сторону раскрытия русско-американских культурных связей. Обратимся к стенограмме. Выступает Н.К. Пиксанов, который требует показать, раскрыть, что Белинский полностью куперовец⁴². Выступает Т.Л. Мотылева, и она требует раскрытия влияния Торо на Л.Н. Толстого, причем Тамара Лазаревна считает, что целиком Торо формировал Толстого, как писателя.

(МОТЫЛЕВА: Неверно!)

Посмотрите в стенограмму! В виду того, что была реплика «неверно», я зачитываю стенограмму. (*Зачитывает стенограмму.*)⁴³

Жирмунский в своей рецензии также подчеркивает необходимость показа влияния американских писателей на русских. Затем происходит 23 февраля 1945 г. совещание западного сектора — председатель тов. Дживилегов. Тов. Цейтлин рекомендует даже дать одну главу, где наиболее концентрированно показать влияние американской литературы на русскую.

Предположим, согласимся с тем, что сегодня говорила Т.Л. [Мотылева], что виноват во всем этом Рузвельт, виновата конъюнктура, а не мы. Проходит время. Тов. Старцев — один из основных авторов книги, автор схемы, был в Ленинграде на обсуждении постановления ЦК⁴⁴. Можно было подумать, что он сделает для себя

⁴² Ср. в стенограмме 1945 г. выступление Н.К. Пиксанова: «Не успел посмотреть, как и что говорится о восприятии Купера Белинским, но в произведениях Белинского Купер занимает большое место» (Панов С., Панова О. «История американской литературы» [...]. Статья первая // Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 221).

⁴³ Имеются в виду слова Т.Л. Мотылевой: «И конечно, в тех случаях, когда американские писатели оказывали воздействие на формирование в целом облика русского писателя, как это было в случае Торо и Толстого, такие факты должны быть более развернуто отмечены и объяснены» (Там же. С. 219).

⁴⁴ Постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г.; с конца августа и весь октябрь почти ежедневно проходят его обсуж-

соответствующий вывод. Том был подписан к печати 22 октября 1946 г., после постановления ЦК. Редактор т. Аникст выводов для себя не сделал. Весной появляется сигнальный номер — выводы не были сделаны. Наконец номер выходит из печати и организуются положительные рецензии. (*Читаем.*)⁴⁵

Товарищи, эта рецензия была написана буквально недели тому назад. Для чего я это все рассказываю? Чтобы показать, что в этом виноват, прежде всего, тот, кто выступает перед вами сейчас — партийная организация Института, руководство Института и коллектив авторов. Следовательно, документы партии и правительства, директивы партии и правительства до сознания ряда авторов и редакторов не доходят.

Видимо, овладение марксизмом-ленинизмом у нас поставлено исключительно плохо, и товарищи работают над собою весьма мало. Как можно называть себя марксистом, если ты сам же говоришь о том, что ошибка в том, что была такая конъюнктура! Если бы авторский и редакционный коллектив — это я ставлю в вину и партийной организации Института — работал как следует над овладением классиками марксизма-ленинизма, если бы товарищи проверяли себя, развертывая критику и самокритику, если бы было как следует поставлено обсуждение тома, примерно в том же масштабе, как оно поставлено сейчас, если бы это было сделано до того, как том был сдан в печать, я думаю, что авторы тома не были бы в таком положении, как сейчас. В этом повинно прежде всего руководство нашего Института и партийное руководство.

Я должен еще вернуться к содержанию книги.

Третья, и мне кажется, наиболее существенная беда заключается в том, что в основу книги положена неправильная концепция, ложная концепция А.И. Старцева, концепция о том, что Америка миновала феодализм, что Америка всегда, и в XVIII и в XIX веке, была выше, чем Европа, что Америка это была новая, высшая формация, формация нового типа, почти нового социального типа.

Причем я никак не могу согласиться с Тамарой Лазаревной, что существуют два Абея Исааковича. К сожалению, факты говорят о том, что существует один Абель Исаакович, и об этом неплохо сказал в своей рецензии т. Лейтес. И если обратиться к работам Абея Исааковича, то можно убедиться, что это продуманная кон-

дения в писательских, академических, учебных коллективах, на общегородских собраниях культактива (см.: *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. М.: НЛЮ, 2012. Т. 1. С. 447 и сл.); на каком из них присутствовал А. Старцев, не можем сказать.

⁴⁵ Кроме информационного сообщения о выходе ИАЛ (Лит. газета. 1947. 17 мая), не знаем других «позитивных» рецензий.

цепция, вредная концепция, что она имеется во всех его работах. Обратимся, например, к его докторской диссертации⁴⁶. Я процитирую только одно место из этой диссертации. «Как было показано», — говорит Абель Исаакович... (*Зачитывает отрывки из докторской диссертации т. Старцева.*) «...отсюда содержательность и конкретность поэзии Уитмена» и т.д. И те компаративистские вещи, которые здесь приводились сегодня, достаточно защищаются в диссертации Абелья Исааковича.

И что же здесь получается?

Получается так, что А.И., взяв на себя разработку плана, схемы, взяв на себя самое ответственное в смысле политическом — вводные главы, допускает явную идеализацию буржуазных американских свобод — свободы печати, свободы вероисповедания, национальностей и т.д. А.И. относится некритически к основным положениям, основным заповедям американского капитализма. Я позволю себе из этой области процитировать только одно место.

На стр. 69 А.И., как бы уже многократно ставя вопрос, что такое американизм, что такое американец, как бы устами Кревекера, без малейшей его критики, подводит некоторый итог. Кревекер утверждает, что родина для американца — это только то, что дает хлеб. Вот что заявляет Кревекер: «Может ли несчастный бродяга, не могущий снискать себе пропитания...» (*читает*).

Давайте разберем эту заповедь капитализма, изложенную устами Кревекера. Разве эмигранты, которые ехали в Америку, не встречали там суровое лицо богачей и суровость закона. Тов. Старцеву известна классическая западная литература, которая говорит, что ожидало эмигрантов в Америке. Вспомните хотя бы мопассановского «Дядю Жюля». Разве все, что эмигрировало в Америку, кроме непосредственно политической эмиграции, было положительным явлением и разве эти обманутые не встречали нахмуренные лица богачей и неравенство закона? Разве может советский литературовед пройти мимо такой идеализации Америки, пройти мимо самого развращенного буржуазного лозунга — где хлеб, там и родина, где больше платят, там и родина, а землю, на которой вдвоем голодали, нельзя забыть — это должен помнить советский литературовед. Разве лозунг — где хлеб, там и родина, является в какой-либо мере прогрессивным лозунгом? Нет, это лозунг чисто капиталистический, означающий — нет родины, есть только нажива, есть только деньги, где больше платят, там и родина.

Как можно с таких буржуазно-объективистских позиций со-

⁴⁶ «Американская революция, Радищев и русское общество XVIII века», защищена в ИМЛИ 21 мая 1946 г.

вершенно спокойно цитировать все эти места для рассмотрения вопроса, что такое американец, не найдя своих сравнений?

В таком буржуазно-объективистском тоне написаны многие разделы этой книги. А есть русская поговорка: «молчание знак согласия».

Давайте спросим себя — что же, Кревекер это такая огромная литературная величина, и эти изречения, которые являются заповедью американского капитализма, что, это является мировым шедевром, который нужно приводить и цитировать без конца?

Скажу о своем личном впечатлении от этой книги. Эта книга на меня производит впечатление какой-то фальшивки. «История американской литературы» — но здесь литературы мало, это публицистика, но публицистика не та. А авторы залезают в область политики, будучи сами весьма слабо подкованными политически, и допускают проповедь американских свобод, допускают идеализацию их, идеализацию свободы печати, свободы вероисповеданий, свободы национальностей и т.д. Причем, можно удивляться, почему авторы позволяют себе залезать совершенно не в литературоведческую область. Авторы упорно твердят о том, что громоотвод изобрел Франклин, и пять и десять раз об этом повторяют, а давно уже известно в науке, и не нужно раболепствовать перед западной наукой, давно уже известно, что громоотвод изобрел Михайло Ломоносов, а у вас Франклин все время фигурирует как изобретатель громоотвода⁴⁷. И Абель Исаакович раз 5–6 повторяет, что Франклин изобрел громоотвод. Если уже залезаешь не в свою область, посоветуйся со специалистами данной области, но зачем же сдавать русский патент американцам!

И мне кажется, что грех этой книги это идеализация американских свобод, идеализация американского капиталистического общества XVIII–XIX века — это один из серьезных грехов этой книги.

Мне представляется, что критика, которую дает т. Лейтес, является критикой справедливой, критикой правильной. И надо еще более углубить эту критику и показать дальше, в чем порочность этой книги. Я не могу согласиться с т. Лейтесом в оценке этой книги, будучи скромным, что глава о Торо это наиболее удачная глава, что это просто удачная глава. Глава о Торо мне представляется отнюдь не удачной. Эта глава также отличается тоном буржуазного объективизма. В конце концов, автор этой главы мог иметь пред собою образец, величайший образец литературоведческого подхода

⁴⁷ Ср.: «Громоотвод был изобретением “с идеологией”, как бы созданным для эпохи Просвещения. [...] Франклин был прославлен в Америке и в Европе как “новый Прометей”, похитивший огонь с неба, вырвавший молнию из рук грозного библейского бога» [ИАЛ, с. 59].

примерно к такой же проблематике, а именно статью Ленина о Толстом. Но т. Старцев предпочитает в статье о Торо придерживаться тона буржуазного объективизма, излагает без малейшей тени критики анализ вреднейших сторон учения Торо, желание сомкнуть Торо с современностью на самом уязвимом и слабом месте этого учения, а именно, связь Торо с Ганди, и своим объективизмом, своим умолчанием приводит к тому, что точку зрения гандизма выдает как положительный момент. Причем, товарищи, я с этой трибуны читаю: «Следует указать, что эта статья Торо легла в основу [разработанной в наши дни Ганди и его сторонниками пацифистской доктрины “пассивного сопротивления”]...» (*читает*) [с. 236].

Мне уже не первый раз приходится говорить о том, что в наших институтских работах приподнимается гандизм. Я думаю, что несмотря на то, что авторы книги в ряде вопросов проявили свою невысокую политическую подготовленность, однако, они не настолько неграмотны, чтобы воздавать прямую похвалу гандизму. Но вы говорите объективистически, вы Торо доводите до гандизма, а что такое гандизм? Это особая форма, и очень отрицательная и сложная форма, пацифизма, и Ганди недаром рассматривается нами как прямой агент британского империализма. Вот к чему приводит тон объективизма.

Мне хотелось коснуться еще одного вопроса, по которому я хочу высказать свою личную точку зрения. Который раз уже в наших диссертационных работах, в работах, связывающих русскую литературу с Западом, и то же самое с «Историей американской литературы», поднимается вопрос о Бичер-Стоу, о «Хижине дяди Тома» в связи с русским крепостничеством.

Мне хорошо известно, что русские демократы допускали сравнение положения крепостных с положением негров. Но эта прямая аналогия, которая проводится сейчас в ряде наших работ, положения крепостного крестьянства с положением негров, вряд ли правильна и уместна. Ведь, в самом деле, за это сравнение схватятся очень многие буржуазные критики и писатели и охотно будут раздувать. Мне пришлось познакомиться с одной работой, в которой говорится о Тургеневе во Франции, о «Записках охотника». Там также ставился вопрос о влиянии Бичер-Стоу на «Записки охотника» Тургенева⁴⁸.

⁴⁸ Конечно, о «влиянии» романа Бичер-Стоу на первый сборник рассказов Тургенева не может быть речи: «Хижина дяди Тома» (1852) вышла позже «Записок охотника»; имеются в виду ставшие общим местом еще в XIX в. смысловые параллели двух книг. При этом в ИАЛ «Записки охотника» в связи с Бичер-Стоу вообще не упоминаются, сообщается следующее: «В 1858 г., в

Я уже говорил — пора прекратить эти непрерывные аналогии, не потому что мы относимся к русской нации как к нации исключительной в расовом отношении, а к неграм как к неполноценной нации — это нелепая, анти-марксистская точка зрения, отвергаемая нами, негры каши братья, но это неверно исторически. Даже крепостные русские крестьяне были свободолюбивыми людьми, эти крестьяне спасли Европу от нашествия Наполеона, эти крестьяне создали свое великое могучее отечество, Россия всегда играла огромную международную историческую роль. Поэтому прямая аналогия между русскими крестьянами, хотя и крепостными, и неграмирабами мне кажется не совсем правомочной.

А вот пример такой аналогии, аналогии русских с неграми, крепостного крестьянина с негром, аналогии не совсем правомерной. Феодализм был во Франции, в Германии и в других странах, но нигде вы не найдете сопоставления «Хижины дяди Тома» Бичер-Стоу с французским или немецким крестьянином, и наоборот, муссируется это сравнение с русским крестьянином. В главе о Бичер-Стоу мы видим этот лейтмотив.

(Реплика С МЕСТА: Вы можете прочитать!)

Хорошо, я прочту. У меня есть эти выдержки. Я полагаю, что мы должны из этого урока, который мы получили с выходом «Истории американской литературы», сделать для себя соответствующие выводы:

Во-первых, если мы работаем, то мы должны работать так, чтобы вынашиваемые нами идеи, концепции сразу бы попадали под огонь критики и самокритики, потому что только подлинная критика и самокритика может оплодотворить автора, только она может помочь автору избавиться от ряда ошибок. Поэтому нам нужно организовать нашу работу таким образом, чтобы у нас и отдельные главы книг и книги в целом, подготовленные к печати, обсуждались бы тщательно, всесторонне в присутствии самых различных специалистов, а не только в очень узком кружке либо западников, либо русистов и т.д.

Мне кажется, что мы должны сделать и второй вывод: эти ошибки не должны повторяться. Мы должны непременно работать над собою, над овладением марксизмом-ленинизмом. И то, что авторы тома «Истории американской литературы» не проявили дос-

период особенного обострения крестьянского вопроса, “Современник”, руководимый Чернышевским, Некрасовым и Добролюбовым, разослал своим читателям “Хижину дяди Тома” в виде отдельного приложения к журналу. Восприятие этой книги в русской жизни и литературе 50–60-х годов составляет интересную страницу в истории русско-американских культурных и литературных отношений» [с. 334].

таточной бдительности политической, политической сознательно-сти, то, что они поддались какой-то конъюнктуре, о которой здесь говорилось, то, что они сползли с позиций партийной принципиальности, большевистской принципиальности, сползли на позиции буржуазного объективизма, то, что в этой книге нет и тени партийности, партийность здесь и не «ночевала», — все это можно объяснить только одним — плохо мы работаем над собою. Мне кажется, что мы сможем, и у нас найдутся силы в нашем коллективе, чтобы ошибки этого выпущенного тома «Истории американской литературы» исправить, прежде всего исправить тем, что выпустить второй том так, чтобы он действительно отвечал требованиям большевистской партийности, чтобы он помогал товарищу Вышинскому в его борьбе на Генеральной Ассамблее ООН⁴⁹, а не мешал бы ему. Этот первый том приносит вред. И я уверен, что за рубежом этот том получит широкий резонанс, что он найдет отклик среди американских реакционеров. Посмотрите на этот вопрос политически. Как это звучит! Ведь выходит, что Ленин был в восторге от Америки, был апологетом американской демократии!

Сами они признают, что русская литература, следовательно, русская культура, формировались под воздействием американской литературы и культуры, и сами они признают, что Америка — родина всех наций, а где хлеб, там и родина.

Это вредная концепция, антинаучная, антимарксистская концепция, и я думаю, что авторский коллектив, редакционный коллектив, руководство института, партийная организация найдут в себе достаточно сил, чтобы осознать свои ошибки и в дальнейшем их исправить.

проф. БРОДСКИЙ: Мы сегодня должны закончить, ибо ход рассуждения таков, что считаю нецелесообразным переносить обсуждение, тем более, что осталось заслушать одного члена редакции первого тома, руководителя сектора западной литературы и автора. Предоставляю слово члену редакции тов. Аниксту.

тов. АНИКСТ: Я хотел бы начать с момента субъективного, с того, о чем говорила Т.Л. [Мотылева], — о настроениях, которые имеют место в связи с обсуждением и осуждением первого тома. Возможно, что на некоторых товарищей обсуждение книги и критика ее производит такое впечатление, что не надо было браться за работу и, во всяком случае, не надо ее дальше вести.

⁴⁹ А.Я. Вышинский (1983–1954), в 1935–1939 — Прокурор СССР, гособвинитель на политических процессах; с 1946 г. — замминистра иностранных дел (в 1949–1953 — министр), глава делегации СССР на 1-й сессии Генассамблеи ООН (1946).

Я думаю, что выражу отношение не только свое, но и других работников отдела, если скажу, что ничего подобного в нашей среде нет. Мы вполне понимаем, что критика, которая сейчас происходит, имеет в виду интересы всей советской науки, интересы нашей Родины, и в этом вопросе наше личное самолюбие не может и не должно играть никакой роли. У нас нет таких настроений, что, дескать, сейчас нас покритикуют, «разгромят», а дальше мы будем думать, что нам делать. Уже сейчас весь наш коллектив работает над тем, чтобы осознать смысл происшедшего, понять причины, приведшие к ошибкам и сделать все выводы для той работы, которая ни на день не останавливается.

В работе находится сейчас второй том «Истории американской литературы», в работе сейчас второй том «Истории английской литературы», включающий литературу XIX века. Наш отдел все время занимается целым рядом работ более мелких. Все это требует от нас того, чтобы мы осмыслили происходящее и больше таких ошибок не повторяли.

Первая ошибка заключается в том, что мы не были марксистами, потому что мы исходили при построении этой книги из соображений временного характера. Марксизм не такая вещь, которая требует от нас отказа от истины в угоду частной сложившейся ситуации. Марксизм требует объективной, правдивой исторической оценки, в связи с потребностями классовой борьбы пролетариата.

Что получилось, когда мы издавали «Историю американской литературы»? Когда тут говорили о том, что эта книга написана в соответствии с конъюнктурой, то допускали некоторую ошибку. Мое личное мнение, что книга написана не на конъюнктуру, это подтвердит каждый, кто читал эту книгу, тут можно найти очень резкое осуждение американского капитализма, империализма и т.д. Эта книга не удовлетворяла ни тому моменту, когда она была написана, ни теперь. И это не случайность, это есть проявление нашей общей беды. И хотя некоторые из сотрудников Института и являются сегодня только зрителями, однако они сопричастны этому, потому что это-то и есть одно из проявлений того, о чем писала «Правда»: «Институт, оторванный от жизни»⁵⁰. А эта оторванность от жизни проявляется в том, что выпускаем работы, о которых справедливо сказала Евгения Львовна [Гальперина], что они никому не нужны; работы, которые оказываются вредными, которые не могут помочь нашему делу.

В первом томе «Истории американской литературы» нами допущена следующая основная ошибка: мы не разработали действи-

⁵⁰ Статья К. Потапова (Правда. 1947, 18 июля), см. соответствующий раздел нашей статьи.

тельно настоящей концепции. Хотя идут споры о какой-то концепции, но на самом деле нет этой концепции. Она подразумевается. Подразумевается, что есть какой-то путь развития американской литературы, но если бы такая концепция была действительно в полной мере разработана, она была бы тут же изложена. Вместо концепции доминируют факты. Элементы фактографии чрезвычайно сильны в книге. Я не скажу, что нет в ней попыток установить какие-то закономерности американской литературы, но не это определяет построение книги. Это видно из того, что мы отказались дать принципиальное введение, и вместо этого дали только историографический обзор, относящийся лишь к первому периоду истории США. Это видно из введений к отдельным разделам книги, которые не дают цельной ясной концепции данного периода, не дают полной характеристики данного литературного направления, в такой мере, как это требуется для научной работы. Мы даем фон, на котором складывались эти факты, но нет единой концепции ~~это есть тоже ошибка~~. Вот почему получается, что книга воспринимается как собрание очерков.

Наиболее значительные литературоведческие замечания, которые имеются в книге, содержатся в главах, посвященных отдельным писателям, тогда как следовало бы дать какую-то общую единую концепцию, которая пройдет через все эти характеристики отдельных писателей, показывая, как отдельные литературные направления в условиях классовой борьбы изменяются, как изменяется отношение к действительности и т.д. Всего этого не дано, хотя в заголовках имеется или подразумевается — литература южан, литература аболиционистов и т.д. Это различные отделы, которые должны указывать на различную классовую направленность тех или иных явлений, но этих заголовков недостаточно, чтобы ориентировать читателя. Эту концепцию нужно было развернуть, мы этого не сделали, и это привело к большим принципиальным ошибкам.

Вторая важная ошибка заключается в том, что мы, как выразился один из товарищей, «отложили марксизм-ленинизм на второй том» и дали том без заряда и без пороха, который у нас есть — уверяю вас, что порох заготовлен в пороховницах для всего реакционного, что есть в американской буржуазной культуре. Но мы действительно отложили на второй том, том, посвященный империализму, разложению буржуазной культуры Америки. Там это будет дано со всей силой, но заносить кулак мы должны были в этом томе...

(УСПЕНСКИЙ: Даже и опустить!)

Совершенно верно, даже опустить!

В этом заключается наша ошибка, нельзя идеологическую борьбу откладывать до другого времени, когда борьба происходит сейчас, ~~мы не можем отложить выпуск книги до другого момента~~.

А из этого вытекают очень серьезные и важные последствия — те последствия, что мы в оценке отдельных литературных явлений не учитывали того, какое значение они сейчас имеют, какому делу служат те или иные писатели, и в этом смысле критика, которой подверглась глава об Эдгаре По, справедлива. Мы сами понимали это в значительной степени, потому что когда меня назначили в редакцию этого труда, после доклада тов. Жданова⁵¹, то первое, главное, на что я смотрел, — это была глава о По. Надо прямо сказать, что и я сам, и мои товарищи поняли тогда выступление т. Жданова крайне узко, мы не оценили, что означало его выступление. Мы восприняли ряд замечаний о декадансе и т.д., но не восприняли основного, что мы, как идеологические работники, оказываемся на передовой линии фронта, мы решили остаться в тылу. Вот что получилось практически. Мы не сделали эту книгу боевой. Мы внесли ряд поправок, они заметны сразу, потому что они находятся в явном противоречии с тем, что писалось о По. Но эти поправки не спасают, потому что дело не в отдельных формулировках, а в том, что надо было пересмотреть и перестроить всю книгу, не выбрасывая того ценного, что было сделано, хорошие очерки об отдельных писателях, но нужно было создать целеустремленную книгу, а этого мы не сделали.

Третья ошибка не затрагивает концепцию книги, но она характерна для состояния нашего литературоведения, — это вопрос о русско-американских связях. Мы действительно здесь все еще находимся в плену старой науки, ибо значение тех связей, на которые мы указываем, — ничтожно. Конечно, русско-американские связи, которые существуют, не определяются таким фактом, что сюжет «Золотого петушка» заимствован. Речь должна идти всегда об идеологических моментах, и мы должны были проследить связи различных общественных течений американской мысли с течением русской мысли. Это было бы серьезным научным делом. А то, что мы сделали, есть эмпиризм, не имеющий ничего общего с подлинной наукой, — это литературные факты и сведения, которые используются не для серьезной литературоведческой работы, а для обывательских разговоров, что, дескать, даже и «Золотой петушок» заимствован, ~~Пушкин взял у кого-то сюжет~~.

Все это не может способствовать обсуждению вопроса о многообразных связях русской и американской литературы.

Еще есть один недостаток, заключающийся в том, что мы рассматриваем американскую литературу в недостаточной связи со всем процессом развития мировой литературы.

⁵¹ Доклад 16 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”».

Конечно, историк, пишущий историю американской литературы, не обязан решать проблемы развития истории мировой литературы, но надо обязательно в достаточной мере определить место американского Просвещения, и американского романтизма, и реализма; все это сделано не в достаточной степени.

Вот как я понимаю основные ошибки этого тома.

Придя на сегодняшнее заседание, я стараюсь прежде всего уяснить и понять, что же надо нам сделать? Поэтому я с очень большим вниманием отношусь ко всем выступлениям. Мне хочется понять сущность наших ошибок и извлечь их этой критики указания на то, что нам надо делать.

Я считаю, что критика книги в основном правильна. Но вместе с тем я считаю, что аргументация и указания на ошибки не всегда правильны. Я прошу меня не понять в том смысле, что я хочу в какой-то степени оправдать и взять обратно то, что я только что сказал. Для значительной части присутствующих весь вопрос заключается в том, что они хотят получить мнение об этой книге, потом они уйдут с той оценкой, которая изложена в статье А.М. Лейтеса. А я не могу только с этой оценкой уйти с этого заседания. Так же как и Абель Исаакович и Анна Аркадьевна и другие, участвовавшие в подготовке этой книги. Для нас совершенно необходима критика, которая носит позитивный характер. Мы должны из этой критики усвоить, как нам надо дальше работать. Нужна, конечно, и собственная работа, но нужна и критика, которая имеет смысл с цену, когда указания являются достаточно принципиальными, когда они указывают на действительно имевшие место недостатки. Должен сказать, что целый ряд указаний, которые я слышу, меня не удовлетворяют. Например, в отношении отдельных мест из книги. Я могу, если угодно, открыть книгу и показать, что сказано у нас. Так, Александр Михайлович [Лейтес] пишет, что в книге имеется идеализация взаимоотношений между американцами и индейцами. Между тем на стр. 9-й сказано: «Здесь следует остановиться на трагической эпопее американских индейцев, составляющей своего рода введение в историю американской культуры. [...] Индейцы предпочитали смерть рабству. Поэтому вся история колонизации североамериканского материка есть история оттеснения и истребления индейских племен. [...] Ко времени начала колонизации индейцев было не менее двух миллионов. Сейчас в резервациях [...] их насчитывается едва ли 250 тысяч, и число их продолжает уменьшаться». Ну где же здесь «умилненное» изображение взаимоотношений американцев и индейцев?!

Или на 10-й странице: «Формальное дарование свободы не разрешило, однако, негритянского вопроса в США. Национальное

неравноправие и преследование негров остаются до наших дней позорным явлением американской жизни».

Неужели нужно доказывать, что А.И. Старцев или А.А. Елистратова не являются сторонниками угнетения негров или индейцев!

Когда споры переносятся в такую плоскость, то это уже не принципиальное обсуждение вопроса! И я не знаю, зачем, с какой целью об этом говорить! Тут можно привести целый ряд фактов, когда вопрос ставился непринципиально. Товарищи утверждают, что в книге есть пороки, недостатки. И они начинают читать и выискивать, а замечаний по книге может быть гораздо больше, чем сегодня приводили, и я хочу сказать, что на подавляющее большинство упреков я могу ответить так:

На утверждение, что в книге не сказано то-то, я могу привести цитату. Что сказано, например, об элементах феодализма на стр. 13? «На первых порах существования английских поселений...» (*читает*). Значит, здесь говорится о том, что были попытки введения феодализма.

На стр. 49 сказано о литературе периода просвещения и буржуазной революции: «Это было как в историческом, так и в культурном отношении буржуазное Просвещение...» (*читает*).

На стр. 55: «Победный исход войны за независимость означал ликвидацию тех элементов “старого порядка”, [которые сохранялись в колониях]...» (*читает*).

На целый ряд обвинений о том, что будто бы не отмечена буржуазная ограниченность просвещения, буржуазная ограниченность революции XVIII в., могу привести места из книги, показывающие, что на все это в ней указано. И хотя я могу почти на каждую цитату оппонентов противопоставить цитату из книги, все-таки книга неверная.

~~В чем беда?~~ Беда в том, что нет концепции в книге. Если бы у нас была четко, ясно и недвусмысленно выраженная концепция, не было бы возможности предъявить нам упреки. Мы не подумали о том, чтобы привести в стройную, марксистско-ленинскую систему те серьезные наблюдения, которые были у товарищей, работавших над «Историей американской литературы». Вот почему мне хочется сказать, что критика этой книги ~~правильна~~ и нужна. Следует критиковать книгу за соответствующие главы, критиковать нас вместе и раздельно за допущенные ошибки.

Но нужно иметь при этом в виду и какие-то позитивные и объективные интересы, а именно, что дело заключается не только в том, что мы сделали плохую книгу, а дело заключается в том, чтобы помочь нам сделать хорошую книгу. Поэтому я с сегодняшнего заседания ухожу в настроении, хотя приподнятом, но не вполне удов-

летворенный. Я слышал очень много ценных указаний, правильных замечаний — иногда в этом неприятно было сознаваться. Товарищи говорят: «Как же вы читали и не могли этого видеть?» И действительно, диву даешься — ведь сам читал и перечитывал и не видел этих ошибок, а самое основное, не замечал политических и исторических ляпсусов. Так что тут есть какой-то элемент горечи за допущенные нами ошибки. Я выхожу с этого заседания с твердой уверенностью в том, что правильно оценен характер допущенных нами недостатков, ошибок. Мы будем продолжать работу и исправим ошибки. У меня лично очень большое желание работать, и нет сомнения в том, что второй том «Истории американской литературы» мы издадим лучше и сумеем оправдать высокое звание советских ученых, достойных Сталинской эпохи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет А.И. Старцев.

тов. СТАРЦЕВ: Товарищи! Я являюсь одним из соавторов обсуждаемой книги и членом редакционной коллегии. По Институту я ответственный редактор книги. Я выслушал с большим вниманием все, что было сказано о первом томе «Истории американской литературы». Многие из критических замечаний правильны. Ошибки в книге имеются, ошибки достаточно серьезные, и, конечно, их нужно понять, нужно как следует осознать для работы над вторым томом.

Основная ошибка книги в целом — это ее недостаточная политическая острота. Это то, на что указывал т. Жданов в своей речи на философской дискуссии, говоря, что явления рассматривались не связано с задачами современности. Это есть основной порок книги. И нужно жалеть об упущенных возможностях. Книга могла бы быть много лучше. Я считаю, что это было в наших силах. Хороших советов мы просили и не отвергали. Но здесь виноваты все же в основном мы, виноваты в том, что не сумели справиться собственными силами. Работа строилась следующим образом: работа была рассчитана на два тома: первый том должен был довести изложение до первой половины XIX века, и второй том включить последующий материал вплоть до литературных явлений, близких к современности.

План этой работы существовал. Этот план обсуждался на отделе и был утвержден. Большая наша ошибка заключалась в том, что (об этом говорилось) мы предполагали все принципиальные вопросы, касающиеся современности, рассматривать в тех разделах, которые будут трактовать современный материал. Рукопись второго тома существует, там многое важное и полезное сказано, но рукопись, лежащая в ящике, не есть факт общественного значения. Первый том вышел в свет, и надо отвечать за первый том в таком виде, как его получил читатель.

С этой ошибкой связаны также пороки Введения, автором которого я являюсь и за которое должен нести, конечно, полную ответственность. Там есть неудачные формулировки, но главное не в этом. Было и методологически, и практически ошибочным рассчитывать здесь на второй том. Главное в том, что во введении нужно было изложить нашу точку зрения на американское социальное развитие и американский литературный процесс в целом, до современности. Я должен сказать, что такой совет однажды был дан тов. Мотылевой на одном из редакционных обсуждений, но мы предпочли это перенести, все-таки во второй том, так как считали, что на конкретном материале это будет сделать удобнее. Я считаю это ошибкой.

Каков был принятый замысел «Истории американской литературы»? Я хочу прочитать вам в этой связи один очень известный документ — отрывок из письма Энгельса к Келли-Вишневецкой. Америка как государство и нация родилась в XVIII веке, родилась как буржуазная страна, в эпоху, когда европейские страны были еще в основном во власти феодализма. На Америку были возложены большие надежды буржуазии. Энгельс пишет: «Ведь Америка была, в конце концов, идеалом всех буржуа: богатая, обширная, развивающаяся страна с чисто буржуазными учреждениями без феодальной закваски или монархических традиций и не имеющая постоянного наследственного пролетариата... и так как здесь пока еще не было классов с противоречивыми интересами, то наши и ваши буржуа вообразили, что Америка стоит выше антагонизма и борьбы классов. Эта иллюзия теперь рассеялась, последний буржуазный рай на земле быстро превращается в чистилище, и от превращения в ад, подобный Европе, его сможет удержать лишь бурный темп развития едва оперившегося американского пролетариата» (письмо Энгельса к Келли-Вишневецкой от 3 июня 1886 г. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XXVII, стр. 564)⁵². Преувеличенные представления о превосходстве американской жизни, о преимуществах буржуазной Америки и американской демократии составляли буржуазно-либеральный миф об американской демократии.

Как известно, дальнейшая эволюция была такова, что Америка превратилась в капиталистическую страну новейшего типа, именно, в капиталистический ад.

Эта схема, нарисованная Энгельсом, была положена в основу принятого нами плана.

В процессе обсуждения книги были высказаны справедливые критические замечания, были высказаны и несправедливые. Поэтому не со всеми следует соглашаться. Думаю, что этого не надо

⁵² Ср.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., 1964. Т. 36. С. 417.

делать хотя бы потому, что нам предстоит выпустить второй том «Истории американской литературы», и нужно себе ясно представить, как нужно писать его и чего нужно остерегаться, что правильно и что неправильно. Поэтому те упреки, которые неправильны, надо отвести.

Я коснусь одного вопроса, который имеет серьезное методологическое значение. Это очень важный вопрос, который должен быть решен в интересах правильного написания второго тома, не говоря уже о его общетеоретическом интересе. Наше сегодняшнее собрание преследует, как мне кажется, не только узкую цель — критиковать одну данную книгу, — но и более широкую — обогащение и расширение нашего общего теоретического кругозора.

Я остановлюсь на вопросе феодализма в США. Мне придется об этом сказать, потому что в статье Лейтеса написано, что в томе имеется целая концепция — и неправильная концепция, — восходящая именно к этому вопросу. Будто бы во главе угла проводимой в книге схемы лежит неправильная концепция, отрицающая феодализм в Америке как социально-экономическую формацию. Тов. Лейтес пишет следующее: «Старцев категорически заявляет: “Америка не знала феодализма и была враждебна ему политически”. Такое “откровение” в устах советского литературоведа кажется более чем странным. Во всяком случае, оно ничего общего не имеет с исторической правдой, с марксистско-ленинской оценкой истории Америки».

Я позволю себе дать очень кратко материал по этому вопросу. Вопрос о том, был ли в Америке феодализм, имеет значительную давность в марксистской литературе, и мнение по этому вопросу считается сложившимся. Я приведу несколько достаточно известных высказываний:

«Продолжительное господство буржуазии было до сих пор возможно только в таких странах, как Америка, где феодализма никогда не было, и общество с самого начала создано на буржуазном фундаменте». Это пишет Энгельс во введении к английскому переводу «Развития социализма от утопии к науке» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Том 16, часть II, стр. 303–304)⁵³.

«Удивительно, хотя вполне естественно, насколько в такой молодой стране, никогда не знавшей феодализма и с самого начала развивавшейся на буржуазной основе, буржуазные предрассудки крепко засели также и в рабочем классе» (письмо Энгельса к [Фридриху Адольфу] Зорге от 31 декабря 1892 года. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Том 29, стр. 178)⁵⁴.

⁵³ Там же. М., 1962. Т. 22. С. 315.

⁵⁴ Там же. М., 1965. Т. 38. С. 476.

... — первый шаг — вспрос на этот вопрос — такого рода вопрос, лишь в по результатам исторического и социально-экономического развития в начале 20 столетия американской литературы [Н. Водовозов, Литература, т. 2, стр. 72].

114
 как объективный критерий давно уже работ ¹⁰⁵
 Эвеса, значительная переписка его продолжалась
 существовать и в Дарт и в Нравах... феодализм и.т.
 Трудный на первый до конца. Это неслучайно, об американской
 которая является своей, свободной, независимой, без иллюзий федерации
 Я позволяю себе привести замечания товарища Сталина, име-
 ющее отношение к данному вопросу, широко известные, это
 замечания из Беседы с писателем Людвигом. "Несмотря на
 то, что феодализм." / читает / "Большевик", № 8, 1932 г.,
 стр. 38/.

Недавно в беседе с политическим американским деятелем
 Стасеном товарищ Сталин говорил следующее. Он касается
 вопроса, обясняет Стасену причины быстрого экономического
 развития Соединенных Штатов: "После борьбы за независи-
 мость..." / цитата /

Последняя фраза Сталина — подчеркивает, что речь идет не о
 положительной оценке развития Соединенных Штатов, как бур-
 жуазного государства. Слово "буржуазный" в XVIII веке было
 похвалой, только у просветителей, в дальнейшем, тем более
 характерные американские эскизы, американской культуры
 у Энгельса, слово "буржуазный" ни в какой мере не является
 признаком преимущества Америки над феодализмом странами
 это есть экономическая характеристика американской литера-
 туры и культуры. Буржуазность американской культуры есть
 обяснение многих, совершенно специфических пороков амери-
 канской жизни, которые отсутствуют в странах с феодальным
 развитием.

Я приведу вам эту новую важную идею (ср. Золотарев (1922))
 / читает / вам / цитату / из Энгельса / из письма / к / Шклеру /
 / важностью /

Должен сказать, что несомненно американской жизни ска-
 зывается в таких явлениях, как культивирование brutality
 в американской литературе, это — специфическое американское
 явление и, несомненно, что это замечание Энгельса о буржуа-

«На... почве Америки история начинается с элементов буржуазного строя... как они развились в XVII веке». Это из предисловия к американскому изданию «Положение рабочего класса в Англии». Цитирую по изданию ИМЭЛ 1928 г., стр. 47⁵⁵.

«Америка — чисто буржуазная страна, не имеющая даже феодального прошлого, и очень горда своим чисто буржуазным строем» (Письмо Энгельса к Зорге от 8 февраля 1890 года. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Том 28, стр. 184)⁵⁶.

Я позволю себе привести замечание товарища Сталина, имеющее отношение к данному вопросу, из «Беседы с писателем Людвигом»: «Несмотря на то, что феодализм как общественный порядок давно уже разбит в Европе, значительные пережитки его еще продолжают существовать и в быту, и в нравах... феодальные традиции не разбиты до конца. Этого нельзя сказать об Америке, которая является страной “свободных колонизаторов”, без помещиков, без аристократов» (Большевик. 1932. № 8, стр. 38)⁵⁷.

Было бы нелепо предполагать, что речь идет о положительной оценке развития Соединенных Штатов как буржуазного государства. Слово «буржуазный» было в XVIII веке похвалой у просветителей. Речь идет о классовой характеристике американской экономики, социальной жизни и культуры. В данном случае это не является даже признаком преимущества Америки над странами, имевшими феодальное прошлое. В буржуазности американской культуры надо искать объяснение многих, совершенно специфических потоков американской жизни, которые отсутствуют или иначе выражены в странах с феодальным развитием.

Я приведу по этому поводу важную мысль Энгельса из его письма к [Герману] Шлютеру от 30 марта 1892 г.: американское общество выросло «на чисто капиталистическом базисе, лишено всякого феодального прекраснодушия и совершенно равнодушно к погибающим к борьбе за существование человеческим жизням»⁵⁸.

Жестокость как существенная черта американской жизни сказывается и в таких явлениях, как культивирование brutality в американской литературе, в том числе и новейшей литературе. Это — специфическое американское явление, и замечание Энгельса о буржуазном развитии Соединенных Штатов остро и тонко вскрывает характерные корни этого явления. Следует указать, что такой писатель, как Эдгар По, не только влекся к жестокости как

⁵⁵ Там же. М., 1961. Т. 21. С. 347.

⁵⁶ Там же. М., 1965. Т. 37. С. 297.

⁵⁷ «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г.» (Сталин И.В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 115).

⁵⁸ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., 1965. Т. 38. С. 274.

декадент, но и болезненно чувствовал эту атмосферу жестокости американской жизни, основанной на подмене человеческих взаимоотношений отношениями с чистоганом. Именно: «равнодушие к погибающим в борьбе за существование человеческим жизням». Вопрос этот не второстепенен при решении проблемы развития американского общества, это принципиальный вопрос, который необходимо ставить при объяснении американской литературы и культуры.

Второй вопрос — о буржуазных предрассудках и иллюзиях, распространенных среди широких масс американцев, которые (иллюзии) также тесно связаны с буржуазным развитием американского общества.

Я позволю себе привести последнюю цитату из Энгельса: «Именно из протеста против метрополии, все еще носящей феодальную маскировку, американский рабочий воображает, что традиционная буржуазная форма хозяйства есть нечто по самой своей природе и на все времена прогрессивное и превосходное, нечто *plus ultra*» (непревзойденное)⁵⁹.

В особенности сейчас, когда в США возобновляются с большой силой попытки идеологического подновления и приукрашивания буржуазной демократии, очень важно вскрыть эти специфические формы существования буржуазных предрассудков в США, а не сводить их к шаблону. В европейских странах обстановка другая. Отсталость рабочего движения в США чудовищна, даже по сравнению с европейскими капиталистическими странами. Это имеет, конечно, свое основание в особенностях экономического и социального развития американского общества.

Я потому обращаю такое большое внимание на этот вопрос, что нам, историкам литературы и культуры, от него отмахнуться невозможно. Считать, что постановка вопроса о буржуазном развитии США при отсутствии феодальной базы есть «откровение Старцева» — нелепо. Говорить, что это вредное, а тем более, антимарксистское положение, антимарксистская концепция — более чем странно. В статье Лейтеса цитата из Ленина взята изолированно и истолкована неправильно. Ленин неоднократно касался вопросов американской экономики, и именно в плоскости специфики развития капитализма в США. В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг.» Ленин дает свою знаменитую, классическую формулировку о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве — «пути прусского типа» и «пути американского типа», причем второй раскрывается

⁵⁹ Письмо Энгельса Ф.А. Зорге 31 декабря 1892 г. // Там же. Т. 38. С. 476.

Лениным как «перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера»⁶⁰. Т. Лейтес не говорит об этом ни слова.

Эта ленинская теория не находится ни в каком противоречии с высказываниями Энгельса о буржуазном характере развития США. Работу Ленина, из которой взята цитата, которую использует т. Лейтес, также знают все, кто занимается вопросами американской истории. Это — «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». В этой работе Ленин, на основании изучения положения негров-издолжников в бывших рабовладельческих штатах, указывает, что пережитки рабовладения в сельском хозяйстве этих штатов ничем не отличаются от пережитков феодализма. Речь идет, в частности, о так называемых «отработках» как феодальном пережитке в русском сельском хозяйстве⁶¹. Никакого пересмотра учения об «американском пути развития» как определяющем типе развития капитализма в американском сельском хозяйстве здесь нет. Есть существенное дополнение, а не переход на какую-либо иную точку зрения.

Мне хотелось бы сделать общее замечание по поводу статьи тов. Лейтеса. Я уже сказал, что наша книга во многом ошибочная и заслуживает суровой критики. Однако я полагаю, что ни на какие ошибки не следует отвечать передержками. Я думаю, что и тов. Лейтес мог бы при желании найти достаточно серьезных вопросов, на которых он мог бы остановиться, и проявить больший интерес к истине.

Я коснусь лишь одного из вопросов, который относится ко мне лично. Приведя цитату из Введения к книге, касающуюся образования американской нации, Лейтес пишет: «У него (Старцева) получается, что в условиях капитализма в XIX веке американский народ достиг не только внешнего, но и внутреннего единства».

Обвинение крайне тяжелое. Считать, что американский народ в период развитого капитализма, в XIX веке, имел внешнее и внутренне единство, — значит затушевывать классовые противоречия в Америке. Я позволю себе это обвинение опровергнуть.

В книге показано, как американская нация создавалась в период борьбы с Англией, в период борьбы за независимость, и тут же стала раздираться классовыми противоречиями. Подчеркиваю: речь идет о конце XVIII века. Революция же закончилась в 1783 году. По этому поводу в книге, в принадлежащей мне главе, сказано следующее: «Американская революция была буржуазной революцией, и буржуазия сделала все возможное, чтобы немедленно вслед за

⁶⁰ См.: *Ленин*. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 16. С. 216.

⁶¹ Там же. М., 1969. Т. 27. С. 142 и др.

окончанием войны переложить тягость послевоенных невзгод на трудящиеся массы» (стр. 55). Дальше на той же странице говорится о восстании Даниэля Шейса, т.е. о вооруженной борьбе демократических элементов против капиталистических элементов. Дальше на той же странице говорится, что «новая “федеральная” конституция 1787 г. обеспечивала командное положение в республике классам, представляющим буржуазную собственность», и что «она была принята при активном сопротивлении народных масс».

Дальше приводится цитата из Энгельса (введение к «Антидюрингу»), указывающая на грубое несоответствие просветительского «царства разума» и реальных форм буржуазного правопорядка, и, наконец, говорится: «...эти характерные черты утверждающегося буржуазного строя отчетливо выступают в США уже на другой день после победы революции» (стр. 56).

Как же можно после этого говорить, товарищи, что я утверждаю, что единство американской нации, создавшееся в период борьбы за независимость, продолжается в XIX веке в период капитализма?

Я не хочу приводить больше цитат из статьи Лейтеса и отвлекать ваше внимание от основной задачи сегодняшнего совещания. Я думаю, что буду иметь возможность поговорить об этом более подробно и ответить аргументированно на ряд других обвинений, которые он мне адресует, и общее обвинение в антинаучной, антимарксистской концепции.

Книга имеет существенные пороки, недостатки, мы за них отвечаем, и я в особенности. К сожалению, эти недостатки исправлены в книге уже быть не могут. Книга вышла. Наша задача так работать над вторым томом «Истории американской литературы», чтобы этот том удовлетворил советскую общественность.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет А.А. Елистратова.

тов. **ЕЛИСТРАТОВА:** Мне остается не много прибавить к тому, что было сказано моими предшественниками, участвовавшими вместе со мною в написании этой книги. Ответственность за выпуск этой книги несем мы лично и наш Институт. Вопрос о нашей неудаче выходит, однако, за пределы наших личных биографий. «История» с «Историей американской литературы» показывает, что нам (в частности и в первую очередь, мне лично) и вообще работникам советского литературоведения, в особенности в области западного литературоведения, которое находится на самом стыке с буржуазной культурой, особенно надо обращать внимание на вопрос о возможном влиянии на нас буржуазного «объективизма» и вести борьбу с ним. Всегда нужно иметь в виду противоречивость литературного процесса и рассматривать его не абстрактно-созерцательно, а в связи с классовой борьбой, проявляя партийность в своем литературоведческом анализе.

Всем нам, работникам литературоведения, необходимо серьезно вдуматься в вопросы нашей методологии, и, конечно, не в порядке выступления на собрании, посвященном выходу в свет данной неудачной книги, а в порядке перестройки всей нашей будущей повседневной работы. Должна сказать, что смутно ощущаемые мною тогда недостатки той книги, которую мы сегодня обсуждаем, смущали меня уже весной этого года, когда книга была подписана к печати, когда выходил сигнальный экземпляр. Но недостатки эти таковы, что исправить их путем отдельных частных изменений той или иной фразы, замены тех или иных страниц — нельзя, они неустранимы без коренного изменения всего тона книги.

Основной недостаток заключается именно в характере тона изложения, объективистского, академически созерцательного. Очевидно, надо было иметь смелость сказать, что не следовало бы выпускать эту книгу в таком виде; но полной ясности у меня по этому вопросу не было.

Я не могу присоединиться к тем товарищам, которые выступали до меня и в качестве извиняющего момента ссылались на конъюнктурные моменты и т.д. Если эти обстоятельства субъективно и могли повлиять на нас тогда, когда я и мои товарищи писали главы книги в 1942–1943 гг., то ни в какой мере они не являются извиняющими и никогда они не определяли — надо твердо сказать это — наших сознательных целей. Мы никогда не исходили сознательно из цели как-то «угодить» американской буржуазии или президенту Рузвельту. Другое дело, что действительно в сознании нашем укоренились слишком прочно академические навыки объективистского, созерцательного, пассеистского подхода к анализу историко-литературного процесса. Предполагалось, что когда дойдет до современности, до второго тома, где будет рассказываться о гражданской войне Севера и Юга и последующем развитии капитализма в США, будет показано, какие плоды принесла полная победа буржуазии в Америке, и будут излагаться события нашего времени, то здесь-то и раскроется полная мера нашего критического отношения к буржуазной культуре. Совершенно очевидно, что в этом и заключался один из существенных пороков построения первого тома. Необходимо было выбрать из привлеченных к изложению явлений главное, не увлекаться фактографией, а дать четкую критическую оценку литературной борьбы XVIII и начала XIX века, более определенно связать литературные процессы и с классовой борьбой в тогдашней Америке, и с интересами классовой борьбы нашей современности, показать, к чему ведут те процессы, которые мы показываем, и в чем их смысл исторический, а тем более политический. Эти недостатки необходимо признать полностью.

ТОВ. ЕЛИСТРАТОВА А.А.

неудача

Я согласна не со всеми замечаниями, которые высказывались сегодня при обсуждении. Не во всем согласна и со статьей Лейтеса, хотя его принципиальная установка, основанная на весьма критическом отношении к нашей работе, вполне мною принимается. Дело в том, что аргументация наших критиков основывается иногда на отдельных цитатах, вынутых из контекста, а не в этом дело — главное — это объективистский, созерцательный характер всего изложения в целом.

Я не буду сейчас задерживать ваше внимание отдельными замечаниями по частным пунктам аргументации наших критиков, с которыми я не согласна, так как в основном общие выводы критики я принимаю.

В выступлении т. Яковлева, в частности, имелся ряд неточностей, недоразумений, которые можно разрешить в частной беседе. Коснусь только одного его замечания о том, что я цитирую Ленина не по подлиннику, а из вторых и третьих рук. Тов. Яковлев основывает свое обвинение на том, что в тексте я действительно неправильно назвала «статьей» то, что является книгой Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Вы вправе мне верить или не верить, но я должна сказать, что эту работу я читала в подлиннике, как и вообще все те работы Ленина, которые я цитирую. Ленин мне слишком дорог, чтобы я стала его пересказывать из чужих рук, заимствуя откуда-то цитаты.

Сегодняшнее обсуждение мы не можем рассматривать как какое-то завершение процесса критики первого тома «Истории американской литературы». Я полагаю, что это только начало этой критики. Я имею в виду не только те статьи, которые еще появятся, вероятно, на страницах нашей советской печати и которые мы будем весьма внимательно читать. Я думаю, что в процессе нашей дальнейшей работы мы сами должны и будем себя критиковать. Самокритика является законом движения вперед в нашей области, как и во всех других областях нашей общественной жизни, законом поступательного движения вперед. Мы надеемся, что с помощью указаний, полученных от вас, здесь присутствующих, и с помощью собственной самокритики мы сумеем исправить наши ошибки, допущенные в 1-м томе «Истории американской литературы», и двинемся вперед. В особенности эта критика должна нам помочь в построении второго тома «Истории американской литературы», в котором мы постараемся в какой-то мере возместить очень существенные недостатки первого тома.

В этой связи необходимо осуществить те организационные предложения, которые были внесены Тамарой Лазаревной Моты-

левой. Необходимо расширить состав нашей редколлегии и, может быть, пополнить состав авторского коллектива теми товарищами, которые могут быть нам полезны. ~~На этом я хотела бы закончить свое выступление.~~

тов. БРОДСКИЙ: Я полагаю, что в результате нашего сегодняшнего собрания мы должны принять соответствующую резолюцию, которая должна иметь принципиальное значение и которая должна стать как бы решающим фактором в деятельности не только сектора западной литературы, в недрах которого появился этот первый столь неудачный том «Истории американской литературы», но и во всей нашей деятельности. Вчерашний день на собрании университетских работников лейтмотив выступлений всех весьма ответственных товарищей был сформулирован так: нам необходимо разносторонне учиться и овладевать самым передовым, полноценным в научном отношении учением Маркса–Ленина. Нам, представителям старого поколения, временами приходится весьма трудно отрывать от себя те убеждения, с которыми мы слились, но логика вещей такова, что раньше считалось ценным, перестает казаться таковым в свете системы марксизма-ленинизма.

Наше молодое поколение, выросшее после Октября, оно, оказывается, временами также поддается влиянию тех концепций, которые связаны с буржуазной научной мыслью досоветского времени. В этом случае они находятся в одном положении с нами, а именно, совершают ошибки.

Я полностью согласен, что наше сегодняшнее обсуждение не дает ни малейшего основания для тех предположений, которые для меня совершенно неожиданно звучали в ваших устах, что будто намечается ситуация — не похоронить ли нам нашу науку о литературе. Такого чудовищно нелепого предположения я не могу слышать. Когда вы говорите, что впадают в панику, давайте будем с такими паникерами бороться всемерно. В нашей среде, я убежден, такого настроения не было никогда.

Я предлагаю на ваше обсуждение следующую резолюцию, которая, возможно, вызовет некоторые отдельные замечания, но разрешите заранее считать ее отвечающей общей линии, какая была проведена на нашем сегодняшнем совещании, и если у кого-нибудь возникнут замечания, полагаю, что та редакционная комиссия, которая у нас будет составлена для окончательных формулировок, она даст нашему Ученому Совету окончательную формулировку.

Зачитывается резолюция: «Обсудив статью в газете “Культура и жизнь” об одной антинаучной концепции....»

Товарищи из западного сектора, выступите с вашими замечаниями.

тов. АНИКСТ: Мне кажется, что мы сегодня обсуждали не статью тов. Лейтеса, а «Историю американской литературы», — поэтому я предложил бы изменить первую фразу: «Обсудив “Историю американской литературы” том 1, собрание...» и т.д.

Во-вторых, мне кажется, что на собрании не было приведено достаточных доказательств, что в книге имеется идеализация американских свобод. Зачитанные цитаты из книги не свидетельствуют об этом факте, поэтому я бы предложил эту часть снять. Она даже не содержится в статье т. Лейтеса.

(БРОДСКИЙ: Это было высказывание не т. Лейтеса, а т. Успенского.)

Но для этого нет достаточных оснований.

(БРОДСКИЙ: Это ваше мнение, что это не обосновано!)

Ни из каких мест книги это не явствует. Имеется, наоборот, прямая критика буржуазной американской демократии.

тов. УСПЕНСКИЙ: Я думаю, что поправки т. Аникста не следует принимать по следующим причинам: во-первых, обсуждалась книга «История американской литературы», но в целом ряде выступлений обсуждалась и статья т. Лейтеса в «Культуре и жизни». Вторая поправка относительно идеализации американских свобод. Безусловно, в книге такая идеализация есть. А.А. Аниксту приходилось выслушивать не только критические выступления, которые имели место сегодня, но приходилось выслушивать и иные доказательства и аргументацию, что такая идеализация есть⁶². В чем заключается эта идеализация? Во-первых, она заключается в пропаганде того, что Америка является родиной всех наций. Естественно, что Абель Исакович Старцев не говорит этого от себя, но это дается соответствующим подбором цитат из Кревекера, из [Франклина] и других американских деятелей.

(СТАРЦЕВ: Значит, вы хотите сказать, что я пропагандирую... (не слышно))

Все эти произведения отнюдь не являются шедеврами, все те цитаты, которые приводятся вами. Тут нет вашей оценки этих высказываний как советского литературоведа. Во-первых, в отношении положения негров — вы утверждаете, что в новейшее время отсталость негров преодолевается. Вы идеализируете колониальную политику Англии при завоеваниях Америки. Это достаточно цитировалось, и Б.В. Яковлевым, и в статье А.М. Лейтеса приводился ряд мест из вашей книги, где показана идеализация амери-

⁶² Вероятно, имеется в виду, что Аникст как член партии (с 1942 г.) присутствовал на закрытом партсобрании ИМЛИ, где рассматривался вопрос об ИАЛ.

канских свобод и американской конституции. Мне кажется, я привел достаточно убедительные цитаты из вашей диссертации, причем я привел цитату итоговую. Я повторяю еще раз, что это лежит в концепции вашей работы.

(СТАРЦЕВ: Сегодня моя диссертация не служит предметом обсуждения.)

Все это отражено в вашей книге, где говорится, что создан новый тип общества. Я думаю, что мы имеем полное право сказать относительно идеализации свобод американских, причем они даны еще одним методом — методом отсутствия критики. Сейчас советская литература, советские литературоведы показывают и раскрывают характер так наз. буржуазных «свобод», и в это время у нас появляется книга, в которой эти факты замалчиваются, в которой не раскрывается вся эта лживая подоплека так называемого мифа о «свободе» — о свободе печати, свободе вероисповедания, о свободе наций в капиталистической Америке.

Я думаю, что достаточно убедительно это было продемонстрировано в рецензии и сегодня в речах выступающих.

тов. СТАРЦЕВ: Я не имею возможности видеть этот документ, поэтому не смогу ничего ответить.

тов. из ПРЕЗИДИУМА: Я предлагаю первую поправку т. Аникста принять и подтверждаю, что сегодняшнее собрание в Институте назначено совершенно независимо от появления статьи т. Лейтеса в «Культуре и жизни». Разумеется, поскольку накануне этого собрания появилась статья Лейтеса, она была предметом внимания. Собрание созвано только для обсуждения книги.

тов. МОТЫЛЕВА: Данная формулировка вызвала сопротивление авторов только потому, что она может быть обвинением в преднамеренной идеализации. Я предлагаю включить формулировку, которая указывала бы на непреднамеренность этого результата, который получился. А результат получился такой, что поскольку книга не дает острой критики американского буржуазного строя, постольку она создает неверное, приукрашенное представление. Что касается вывода, то вследствие недостатков концепции изложения книга не дает надлежащего правильного представления об американском буржуазном строе, о пороках буржуазного строя — это можно устранить, сняв обвинение в преднамеренности.

тов. ЯКОВЛЕВ: Я присоединяюсь к редакции и должен сообщить то место, на которое ссылалась Е.Н.⁶³ «Что же такое американец, — спрашивает Кревекер, и отвечает: — Я знал одну семью...»

⁶³ Е.Л. Гальперина этой темы в своем выступлении не касалась; о «родине всех наций» говорил И.Н. Успенский; вероятно, в стенограмме ошибка.

(*читает*). Я думаю, что истолковать это место, как суждение об Америке, как родине всех наций — невозможно⁶⁴.

Что касается идеализации американских свобод, разумеется, непреднамеренной, можно ввести пункт, который предлагает Тамара Лазаревна. По поводу пресловутой свободы американской печати я напому случай с Джоном Теннером. В виду того, что эта убийственная характеристика американской демократии также не нашла отражения в книге — это не делает ей чести. Мы обсуждаем книгу, а не авторов, об авторах вопрос не ставится. Мы говорим о том, что в книге написано, и о том, что в книге умалчивается. Тут все время указывается — у Лейтеса есть, у Лейтеса нет, Лейтес не окончательная инстанция.

тов. БРОДСКИЙ: Мы можем так принять. «Заслушав замечания товарищей по поводу...» (*зачитывает текст резолюции*).

Товарищи западники! Вы против этого не возражаете?

(ГОЛОСА: Правильно! Правильно!)

Дальше — авторы тома допустили ряд грубых ошибок анти-марксистского характера...

(УСПЕНСКИЙ: Надо сказать: «Как на собрании, так и на страницах “Культуры и жизнь”»).

Зачитываю еще раз: «Заслушав замечания товарищей по поводу первого тома “Истории американской литературы” и обсудив статью Лейтеса в газете “Культура и жизнь”»..... (*зачитывает текст резолюции*).

(ГОЛОСА: Этого не нужно повторять...)

(*Читает дальше*): «...вместо подлинного научного анализа. Лишена большевистской партийности...»

Ведь это же все говорилось. Возражений нет?

(*Возражений нет.*)

(*Читает дальше*): «Подбор цитат из произведений...» (*читает текст резолюции*). «...объективно выступали как апологеты буржуазной Америки XIX века».

(СТАРЦЕВ: Там ни разу не цитировался... так нельзя говорить!)

тов. ТАГЕР⁶⁵: Такая резолюция производит какое-то чудовищное впечатление! Трудно себе представить, чтобы авторы при всех их намерениях могли бы изобразить Маркса или Энгельса апологе-

⁶⁴ «Я знал семью (американских колонистов), глава которой был англичанин, его жена — голландка, сын был женат на француженке и четыре внука на женщинах четырех других национальностей. Американец — это тот, кто, оставив за собой все старые традиции и предрассудки, воспринял новый образ жизни, новый политический строй, новое положение в обществе» (ИАЛ, с. 12).

⁶⁵ Евгений Борисович Тагер (1906–1984), канд. филол. наук, сотрудник сектора по изучению Горького ИМЛИ.

тами буржуазной Америки. Насколько я понял, речь идет об отсутствии большевистской критики у авторов этой книги, что не позволило обнажить... В результате возможно ощущение объективной идеализации этих отношений. Поэтому я полагаю, что следовало бы выбросить пункт о том, что классики марксизма-ленинизма выступают в качестве апологетов буржуазных общественных отношений, и вместо утверждения, что авторы идеализируют такие отношения, указать, что в книге нет надлежащей критики существующих там буржуазных отношений.

тов. БРОДСКИЙ: Я согласен с такой формулировкой. Критика была бы ужасной вещью, если бы она сама не подлежала критике. Это дает мне право снять этот пункт.

(Зачитывается следующий пункт резолюции): «История американской литературы, русско-американских культурных связей освещена недостаточно и создает преувеличенное представление о влиянии американской культуры на русскую».

тов. АНИКСТ: Поскольку это заседание не только западного сектора, но и всех секторов других, в резолюции должно быть как-то сформулировано, что эта критика воспринимается как фактор того, что критика не случайно так мало имела места в нашем Институте, а во-вторых, что выводы этой дискуссии должны быть сделаны для всех секторов.

тов. БЯЛИК: Это нужно более широко сказать.

тов. БРОДСКИЙ *(зачитывает)*: «Собрание обязывает научных работников сектора западной литературы разработать меры по исправлению ошибок, имеющихся в первом томе “Истории американской литературы”, а также принять меры к решительному повышению идейно-политического уровня всех научных работников Института мировой литературы».

тов. ЕЛИСТРАТОВА: Это стилистически неправильно.

тов. БРОДСКИЙ: Стилистически мы изменим при редактировании, а по существу возражений нет?

(Возражений нет.)

Разрешите на этом закрыть заседание.

ЛИТЕРАТУРА

Абель Старцев: Концлагерь за Джека Лондона и Марка Твена. Интервью с Абелем Старцевым Михаила Бузукашвили // Чайка. 2002. № 5 (21). — URL: <http://www.chayka.org/node/3755>

Адмони В.Г., Сильман Т.И. Мы вспоминаем. Роман. СПб.: Композитор, 1993.

Азадовская Л., Азадовский К. История одной фальсификации. М.: РОСС-ПЭН, 2011.

Данилин Ю. Поэты Парижской коммуны: Материалы к истории поэзии Парижской коммуны. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1947.

Гальперина Е., Запровская А., Эйшишкина Н. Курс западной литературы XX века. Том I. М.: Учпедгиздат, 1934.

Дружинин П. Годовщина Победы или начало новой войны? // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. С. 455–469.

Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Дружинин П. Ленинградские филологи в публичных лекциях. 1940-е. Хроника // Острова любви Борфедда. Сб. к 90-летию Б.Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2016. С. 345–372.

Дружинин П.А. Филологический факультет Московского университета в 1949 г. Избранные материалы // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 380–452.

Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». 24 июня 1947 г. [М.:] Госполитиздат, 1952.

История американской литературы / ИМЛИ АН СССР. М.: Наука, 1947. Т. 1. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. [М.:] Госполитиздат, 1952.

Лейтес А. Об одной антинаучной концепции (Первый том «Истории американской литературы») // Культура и жизнь. 1947. 21 сентября. № 26.

Лейтес А. Художественный перевод как явление родной литературы // Вопросы художественного перевода. М.: Советский писатель, 1955. С. 97–119.

Лейтес Л.А. «И никакого розового детства...» // Странники войны. Воспоминания детей писателей. 1941–1944 / Сост., ред. Н.А. Громовой. М.: Астрель, 2012.

Маневич И. За экраном. М.: Новое издательство, 2014.

Мендельсон М. Уолт Уитмен. М.: ГИХЛ, 1954.

«Мы предчувствовали полыханье...» Союз Советских писателей в годы Великой Отечественной войны / РГАЛИ: В 2 т. М.: РОССПЭН, 2015.

Панов С., Панова О. «История американской литературы» в советской Академии наук. Статья первая // Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 194–242.

Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953. М.: МФД; Материк, 2005.

Труды ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Библиографич. указатель. 1939–2000 / Сост. Е.Д. Лебедева. М.: ИМЛИ, 2002.

Фрезинский Б. Уроки фальсификаторам и плагиаторам // Нева. 2012. № 9. С. 227–230.

Цейтлин А.Г. Русская литература первой половины XIX века. Учебник для высших учебных заведений. М.: Учпедгиздат, 1940.

Черная Л.Б. Косой дождь: воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Яневич Н. [= Евнина Е.М.] Институт мировой литературы в 1930-е–1970-е годы // Память. Исторический сборник. М.; Париж: Editions La Presse Libre, 1982. Вып. 5. С. 83–162.

REFERENCES

“Abel’ Startsev: Kontslager” za Dzheka Londona i Marka Tvena. Interv’iu s Abelem Startsevym Mikhaila Buzukashvili”. *Chaika*. 2002: 5 (21). Online at <http://www.chayka.org/node/3755>

Admoni, V.G.; Sil'man, T. I. *My vspominaem. Roman*. St.-Petersburg: Kompozitor Publ., 1993.

Azadovskaya, L., Azadovsky, K. *Istoria odnoi fal'sifikatsii*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011.

Chornaya, L.B. *Kosoi dozhd': vospominaniya*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015.

Danilin, Yu. *Poety Parizhskoi kommuny: Materialy k istorii poezii Parizhskoi kommuny*. Vol. 1. Moscow: GIKhL Publ., 1947.

Druzhinin, P.A. "Filologicheskii fakul'tet Moskovskogo universiteta v 1949 g. Izbrannye materialy". *Literaturnyi fakt*: 1–2 (2016): 380–452.

Druzhinin, P. "Godovshchina Pobedy ili nachalo novoi voiny?" *Novoe literaturnoe obozrenie*: 116 (2012): 455–469.

Druzhinin, P.A. *Ideologia i filologia. Leningrad, 1940-e gody. Dokumental'noe issledovanie*: in 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.

Druzhinin, P. "Leningradskie filologi v publichnykh lektiiaakh. 1940-e. Khronika". In *Ostrova liubvi Borfedo. Sbornik k 90-letiu B.F. Egorova*. St.-Petersburg: Rostok Publ., 2016: 345–372.

Frezinsky, B. "Uroki falsifikatoram i plagiatoram". *Neva*: 9 (2012): 227–230.

Gal'perina, E.; Zaprovskaya, A.; Eishiskina, N. *Kurs zapadnoi literatury XX veka*. Vol. I. Moscow: Uchpedizdat Publ., 1934.

Istoria amerikanskoi literatury. IMLI AN SSSR. Moscow: Nauka Publ., 1947. Vol. 1.

Istoria Vsesoiuznoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Kratkii kurs. [Moscow]: Gospolitizdat Publ, 1952.

Leites, A. "Khudozhestvennyi perevod kak iavlenie rodnoi literatury". *Voprosy khudozhestvennogo perevoda*. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1955: 97–119.

Leites, A. "Ob odnoi antinauchnoi kontseptsii (Pervyi tom *Istorii amerikanskoi literatury*)". *Kultura i zhizn'*: 26 1947. 21.09.

Leites, L.A. "'I nikakogo rozovogo detstva...'" In *Stranniki voiny. Vospominaniia detei pisatelei. 1941–1944*, ed. N.A. Gromova. Moscow: Astrel' Publ., 2012.

Manevich, I. *Za ekranom*. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006.

Mendelson, M. *Walt Whitman*. Moscow: GIKhL Publ., 1954.

"*My predchuvstvovali polykhan'e...*" *Soiuz Sovetskikh pisatelei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* / RGALI. 2 Vols. Moscow: ROSSPEN Publ., 2015.

Panov, S.; Panova, O. "*Istoriia amerikanskoi literatury*" v sovetskoi Akademii nauk. Statia pervaiia". *Literatura dvukh Amerik*: 1 (2016): 194–242.

Stalin i kosmopolitizm. Dokumenty Agitpropa TsK KPSS. 1945–1953. Moscow: Materik Publ., 2005.

Trudy IMLI im. A.M. Gor'kogo RAN. Bibliografich. ukazatel'. 1939–2000, comp. by E.D. Lebedeva. Moscow: IMLI Publ., 2002.

Tseitlin, A.G. *Russkaia literatura pervoi poloviny XIX veka. Uchebnik dlia vysshikh uchebnykh zavedenii*. Moscow: Uchpedizdat Publ., 1940.

Zhdanov, A.A. *Vystuplenie na diskussii po knige G.F. Aleksandrova "Istoria zapadnoevropeiskoi filosofii"*. 24 iunia 1947 g. [Moscow:] Gospolitizdat Publ., 1952.

Yanovich, N. [= Evnina E.M.] "Institut mirovoi literatury v 1930-e-1970-e gody". *Pamiat'. Istoricheskii sbornik*. Issue 5. Moscow; Paris: Editions La Presse Libre, 1982.